

Читаем
и говорим
по-русски

Часть 2

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Читаем и говорим по-русски

Книга для чтения
В двух частях

Часть 2

2-е издание, переработанное и дополненное

Минск 2009

УДК 808.2 (075.8)

ББК 81.2Р-926

Ч-69

Рекомендовано Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 2 (22) от 16.03.09 г.

Авторы: Л.В. Баландина, О.Н. Жизневская, И.С. Каминская, З.Н. Полищук

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент *Т.И. Гринцевич* (БГАТУ); кандидат филологических наук *А.В. Рачковская* (МГЛУ)

Ч-69 **Читаем и говорим по-русски : Книга для чтения : в 2 ч. Ч. 2.**
/ Л.В. Баландина [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск : МГЛУ, 2009. — 124 с.
ISBN 978-985-460-322-3 (Ч. 2).
ISBN 978-985-460-320-9.

Вторая часть пособия состоит из *текстов для ознакомительного чтения*, содержащих не менее 30% избыточной информации. Тексты снабжены системой вопросов для самоконтроля. Второе издание дополнено системой предтекстовых и послетекстовых заданий, с помощью которых реализуется главная цель пособия — *развить устную речь иностранных студентов на основе работы с литературными текстами*, расширить лингвокультурологические знания обучаемых.

Пособие может быть использовано как для аудиторных занятий под руководством преподавателя, так и для самостоятельной работы студентов. Предназначено для работы с иностранными студентами, изучающими русский язык в вузах гуманитарного профиля и на интенсивных курсах русского языка.

УДК 808.2 (075.8)

ББК 81.2Р-926

ISBN 978-985-460-322-3 (Ч. 2)
ISBN 978-985-460-320-9

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2001

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2009, с изменениями

Содержание

Условные сокращения и обозначения. 4

Часть 2

Тексты для ознакомительного чтения

Текст 1. Мой брат играет на кларнете (по А. Алексину)	5
Текст 2. Синяя звезда (по А. Куприну)	14
Текст 3. Душечка (по А. Чехову)	20
Текст 4. Уроки французского (по В. Распутину)	26
Текст 5. День возмужания (по П. Капице)	40
Текст 6. Последняя просьба (по А. Вампилову)	50
Текст 7. Судьба человека (по М. Шолохову)	55
Текст 8. Снег (по К. Паустовскому)	66
Текст 9. Алые паруса (по А. Грину)	73
Текст 10. Голубое и зелёное (по Ю. Казакову)	84
Текст 11. Шинель (по Н. Гоголю)	99
Текст 12. Солнце, старик и девушка (по В. Шукшину)	108
Текст 13. Барышня-крестьянка (по А. Пушкину)	114

Условные сокращения и обозначения

- безл. – безличный
вводн. – вводный
глагол. – глагол
дееприч. – деепричастие
ж.р. – женский род
зд. – здесь
и т.д. – и так далее
и т.п. – и тому подобное
книжн. – книжный
кр. – краткий
л. – лицо
-л. (кто-л., что-л. и т.д.) – -либо (кто-либо, что-либо и т.д.)
мест. – местоимение
-н. (кто-н., что-н. и т.д.) – -нибудь (кто-нибудь, что-нибудь и т.д.)
нареч. – наречие
негат. – негативный
неопред. – неопределённый
прил. – прилагательное
перен. – переносное (значение)
превосх. ст. – превосходная степень
прич. – причастие
прост. – просторечие, просторечное
прош. – прошедший
разг. – разговорный стиль
сокращ. – сокращение
сущ. – существительное
т.е. – то есть
уменьш. – уменьшительный
уст. соч. – устойчивое сочетание
устар. – устаревшее
фр. – французский
фраз. – фразеологизм
част. – частица
= – синоним
≠ – антоним

ТЕКСТЫ ДЛЯ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

Текст 1. Мой брат играет на кларнете

(По одноименной повести А Алексина)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

кларнет – музыкальный духовой инструмент

дневник – зд. записи, ведущиеся каждый день

консерватория – высшее музыкальное учебное заведение

оркестр – группа музыкантов, совместно исполняющих музыкальное произведение на различных инструментах

аккомпанемент – музыкальное сопровождение

аккомпанировать кому? чему? на чём? – исполнять под аккомпанемент музыкального инструмента

аплодировать кому? чему? – хлопать в ладоши в знак одобрения; рукоплескать

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

играть *на чём?* на кларнете

на скрипке

на гитаре

на пианино

играть *во что?* в футбол

в прятки

в карты

посвящать/посвятить *что? кому? чему?*

жизнь брату

стихи девушке

вмешиваться/вмешаться *во что?*

в жизнь брата

в дела других людей

Задание 3. Заполните пропуски недостающими словами.

кларнет – кларнетист – кларнетистка

пианино – ... – пианистка

гитара – гитарист – ...

флейта – ... – ...
... – скрипач – ...
певец – певица
артист – ...

Задание 4. Как вы понимаете значение следующих предложений?

1. Девочки часто придают поступкам мальчишек какой-то особенный смысл.
2. Я решила отдать свою жизнь брату.
3. Я всю дорогу молчала, а Алина просто не закрывала рот.

Задание 5. Прочитайте текст «Мой брат играет на кларнете». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

МОЙ БРАТ ИГРАЕТ НА КЛАРНЕТЕ

(Из дневника девочки)

21 декабря

Почти все девочки из нашего класса ведут **дневники**. И пишут туда всякие глупости. Например: «Вася попросил у меня сегодня тетрадку по геометрии. Тайно и очень тихо, чтобы никто не услышал. Зачем? И почему у меня? Почему он так волновался? Уже полночь. Но я думаю об этом и не засну до утра».

А Вася просто решил списать домашнее задание по геометрии. Именно у неё, потому что у меня он уже списывал. Волновался — потому, что не знал, даст она ему тетрадь или нет. Вот и всё. Девочки часто придают поступкам мальчишек какой-то особенный смысл.

Я тоже девочка, но я понимаю, что вести **дневники** должны только великие люди. Нет, я не думаю, что я великая, но у меня есть брат, который учится на втором курсе **консерватории**. Он будет великим музыкантом, это точно. В этом я не сомневаюсь. И вот по моему **дневнику** люди узнают, каким он был.

Мой брат играет на **кларнете**. Он будет выступать в больших концертных залах. Сейчас он готовится к конкурсу музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Мне жалко, что кларнет называют духовым инструментом. Когда я думаю о духовых инструментах, я вспоминаю большую трубу. Мне кажется, кларнет можно было назвать как-нибудь по-другому...

Я учусь не очень хорошо. Но это не важно. Я решила отдать свою жизнь брату. Так часто бывает с сёстрами великих людей. Они даже не выходят замуж. Я тоже не выйду. Никогда! Лёва уже знает о моём решении. Сначала он спорил, а потом согласился.

К несчастью, многие люди не знают, какой это важный инструмент — кларнет. Немногие знают, что он начинает Пятую симфонию Чайковского. «Незаметный герой оркестра» — так говорит о кларнете Лёва. Он даже рад,

что кларнет незаметный. Лёва тоже хочет быть незаметным. У него такой характер. Но я этого не допущу!

Всем соседям я уже рассказала, что Лёва — музыкант, и что он готовится к конкурсу. Но я решила вести дневник, начиная с какого-нибудь великого дня. И вот этот день пришёл!

Сегодня в школе меня остановил десятиклассник Роберт. Он взял меня за руку и спросил:

— Организуешь выступление своего брата у нас на новогоднем вечере? В первом отделении мы хотели послушать музыку и стихи, а во втором — танцы. Музыка для первого отделения у нас нет. Мы надеемся на твоего брата.

Я сразу поняла, что у меня никогда не будет такого случая стать великой и знаменитой. Не могла же я каждому школьнику говорить, что мой брат учится в консерватории. А тут все сразу узнают! Но я решила немного подождать.

— Видишь ли, — сказала я Роберту. — Мой брат сейчас готовится к конкурсу...

— На новогодний вечер приглашают только десятые классы. Ты учишься в седьмом. Но я даю тебе два билета — для тебя и для брата.

Что будет с моими подругами, когда они узнают, что я приглашена на новогодний вечер для старшеклассников!

Я взяла два билета.

22 декабря

Я хочу написать ещё о вчерашнем дне. Когда я пришла домой, Лёва играл на кларнете. Он всегда играет. И утром и вечером. Я не могу понять, как у него хватает терпения. Лёва не прекращает играть, когда кто-нибудь входит в комнату. Как будто он не замечает. А мы все ходим очень тихо. Но вчера я не выдержала и сказала:

— Прости меня, Лёва. Но у меня важное дело. Тебя просят выступить у нас на новогоднем вечере. — Лёва несколько секунд помолчал. Когда его отрывают от любимого дела, он всегда немного молчит, как будто возвращается к нам из какого-нибудь другого мира. Так мне кажется...

— Тебя просят выступить у нас в школе! — повторила я, потому что думала, что Лёва меня не услышал: он был в другом мире.

— Я готов, — сказал Лёва. — Но слушать выступление одного кларнетиста на новогоднем вечере? Может быть, пригласить весь наш студенческий оркестр? Это будет лучше!

Я этого не хотела. Потому что тогда на первом месте будут скрипачи, а Лёва будет сидеть в углу сцены и опять превратится в «незаметного героя оркестра».

— Ваш оркестр не поместится на нашей сцене, — ответила я. — И потом его никто не приглашал. В нашей школе очень любят кларнет. Поэтому просили прийти только тебя. Вот два билета.

— Я готов, — сказал Лёва. — А как же мой аккомпанемент?

«Мой аккомпанемент» — так Лёва называл студентку Лилию, которая всегда аккомпанировала ему на пианино. Лилия не только играла вместе с Лёвой. Она в него влюблена. Это всем ясно. И поэтому она не откажется выступить у нас на вечере. Я не мешаю Лиле смотреть на Лёву, потому что она толстая и некрасивая. Я доверяю некрасивым женщинам, — они не смогут отвлечь моего брата от музыки!

— Что ты будешь играть, Лёва?

— Надо сыграть что-нибудь понятное, лёгкое. Может быть, «Полёт шмеля»?

— Нет, это слишком известное. Может быть, из «Франчески да Римини»?

— Можно.

После «Франчески да Римини» мой брат уйдёт со сцены. Ему будут аплодировать. Он снова выйдет, но только для того, чтобы поклониться. Но тут я встану и скажу:

«Сыграй ещё, Лёва. Я прошу тебя!»

И назову такое произведение, которое никто из старшеклассников никогда в жизни не слышал. Лёва сыграет. А потом придёт в зал и сядет рядом со мной. А потом будут танцы...

— Ты будешь танцевать только со мной! — сказала я брату.

— Я готов... Но только ты знаешь, я плохо танцую, старомодно...

— Вот поэтому ты будешь танцевать только со мной! Клянись.

— Хорошо, клянусь.

27 декабря

Да, у Наташи Ростовой первый бал намного счастливее, чем у меня! Намного счастливее!

Когда я составляю какие-нибудь планы, то вначале, когда я всё придумываю, всё идёт просто и хорошо, потому что участники будущих событий делают так, как мне хочется. И в этом, я думаю, главный недостаток моих планов. Потому что в жизни участники событий начинают делать совсем по-другому, как им самим хочется. И тогда ничего не получается.

Вчера так и получилось. Об этом не хочется писать. Но я всё-таки напишу, раз уж я веду дневник. А то у будущих исследователей жизни моего брата будут всякие неясности.

Неприятности начались с самого начала.

Я была уверена, что встречу у школы своих подруг — шестиклассниц и семиклассниц, которые попробуют пройти на вечер. Но их не пропустят, а Лёва возьмёт меня под руку, и мы гордо пройдем к дверям школы. Там будут стоять два старшеклассника с красными повязками на руке. Они закричат:

— Вы из консерватории? К нам на концерт? Мы вас ждём!

Чтобы они так закричали, я привела Лёву к школе в последнюю минуту. Но никого из моих подруг около школы не было. Они не пришли.

Десятиклассник с красной повязкой побежал нам навстречу.

— Вы из ресторана «Звёздное небо»? — спросил он у Лёвы.

— Он из Московской консерватории — ответила я. — Это мой брат. Он будет играть у нас на концерте.

— Проходите! — махнул рукой десятиклассник.

И мы вошли в школу. Мы долго стояли в очереди в раздевалку. Вокруг нас ходили красивые, повзрослевшие от праздничных платьев десятиклассники и говорили о том, что танцы будут до двенадцати часов ночи, что наш школьный джаз подготовил новую программу, и что, может быть, приедет певец из ресторана «Звёздное небо».

Никто не обращал на нас внимания. Наконец, одна десятиклассница посмотрела на меня и спросила:

— А ты что тут делаешь?

— Я с братом, — ответила я. О кларнете и о консерватории я ничего не могла сказать.

Девушка повернулась и посмотрела на Лёву так, как будто думала: выходить за него замуж или нет? Эти десятиклассницы часто так смотрят на незнакомых мужчин.

Мой брат не понравился ей, и она отвернулась...

Но самое ужасное было ещё впереди!

Лёва вышел на сцену. Он выглядел совсем не как артист! Его костюм был отглаженным, а казался мятым, и не Лёвиным, а чужим.

«Я сама буду ходить с Лёвой к портным! И сама буду заказывать ему костюмы!» — подумала я.

А пока с Лёвой к портным ходила мама. У неё был старомодный вкус. И наши модные мальчишки, наверное, смотрели на Лёву из первого ряда и смеялись.

Потом вышла Лиля с нотами. Лиля вела себя как на настоящем концерте: вышла уверенным шагом, с высоко поднятой головой, строго поклонилась. И наши модные мальчишки захлопали. Лиля села к пианино и смотрела на Лёву. Это тоже было как на настоящем концерте.

Лёва заиграл отрывок из «Франчески да Римини». Я не слышала, как он играл, потому что волновалась. И смотрела на своих соседей. Некоторые закрыли глаза и слушали. Так слушают хорошую музыку. Потом захлопали, но хлопали не очень долго. Может быть, Лёве нужно было уйти со сцены, тогда бы хлопали больше. А так все поняли, что он будет играть ещё.

Лёва улыбнулся так, как будто он был дома, махнул рукой и заиграл «Полёт шмеля». Ему снова хлопали, но меньше, чем в первый раз.

Неожиданно на сцену вышел Роберт. Он что-то тихо сказал Лёве, и Лёва заиграл ещё...

Когда он закончил, он опять по-домашнему улыбнулся, как будто в зале сидели его родственники. И это было совсем не как на настоящем концерте!

Но самое ужасное было ещё впереди. Но об этом я напишу завтра, потому что мама уже два раза говорила, что мне пора спать.

— Если бы ты так долго делала уроки, — сказала мама. — Ты совсем не думаешь о своём будущем!

Но я думаю о своём будущем, поэтому и веду дневник.

28 декабря

Перед вторым отделением вечера все стулья вынесли в коридор. И сразу коридор стал узким, а зал большим. Все девчонки были в хорошем настроении. Все они прекрасно выглядели! Внизу, в раздевалке, это не было заметно, потому что многие были ещё в пальто, а теперь были видны их платья. А на мне было совсем детское платье с воротником, и я была рядом с ними совсем некрасивая. Но зато со мной рядом стоял мой брат Лёва, будущий великий музыкант! Я взяла его под руку, и все на меня смотрели.

— Что тебе сказал Роберт на сцене? — спросила я.

— Должен был приехать певец из ресторана, но не приехал. И он попросил меня ещё поиграть. Мне не было трудно ему помочь...

Это любимое Лёвино дело — кому-нибудь помогать. Его приятели всегда приходят к нему перед экзаменами, и он им помогает. Я боюсь, что на это уйдут все его силы.

Роберт на сцене сказал:

— Певец из ресторана не приехал, но наша Алина с нами!

— Ура! — закричали мальчишки. А девочки совсем немного похлопали. Они не любили Алину. Они завидовали ей потому, что она была очень красивая.

Так иногда женщины выходят грустные из кино, когда главную роль в фильме играет красавица. Они даже некоторое время не смотрят на своих мужей. Нет, я никогда не выйду замуж!

Мне хотелось, чтобы Лёве понравился наш школьный вечер, и я тихо сказала:

— Алина прекрасно знает польский язык! Как русский! И очень хорошо поёт!

Алина не только пела по-польски, но и выглядела как полька. У неё были белые волосы, закрывающие один глаз.

Алина пела тихо, и все в зале просто не дышали, чтобы её хорошо слышать. Мальчишки хлопали ей изо всех сил и даже свистели, чем выражали свою радость и восторг. А Лёва начал хлопать так, как будто он был на концерте мировой знаменитости!

Когда Алина кончила петь, она решила прыгнуть в зал прямо со сцены. Все мальчишки бросились ей помогать и протянули руки. И тут произошло что-то совсем неожиданное: Лёва тоже подбежал к сцене и протянул Алине руку!

Мне было обидно, что Лёвина рука потерялась среди других рук, но Алина со сцены разглядела Лёвину руку и взяла именно её! Лёва стал красивым, Алина прыгнула в зал, и он поблагодарил её. За что? По-моему, это она должна была сказать ему «спасибо»!

Наш школьный оркестр заиграл танго. И я подумала, что сейчас я буду в первый раз танцевать на вечере старшеклассников. Лёва подбежал ко мне, протянул мне кларнет и сказал:

— Подержи, пожалуйста!

Потом он опять побежал к сцене и протянул Алине руку, приглашая её танцевать.

Как я ненавидела Алину в эту минуту! Я ненавидела даже её имя — оно было такое редкое, необычное. Она заставила Лёву бросить свою сестру, которая хотела посвятить ему всю жизнь!

После танго Лёва подошёл ко мне красный и взволнованный.

— Ты же обещал танцевать только со мной! — закричала я.

— Да, — ответил Лёва, — но я умею танцевать только танго. Ты же знаешь, что другой танец я танцевал бы смешно.

Оркестр заиграл твист. И я не успела спасти своего бедного брата! Алина сама подошла к Лёве и пригласила его танцевать. И Лёва пошёл танцевать твист, который танцевать не умел...

Когда вечер кончился, мы пошли провожать Алину домой, а её дом находился совсем в другой стороне от нашего.

Я всю дорогу молчала. А Алина просто не закрывала рот. И говорила она в свой меховой воротник:

— Берегу горло! — объяснила она.

Вы слышали? Она бережёт горло! Она, наверное, думает, что она великая певица!

— Сразу после Нового года, — сказал Лёва, — у нас будет концерт студентов второго курса в малом зале консерватории... Для меня будет большим подарком, если вы придёте.

— Дайте мне ваш телефон, я вам позвоню, — ответила Алина.

— Нет, вы можете не дозвониться. Может быть, мы сразу договоримся?

Наконец, Алина согласилась прийти.

— Мы будем ждать вас у входа! — сказал Лёва.

У меня не осталось сомнений — он влюбился!

29 декабря

Вся моя жизнь под смертельной угрозой! Вся моя жизнь! Но я думаю, конечно, не о себе, а о Лёве! Ради него я пойду на всё! Настоящие сёстры часто вмешиваются в жизнь своих братьев! Я тоже вмешуюсь! Лёва забудет Алину и хорошо подготовится к конкурсу! Я должна действовать, и я буду...

30 декабря

Сегодня последний день перед каникулами. Я очень люблю каникулы! Учителя отдохнут от нас, мы отдохнём от них. И поэтому у всех хорошее настроение. Старшеклассники бегают по школьному коридору и договариваются, кто с кем будет встречать Новый год.

Но у меня на душе тяжело. Я думаю об Алине!

Перед последним уроком Алина подошла ко мне сама. Но я даже одного шага не сделала ей навстречу. Она улыбнулась мне одним глазом, потому что второй у неё всегда был закрыт светлыми волосами.

— Какие у тебя отметки? Родители будут довольны?

Я знаю, что обычно невесты хотят подружиться с родителями своих женихов. Алина ещё не была знакома с мамой и папой, она решила начать с меня. Но у неё ничего не получится!

— Поздравляю тебя с Новым годом, — продолжала Алина. — И всех наших общих знакомых.

Я поняла, что она говорит о Лёве.

— Увидимся в новом году, — сказала Алина. — Место встречи всё то же?

Тут я сделала решительный шаг.

— Вы знаете, — сказала я тихо, — Лёва очень просил меня извиниться перед вами, но наша встреча не состоится. У него есть невеста, и ей было бы неприятно, если бы...

— Какая невеста?

— Его аккомпаниаторша. Она некрасивая, но у них общее дело — они очень любят музыку. И очень любят друг друга.

Это была ложь для спасения брата. Сможет ли он оценить это в будущем?

3 января

Вчера был концерт студентов консерватории... Он начинался в семь тридцать вечера, но мы с Лёвой пришли на час раньше. Лёва боялся, что Алина перепутает время и придёт на час раньше, потому что некоторые концерты начинаются в шесть тридцать.

Мы бы, наверное, совсем замёрзли, если бы не бегали навстречу каждой красивой девочке, которая появлялась на улице, потому что Лёве каждый раз казалось, что это Алина.

Наконец Лёва сказал:

— С ней что-то случилось? Как ты думаешь?

— Ничего с ней не случилось! Просто она не любит музыку. А особенно не любит **кларнет!**

В эту минуту появились мама и папа. Они шли торжественные и рядные и гордо смотрели по сторонам, как будто все вокруг должны были знать, что их сын выступает сегодня в консерватории. А их Лёва, которым они так гордились, прыгал от холода как воробей.

Лёве пора было идти внутрь, а я осталась на улице и обещала ждать ещё минут десять, хотя знала, что Алина не придёт.

Наконец, начался концерт. Седой мужчина произнёс нашу фамилию, и на сцену вышел Лёва. Он нашёл меня глазами, увидел рядом со мной пустое место и очень расстроился.

Я не слышала, как он играл, потому что смотрела вокруг себя на зрителей. Потом ему хлопали, но не очень сильно.

Потом я услышала голос, который сказал:

— У него сегодня не получается.

Другой голос ответил:

— Да, сегодня он играет плохо.

Я знала, что сзади меня сидели Лёвины преподаватели. Мне захотелось повернуться к ним и закричать:

— Это я во всём виновата!

Ночью я слышала, как Лёва переворачивается в постели и даже что-то говорит. Потом он встал и пошёл на кухню. Когда он вернулся, я спросила:

— Что с тобой? Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет... Просто хочется пить. Как ты думаешь, почему она не пришла?

Я не смогла молчать.

— Это я виновата, Лёва!

Я рассказала всё. Я не видела Лёвиного лица. Так мне было легче говорить.

— Ты поступаешь плохо, — сказал Лёва.

Когда такие слова произносят громко, это значит, что человек просто сердится. А Лёва сказал их тихо и спокойно. Значит, он был в этом уверен. Мне стало холодно под одеялом.

— Никто не имеет права вмешиваться в дела других людей! — сказал Лёва.

Я села к нему на постель.

— А всё-таки хорошо, что она не пришла из-за меня. А не сама. Хорошо?

Было темно, но я увидела, что Лёва улыбнулся. И я пошла к себе в комнату.

Я не буду больше вести дневник. А то в книге о моём брате могут не поместить мой портрет со словами «Сестра музыканта».

Задание 6. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Кто главные герои повести? Почему повествование ведётся в форме дневника?
2. Кто, по мнению девочки, должен вести дневник и почему она считает, что тоже имеет на это право?
3. На каком инструменте играет её брат и как девочка относится к этому?
4. Почему она согласилась организовать выступление своего брата на школьном новогоднем вечере?
5. Какой разговор состоялся между сестрой и братом накануне вечера?
6. Как прошло первое отделение концерта?
7. Как Лёва познакомился с Алиной и понравились ли они друг другу?
8. Как поступила сестра для «спасения» брата? (Почему сестра обманула Алину?)
9. Как это отразилось на выступлении Лёвы в консерватории?
10. Почему девочка решила больше не вести дневник?

Задание 7. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом повести.

Будет великим музыкантом; не пришла из-за меня, а не сама; не любили Алину; решила отдать жизнь брату; ведут дневники; учится на втором курсе консерватории; влюбился в Алину; приглашают только десятые классы; решила прыгнуть в зал прямо со сцены; вмешалась в жизнь брата; увидел пустое место и расстроился; аккомпанировала на пианино; поступаешь плохо.

Задание 8. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 7.

Задание 9. Побеседуем.

1. Зачем, на ваш взгляд, люди ведут дневники? А вы сами когда-нибудь вели дневник?
2. Как вы считаете, можно ли вмешиваться в чужую жизнь, даже из самых лучших побуждений?

Текст 2. Синяя звезда

(По одноименному рассказу А. Куприна)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

воин – тот, кто сражается с врагом, служит в армии, боец

доспехи – воинское снаряжение

лгать/солгать кому? = обманывать/обмануть кого? = говорить/сказать неправду кому?

кормилица – женщина, кормящая грудью чужого ребёнка

шкатулка – небольшой ящик для мелких вещей

пробасть – крутой и глубокий обрыв, бездна

безобразный – очень некрасивый

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

покорять/покорить кого? что? чем?

зрителей

страну

талантом

уничтожать/уничтожить кого? что?

врага

все зеркалá

расстраиваться/расстроиться почему? из-за чего? из-за кого?

из-за плохой оценки

из-за брата

Задание 3. Распределите предложения по двум группам:

а) предложения, в которых есть действительные (активные) причастия;

б) предложения, в которых есть страдательные (пассивные) причастия.

Замените причастные обороты на конструкцию «который + глагол».

1. Однажды сильные люди, пришедшие с юга и одетые в железные доспехи, поднялись на гору и пришли в страну.
2. Воины женились на красивых девушках, живущих в этой стране.
3. На стене одной из комнат остались несколько слов, написанных Эрном Первым.
4. Она шла и думала о вчерашнем празднике, о тех взглядах, которые бросали друг на друга танцевавшие юноши и девушки.
5. Вдруг она услышала человеческий голос, стон, идущий из пропасти.
6. Я обещал перевести тебе фразу, написанную на стене Эрном Первым.

Задание 4. Прочитайте текст «Синяя звезда». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

СИНЯЯ ЗВЕЗДА

Очень давно в одной далёкой стране жил мирный народ. Эта страна находилась между высокими горами. Однажды сильные люди, пришедшие с юга и одетые в железные доспехи, поднялись на гору и пришли в страну. Суровым воинам очень понравилась страна с её мирным народом и тёплым климатом. Они решили здесь жить. Страну не нужно было покорять, потому что жители страны не знали, что такое оружие. Поэтому воины просто сняли свои железные доспехи и женились на красивых девушках, живущих в этой стране. Королём этого государства стал Эрн Первый — самый храбрый и сильный из воинов. И страна стала называться Эрнотеррой.

Прошло около тысячи лет. Старинный язык, на котором говорили воины, пришедшие в страну, был забыт. Все люди говорили теперь на эрнотеррском языке. Но люди помнили о своём первом короле — великом и мудром Эрне Первом. Это он, мудрый Эрн, научил жителей выращивать хлеб и овощи, получать металлы. Он научил их писать, читать, рисовать, сочинять сти-

хи и музыку. Он создал основной закон Эрнотерры, гласивший: «В Эрнотерре никто не должен лгать».

В старом дворце были собраны, как память, некоторые вещи Эрна Первого: его доспехи, его одежда. На стене одной из комнат остались несколько слов, написанных Эрном Первым. Никто не понимал этих слов, потому что старинный язык был забыт жителями Эрнотерры. В замке были также три портрета Эрна Первого. Эти портреты были сделаны с большим искусством, но, глядя на них, жители очень расстраивались, потому что их первый король был очень некрасив, а эрнотерраны очень гордились своей национальной красотой. Поэтому они говорили: «Наш великий король Эрн Первый был некрасив лицом, но очень красив душой. Красота души — вот главное в этом человеке!»

После Эрна Первого королём стал его сын, потом внук, потом правнук. Иногда в династии Эрнов рождались очень некрасивые сыновья, похожие на Эрна Первого. Правда, эти некрасивые короли были обычно добрыми, умными, весёлыми, и это заставляло забыть об их некрасивых лицах.

Добрый король Эрн XXIII был очень красив. Он был женат на самой красивой девушке страны. У них очень долго не было детей. Наконец, через десять лет родилась дочь, но когда королеве первый раз показали дочь, она заплакала: девочка была очень некрасива. Королева долго плакала, а потом сказала:

— Я буду любить её ещё больше за то, что она так некрасива. Она похожа на Эрна Первого: может быть, она будет такой же доброй и умной, как он. Мы назовём её Эрной.

Прошло три года. Девочка росла и становилась всё некрасивее, но это была добрая, мягкая и умная девочка, и все любили её.

Однажды королева пришла к королю и сказала ему:

— Наша дочь растёт, и скоро придёт день, когда она посмотрит в зеркало и поймёт, как она некрасива. Нужно, чтобы Эрна никогда не смотрела в зеркало. В Эрнотерре не должно быть зеркал.

Король согласился и попросил свой народ уничтожить все зеркала в королевстве. Эрнотерраны с большим сочувствием выслушали своего короля и уничтожили все зеркала в стране.

Прошло ещё двенадцать лет. Эрне шёл пятнадцатый год. Она была крепкой, сильной, высокой девушкой. Никогда не уставала она помогать старым, больным и бедным. Народ очень любил её. Но часто Эрна встречала взгляды, в которых чувствовала жалость. «Может быть, я не такая, как все?» — думала Эрна и спрашивала своих подруг:

— Скажите мне, дорогие подруги, красивая я или нет?

И так как в Эрнотерре никто не лгал, подруги отвечали ей:

— Вас нельзя назвать красивой, но вы милее, умнее и добрее всех девушек на свете!

Тот день, когда Эрне исполнилось пятнадцать лет, был весело отпразднован во дворце. На следующее утро Эрна собрала в корзину вкусную еду, оставшуюся от вчерашнего обеда, и пошла в горы к своей старой кормили-

це. Она шла и думала о вчерашнем празднике, о тех взглядах, которые бросали друг на друга танцевавшие юноши и девушки. Никто никогда не смотрел таким взглядом на Эрну: лишь вежливость, сострадание и жалость читала она в почтительных улыбках. «Неужели я так некрасива?» — думала девушка.

Думая об этом, Эрна дошла до дома **кормилицы** и постучалась, но, не получив ответа, открыла дверь и вошла в комнату. Она села у окна, чтобы подождать **кормилицу**. Вдруг она увидела маленькую **шкатулку**, в которой **кормилица** хранила разные сувениры, связанные с её детством и юностью. Когда Эрна была маленькой девочкой, она часто играла с этой **шкатулкой**, рассматривая сувениры.

Сейчас она решила ещё раз посмотреть **шкатулку**. Она внимательно рассматривала сувениры. Вдруг на дне **шкатулки** она нашла какой-то кусок стекла. С одной стороны он был красный, с другой — серебряный, блестящий и как будто глубокий. Эрна увидела в этом стекле угол комнаты, повернув стекло, она увидела очень некрасивое лицо.

Эрна подняла брови вверх — некрасивое лицо сделало то же самое. Наклонила голову — лицо повторило это движение. Тогда поняла вдруг Эрна, что смотрит на неё из странного предмета её же собственное лицо. Положила она зеркало на стол, закрыла лицо руками и заплакала.

В это время вошла вернувшаяся **кормилица**. Увидев **шкатулку**, Эрну и зеркало, она сразу поняла всё. Она подошла к Эрне и стала говорить ласковые, нежные слова, но девушка встала и приказала:

— Расскажи мне всё.

И такая сила была в её голосе, что **кормилице** пришлось рассказать Эрне о приказе короля. Выслушав её, Эрна сказала:

— В Эрнотерре никто не должен лгать.

И она вышла из дома. Долго шла Эрна по горным дорогам. Ей не хотелось идти домой. Она шла по самому краю **пропасти**, не замечая опасности. Вдруг она услышала человеческий голос, стон, идущий из **пропасти**. Эрна сразу забыла о своём горе и стала спускаться в **пропасть**. Скоро она увидела человека, который висел над **пропастью**, держась рукой и ногой за камни. Его одежда говорила о том, что он не был жителем Эрнотерры. Эрна не могла спуститься к нему: дороги не было. Что было делать Эрне? И вдруг ей пришла в голову прекрасная мысль: она сняла своё красивое голубое платье и сделала из него верёвку. Эрна бросила верёвку вниз и ей удалось поднять этого человека. Когда он выбрался из **пропасти**, он посмотрел на Эрну и сказал:

— Кто ты? Ангел или фея этих гор? Или ты прекрасная богиня?

Сказав это, он потерял сознание. Эрна смотрела на него и думала: «Он тоже некрасив, как и я. Но как он смотрел на меня! И почему мне так хорошо сейчас? Как бы я хотела быть красивой для него!»

В это время Эрна услышала чьи-то голоса. Это старая **кормилица** привела людей из соседней деревни: она пошла за Эрной и, услышав стон, сразу поняла, что её дорогой девочке надо помочь.

Молодого человека отнесли во дворец и положили в лучшей комнате.

Надо ли долго рассказывать, что было дальше?

Когда молодой человек пришёл в себя, он узнал Эрну и очень обрадовался. Как нетерпеливо каждое утро он ждал Эрну, и как трудно было Эрне расставаться с ним каждый вечер!

Молодой человек учил язык Эрнотерры, а Эрна учила его язык.

Любовь — лучшая учительница языка. Очень скоро молодой человек смог рассказать Эрне, что его зовут Шарль и что он сын короля Франции.

Он очень любил путешествовать по горам и вот теперь чуть не погиб из-за своей любви. Он рассказал Эрне о гороскопе, написанном для него великим французским предсказателем Нострадамусом. В гороскопе была такая фраза: «...И в горах на северо-востоке увидишь сначала смерть, потом синюю звезду. Она будет светить тебе всю жизнь».

Эрна тоже рассказала о своей стране, о своей семье. Она показала Шарлю доспехи и портреты Эрна Первого. Посмотрев эти портреты, Шарль сказал, что первый король, по его мнению, был так же красив, как и мудр. Прочитав же на стене фразу, написанную Эрном Первым, он весело улыбнулся.

— Почему вы смеётесь, Шарль? — спросила Эрна.

— Дорогая Эрна, — ответил Шарль, целуя её руку, — я обязательно скажу вам об этом, но когда-нибудь потом.

Очень скоро молодые люди решили пожениться. В день свадьбы в стране был большой праздник. Все танцевали, пели, желали молодым людям счастья, и только королева-мать с грустью думала: «Какие же некрасивые у них будут дети!»

В эти дни, глядя на танцующие пары, Эрна сказала мужу:

— Мой любимый! Для тебя я хотела бы быть похожей на самую красивую из женщин Эрнотерры!

— Но я не хочу этого! Ты прекрасна! — ответил Шарль.

— Нет, я знаю, что я некрасива. У меня слишком длинные ноги, слишком маленькие руки, слишком тонкая талия, слишком большие глаза противного синего, а не чудесного жёлтого цвета.

Но Шарль говорил ей, что она прекрасна. Наконец праздники закончились. Эрна и Шарль поехали во Францию, на родину Шарля. Когда они приехали в Париж, король встретил их во дворце и сказал Эрне:

— Дочь моя, я не знаю, что в тебе лучше — доброта или красота. Ты прекрасна...

А скромная Эрна думала: «Это очень хорошо, что я живу теперь в стране, где все люди некрасивы. Здесь я похожа на всех».

Прошёл год, у Эрны родился мальчик. Показывая его мужу, Эрна сказала:

— Любимый, мне стыдно говорить об этом, но я считаю, что он очень красив, хотя он похож на тебя, на меня и не похож на жителей Эрнотерры.

Шарль ответил, улыбаясь:

— Помнишь тот день, когда я обещал перевести тебе фразу, написанную на стене Эрном Первым?

— Да, любимый!

— Слушай же. Она была сделана на старом латинском языке и означала вот что: «Мужчины моей страны умны, верны и трудолюбивы. Женщины моей страны честны, добры и понятливы, но прости их Бог — и те и другие безобразны!»

Задание 5. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Что случилось тысячу лет назад в стране Эрнотерре?
2. Какой была страна, какие люди в ней жили?
3. Что вы узнали об Эрне Первом?
4. Почему мать маленькой Эрны долго плакала, когда в первый раз увидела свою дочь?
5. Какое решение приняли родители Эрны?
6. Как узнала Эрна о приказе короля?
7. Как встретились Эрна и Шарль?
8. Что Эрна узнала о жизни Шарля?
9. Как сложилась дальнейшая судьба Эрны и Шарля?
10. Какая фраза была написана на стене?

Задание 6. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом рассказа.

Была очень некрасива; решила посмотреть шкапулку; был некрасив лицом, но очень красив душой; находилась между высокими горами; гордились национальной красотой; поехали во Францию; увидела очень некрасивое лицо; создал закон; сняла платье и сделала из него веревку; прочитал фразу, написанную Эрном Первым; решили пожениться; уничтожили все зеркала; висел над пропастью.

Задание 7. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 6.

Задание 8. Побеседуем.

1. Какова, на ваш взгляд, главная мысль рассказа?
2. Подумайте над фразой великого русского писателя Ф.М. Достоевского «Красота спасет мир»? Как вы ее понимаете? Видите ли вы связь между этой фразой и главной мыслью рассказа «Синяя звезда»?

Текст 3. Душечка

(По одноименному рассказу А. Чехова)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

душечка (уменьш. от *душа*) – ласковое обращение к кому-л. очень милому
театр горит – *зд.* театр не приносит доходов, только убытки
наивный – неопытный, простодушный
сделать предложение кому? – предложить кому? выйти замуж
скоропостижно (умереть) – очень быстро и неожиданно
пустяк – что-то неважное
ветеринар – врач для животных
расходиться/разойтись с кем? – покинуть друг друга, расстаться, прервать отношения
изменять/изменить кому? чему? – нарушить верность
жить как монашка – *монашка* ← *монахиня* ← *монах* – член религиозной общины, давший обещание вести аскетическую жизнь; *аскетический* – без жизненных удовольствий
траур – чёрная одежда, знак печали по умершему
составлять/составить мнение о ком? о чём? – создать какое-л. мнение путём размышлений
отдать жизнь за кого? за что? – умереть ради кого-л., чего-л.

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

жаловаться на кого? на что?

на свою судьбу
на неприятности

любить/полюбить кого? за что?

Кукина за его несчастья
мужчину за ум
женщину за красоту

делать/сделать предложение кому?

любимой девушке

одажливывать/одолжить что? кому?

деньги актёрам
машину другу
ручку подруге

торговать чем?

лесом
фруктами

разойтись с кем?

с женой

с мужем

мириться/помириться с кем?

с женой

с сыном

плакать/заплакать от чего?

от радости

от горя

Задание 3.А. В тексте вам встретятся некоторые устойчивые выражения. Попробуйте определить их значение.

1. На лице у него всегда было написано отчаянье.
2. Оленька опять надела чёрное платье и стала жить как монашка.
3. Она нашла своё новое счастье с соседом.
4. За этого чужого ей мальчика она отдала бы всю жизнь, отдала бы с радостью.

Задание 4. В тексте вам встретятся некоторые выражения со словом мнение. Какие выражения с этим словом знаете вы?

1. Быть такого же мнения о чём?
2. Составить мнение о чём?
3. Сказать своё мнение о чём?

Задание 5. Прочитайте текст «Душечка». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

ДУШЕЧКА

Молодая барышня Олечка сидела во дворе своего дома задумавшись. Было жарко, но с востока надвигались тёмные дождевые тучи, и было ясно, что скоро будет дождь.

Посреди двора стоял Кукин, руководитель и владелец открытого летнего театра, живший в этом же дворе, и смотрел на небо.

— Опять! — говорил он с отчаянием. — Опять будет дождь. Каждый день дожди. Публика на спектакли не ходит! Театр горит! А ведь я за аренду плачу, артистам плачу! Ужас!

Дождь был и на следующий день, и на третий. И каждый день Кукин стоял посреди двора и громко жаловался на свою судьбу. Оленька слушала Кукина молча и серьёзно. В конце концов она полюбила Кукина за его несчастья. Он был некрасив, невысок, с жёлтым лицом, на лице у него всегда было написано отчаяние, но она полюбила его глубоко, по-настоящему. Она постоянно кого-нибудь любила и не могла без этого. Раньше она любила своего

отца, который теперь сидел, больной, в тёмной комнате, в кресле, и тяжело дышал; любила свою тётю, которая иногда приезжала к ним в гости; а ещё раньше, когда училась в гимназии, любила своего учителя французского языка. Это была тихая девушка с мягким взглядом, очень здоровая. Глядя на её полные розовые щёки, на мягкую белую шею, на добрую, наивную улыбку, все люди улыбались и называли её «душечкой».

Кукин тоже полюбил Оленьку, сделал ей предложение, и они поженились. Он был счастлив, но так как в день свадьбы и потом ночью шёл дождь, то с его лица не сходило выражение отчаяния.

После свадьбы жили хорошо. Она сидела в кассе театра, смотрела за порядком, выдавала деньги актёрам. И она говорила всем знакомым, что самое замечательное, самое важное и нужное на свете — это театр и что получить настоящее удовольствие и стать образованным человеком можно только в театре. И что говорил о театре и об актёрах Кукин, то повторяла и она. Актёры любили её и называли «мы с Ванечкой» и «душечкой», она жалела их и одалживала им деньги, и если ей не возвращали долгов, то она тихо плакала, но мужу не жаловалась.

Весной Кукин поехал в Москву искать новых актёров, а она без него не могла спать, всё сидела у окна и глядела на звёзды.

Кукин писал в письмах, что скоро вернётся, но вдруг, в понедельник перед Пасхой, поздно вечером она услышала, как кто-то стучит в дверь:

— Откройте, телеграмма!

Оленька и раньше получала телеграммы от мужа, но сейчас она почему-то испугалась. Дрожащими руками она взяла телеграмму и прочитала: «Иван Петрович скоропостижно умер сегодня вечером».

— Ванечка! — заплакала Оленька. — Миленький мой! Как я жить без тебя буду!

После похорон Оленька вернулась домой, упала на кровать и начала плакать так громко, что слышно было соседям.

— Душечка, Ольга Семёновна! — говорили соседи. — Как ей тяжело, как плачет!

Через три месяца Оленька как-то возвращалась из церкви, печальная, в чёрном платье. Случилось так, что с ней возвращался её сосед Василий Андреевич Пустовалов, продавец леса.

— Успокойтесь, Ольга Семёновна. Если кто-нибудь из наших близких умирает, значит, так Бог решил.

Доведя Оленьку до дома, он попрощался и пошёл домой. После этого она весь день думала о нём. Он ей очень понравился. И она, наверно, ему тоже понравилась, потому что на следующий день он пришёл к ней в гости. И, хотя он сидел недолго и говорил мало, Оленька почувствовала, что полюбила его. Скоро они поженились.

Жили молодые хорошо. До обеда они обычно сидели на работе. После обеда Оленька помогала мужу, писала счета. Со всеми знакомыми она говорила только о торговле лесом, о ценах на лес.

Ей казалось, что она торгует лесом уже давным-давно, что в жизни самое важное и нужное — это лес.

Какие мысли были у мужа, такие и у неё. Если он думал, что в комнате жарко или что дела идут хорошо, то так думала и она. Муж её не любил никаких развлечений и в праздники сидел дома, и она тоже.

— И всё вы дома сидите, — говорили знакомые. — Вы бы сходили, душечка, в театр или в цирк.

— Нам с Васечкой некогда по театрам ходить, — отвечала она. — Мы люди работающие, нам не до пустяков. Да и что хорошего в этих театрах?

Когда Пустовалов уезжал по делам, она сильно скучала. Иногда по вечерам приходил к ней сосед — военный ветеринар Смирнов. Он играл с ней в карты, рассказывал о своей семейной жизни. Он был женат и имел сына, но с женой разошёлся, так как она ему изменила. Оленька слушала его и говорила:

— Вы бы помирились с женой ради сына! Мальчик, наверно, уже всё понимает.

А когда возвращался Пустовалов, она рассказывала ему о ветеринаре и его несчастной семейной жизни, и им было жаль его.

Так прожили Пустоваловы тихо и спокойно шесть лет. Но однажды зимой Василий Андреевич простудился и умер. Оленька опять надела чёрное платье и стала жить как монашка, выходя только в церковь и на могилу мужа.

И только когда прошло шесть месяцев, она сняла траур и начала выходить на рынок. Многие в городе стали замечать, как она пьёт чай в своём саду с ветеринаром. Встретясь на почте со знакомой дамой, она сказала:

— У нас в городе очень плохой ветеринарный контроль. А о здоровье животных надо думать, как о здоровье людей.

Она повторяла мысли ветеринара и теперь была обо всём такого же мнения, как он. Было ясно, что она не могла прожить без привязанности и одного года и нашла своё новое счастье с соседом.

Она и ветеринар никому не говорили о своих отношениях, старались скрыть, но это им не удавалось, потому что у Оленьки не могло быть тайн. Когда к ветеринару приходили гости, она наливала им чай, говорила с ними о ветеринарном контроле, о болезнях животных, а он краснел и, когда уходили гости, сердито говорил:

— Я ведь просил тебя не говорить о том, чего ты не понимаешь!

А она смотрела на него и спрашивала:

— Володечка, о чём же мне говорить?

Она целовала его, просила не сердиться, и оба были счастливы. Но счастье продолжалось недолго. Ветеринару пришлось уехать в другой город, и Оленька осталась одна. Теперь она была уже совсем одна. Она похудела и постарела, и на улице люди не смотрели на неё, как раньше, и не улыбались ей; очевидно, лучшие годы уже прошли, и теперь началась какая-то новая жизнь, неизвестная, о которой лучше не думать. Хуже всего было то, что у неё уже не было никаких мнений. Она видела вокруг себя предметы и пони-

мала всё, что происходит вокруг, но ни о чём не могла **составить мнения** и не знала, о чём ей говорить. А как это ужасно не иметь никакого мнения! Видишь, например, как стоит бутылка, или идёт дождь, или идёт человек, а какой в них смысл, сказать не можешь и даже за тысячу рублей ничего не сказала бы.

При Кукине и Пустовалове и потом при ветеринаре Оленька могла объяснить всё и сказала бы своё мнение о чём угодно. Теперь же в голове и в сердце у неё была такая же пустота, как во дворе. Через несколько лет, в июле, кто-то постучал в дверь. Оленька открыла дверь и увидела ветеринара. Увидев его, она заплакала от радости.

— Володя, откуда ты?

— Я решил переехать в этот город, — сказал ветеринар. — С женой я помирился, она с сыном сейчас в гостинице, а я хожу и ищу квартиру.

— Господи! Да живите у меня! — сказала Оленька. — Дом у меня большой. Живу я одна, половину вам отдам.

И на следующий день приехала жена ветеринара с сыном Сашей — девятилетним мальчиком с ясными голубыми глазами и розовыми щеками.

Оленька поговорила с ним, напоила его чаем, и сердце у неё в груди стало тёплым, как будто этот мальчик был её родным сыном. И когда вечером он, сидя в столовой, повторял урок, она смотрела на него радостно и шептала:

— Милый мой... Такой хороший, такой умный...

— Островом называется, — читал Саша, — часть суши, окружённая водой.

— Островом называется часть суши.. — повторила она, и это было её первое мнение после стольких лет молчания и пустоты в мыслях.

Саша начал ходить в гимназию. Его мать уехала к сестре в другой город и не возвращалась. Отец много работал, часто не бывал дома по два-три дня. Саша стал жить с Оленькой. Каждое утро Оленька входит к нему в комнату. Он крепко спит, положив руку под щеку. Ей жаль будить его.

— Сашенька, — говорит она, — вставай, милый! В гимназию пора.

Он встаёт, одевается, завтракает и идёт в гимназию. Оленька провожает его до гимназии, и когда он входит в подъезд, она ещё долго смотрит ему вслед. Ах, как она любит его!

Ни одна из её прежних привязанностей не была такой глубокой. За этого чужого ей мальчика, за его розовые щёки и голубые глаза она отдала бы всю жизнь, отдала бы с радостью. Почему? А кто знает, почему?

Проводив Сашу, она возвращается домой, довольная и спокойная, её лицо, помолодевшее за последние полгода, улыбается. Знакомые, встречающие её на улице, улыбаются, глядя на неё, и говорят:

— Здравствуйте, душечка Ольга Семёновна! Как поживаете, душечка?

— Трудно сейчас в гимназии учиться, — рассказывает она на рынке. — Вчера в первом классе такое большое задание дали.

И она начинает говорить об учителях, об уроках, об учениках — то же самое, что говорит о них Саша. Когда Саша ложится спать, она долго думает

о его будущем, о том, как он закончит гимназию, а потом университет, станет врачом или инженером, какая у него будет жена, какие дети... Думая об этом, она засыпает.

...Вдруг сильный стук в дверь. Оленька просыпается и не дышит от страха. «Это телеграмма от Сапиной мамы, — думает она. — Мать хочет, чтобы Саша поехал к ней. О, Господи!» Она в отчаянии, у неё холодеет голова, руки, ноги. Ей кажется, что она самый несчастный человек в мире. Но проходит минута, она слышит голоса и понимает, что это ветеринар вернулся из клуба. «Ну, слава Богу!» — думает она. Ей опять становится легко, она ложится и думает о Саше, который крепко спит в соседней комнате.

Задание 6. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Назовите главных героев рассказа.
2. Сколько раз Ольга была замужем?
3. За что Ольга полюбила своего первого мужа?
4. За кого она вышла замуж после его смерти?
5. Чем занимался Пустовалов?
6. Почему Ольга и Смирнов старались скрыть свои отношения?
7. Кто такой Саша?
8. Как он появился в доме Ольги?
9. Как Ольга относилась к Саше?

Задание 7. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом рассказа.

Говорил о театре и об актёрах; полюбила Кукина за его несчастья; ходить в гимназию; скоропостижно умер; называли её душечкой; писала счета; разошёлся с женой; повторяла мысли ветеринара; сидел дома в праздники, говорила только о торговле лесом.

Задание 8. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 7.

Задание 9. Побеседуем.

1. Как вы думаете, нравится ли А.П. Чехову его героиня? Есть ли у неё отрицательные черты характера?
2. Почему, по вашему мнению, автор показал, что у Душечки всё чужое: чужие мысли, чужой ребёнок, чужая жизнь?
3. Должна ли, на ваш взгляд, современная женщина быть похожей на Душечку?

Текст 4. Уроки французского

(По одноименному рассказу В. Распутина)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

райцентр (сокращ. от *районный центр*) – небольшой городок
полупортка – грузовая машина грузоподъемностью в 1,5 тонн
относиться спустя рукава – относиться небрежно, без энтузиазма
ангарское происхождение – герой рассказа родился и рос на Ангаре; Ангара – река на Юго-Западе Восточной Сибири
вот ещё! – выражение, указывающее на отказ, несогласие с чем-либо: конечно, нет!
кон – место, на которое в игре кладутся деньги
решка *прост. устар.* – сторона монеты, на которой обозначена цифра (достоинство монеты), обратная гербовому изображению
орёл *прост. устар.* – сторона монеты, на которой изображён герб; в России до революции на гербе был изображён орёл
пятёрка – пять рублей
во всём белом свете – во всем мире
ни одна душа – ни один человек
как назло *негат.* – как специально
ломать язык – пытаться сказать что-то трудно произносимое (зд. на французском языке)
(идти) как на пытку – так говорят о крайне неприятном деле, занятие которым вызывает только негативные эмоции, страдания; *пытка* – физическое насилие
хлопотать (по квартире) – заниматься домашними делами
не чая (дождаться) (*дееприч.* от *глагол. чайть*) – ожидать
гематоген – лекарственный препарат из бычьей крови, сделанный в виде сладкой плитки; предназначен для улучшения крови
ребром (*нареч.* от *ребро*) – узкий край или сторона предмета
плашмя – плоской стороной
ноль внимания – без внимания, игнорируя
голова садовая – обращение к человеку, совершившему глупость
Кубань *разг.* – территория вдоль реки Кубань в пределах Грузии, Ставропольского и Краснодарского краёв России

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

не ладится с чем?
с французским

с математикой
с правописанием

бросать/бросить что? куда?

камень в цель
монету в стенку

бить/побить кого?

мальчика
ябеду
врагов

скрывать/скрыть что? от кого?

что-либо от Лидии Михайловны
сникя от учителя
оценки от родителей

попадаться/попасться на чём?

на макаронах
на обмане
на краже

чувствовать/почувствовать вкус к чему?

к французскому языку
к учёбе

напрашиваться/напроситься на что?

на игру
на ужин

Задание 3. Обратите внимание на образование видовых форм глаголов *играть – сыграть, выиграть – выигрывать*. Образуйте формы несовершенного вида от глаголов *проиграть, подыграть*.

Задание 4. Прочитайте текст «Уроки французского». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то, что было в школе — нет, а за то, что случилось с нами после.

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильнее сказать поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось уехать из дома в **райцентр**. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со своей знакомой, что я буду жить у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе **полуторки**, выгрузил меня на улице Подкаменной, где мне предстояло жить, ободрил, похлопал меня по плечу и уехал. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная жизнь.

Учился я тут хорошо. Что мне оставалось? Затем я сюда и приехал, другого дела у меня не было, а **относиться спустя рукава** к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Я бы не осмелился пойти в школу, если бы у меня остался невыученным хотя бы один урок, поэтому по всем предметам у меня были пятёрки, кроме французского.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение выдавало всё моё **ангарское происхождение**, где никто не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании.

Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыживала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые сочетания гласных, просила повторить — я терялся, язык у меня во рту не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, вместе с ребятами — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так было мне плохо, так горько! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел, мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но, когда она стала уезжать, не выдержал и плача побежал за машиной. Мать махала мне рукой, чтобы я остался, — я ничего не понимал. Тогда она решила и остановила машину. — Собирайся, — потребовала она. — Хватит, отучился, поедem домой. — Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же я ещё постоянно недоедал. Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было найти что-то, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня всё было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля.

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня: — Ты в «чику» играть не боишься?

— В какую «чику»? — не понял я.

— Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

— Нету.

— И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды, и в низинке, на чистой и ровной небольшой полянке, мы увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью парня. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.

— Он, свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.

— Играть будешь? — спросил меня Вадик.

— Денег нету.

— Гляди, не скажи кому, что мы здесь.

— **Вот ещё!** — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Хозяйничал здесь Вадик, это я сразу понял.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый вкладывал на кон по десять копеек, стопку монет **решками** вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой в двух метрах от кассы, а с другой стороны, от камня, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за неё, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на **орла**. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему.

Мне казалось, что будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне я любил придумывать себе игры на меткость: наберу камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не было, иначе я покупал бы его и здесь. Всё же раза два она подкладывала мне в письма по **пятёрке** — на молоко, на эти деньги на базаре можно было купить пять поллитровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне приказано пить от малокровия, у меня часто вдруг начинала кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился на полянку. Место тут было выбрано с толком, ничего не скажешь, полянка ниоткуда не просматривалась. В селе на виду у взрослых за такие игры гоняли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал.

В первый раз я проиграл девяносто копеек, во второй шестьдесят. Денег было жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая, ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными.

Теперь каждый день после школы я прибегал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень, следовал большеголовый парень по прозвищу Птаха.

Из нашего класса на полянку иногда прибегал Тишкин, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает — всё равно тянет. Вызовут — молчит. — Что же ты руку поднимал? — спрашивают Тишкина.

— Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное, от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе слишком увлекаться игрой, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убежал, покупал на базаре баночку молока, обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Сначала Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо играть, учись.

Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — загреб кассу и бежать? Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не приходит. Больше мне Вадик не давал шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал. Но я бросал лучше. Я и сам удивлялся своей меткости, мне надо бы было догадаться придержать шайбу, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд?

Я только что опять попал в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел.

Он показал мне кулак.

— А этого ты не видел?

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно, если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. Снова поднял шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно ударил меня сзади, и я неловко ткнулся в землю. Вокруг засмеялись. За мной стоял Птаха. Я сказал:

— Чего ты?!

— Кто тебе сказал, что это я, приснилось что ли?

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида поборолла во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка, повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует. Первым опять сзади меня ударил Птаха... Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Я старался только не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты это казалось мне позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слова. И только поднявшись на гору, я не утерпел и громко закричал: — Переверну-ул!

Минут пять я стоял и всхлипывал, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос распух и раздулся, под левым глазом синяк. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой-то ни было причине уроки я не решался.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы шуточные, но обязательные для исполнений замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их. Я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну, вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал, — сегодня среди нас есть раненые. Класс засмеялся.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — сказал я, почему-то не догадавшись заранее придумать какое-либо приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Хи, упал! — выкрикнул Тишкин, радуясь. — Это Вадик из седьмого класса его избил. Они на деньги играли, а он стал спорить и заработал. Я же видел, а говорит, упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что, совсем ничего не понимает или это он нарочно. За игру на деньги у нас могли выгнать из школы. В голове у меня от страха всё загудело: пропал, теперь пропал.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговорился, и приготовься отвечать. — Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне. — После уроков останешься.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но отрицать никакого смысла не было. Я сказал:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я не знал, что сказать.

— Давай рассказывай всё как есть. Проигрываешь, наверно?

— Выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов её всё равно было не уйти.

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много, я только по рублю выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная вся, умная и красивая, красивая в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от неё, который я принимал за самое дыхание, к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное. Не смея поднять глаза на неё, я не посмел и обмануть её.

Она помолчала, рассматривая меня. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней сидел на парте худой мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджаке, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обувь. Лишь на следующую осень мать продала швейную машинку, единственную нашу ценность, и купила мне сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не нужно, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёл бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал: — Можно.

Справедливости ради надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, кончился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот.

В надежде встретить новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы. Всё было напрасно. И только на нашей поляне по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как блестит на солнце шайба и склоняются над кассой знакомые фигуры. В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Мне хотелось посмотреть, как отнесутся к моему приходу Вадик и Птах и как я смогу держать себя. Но больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче: у меня сильно раздулась губа и как ни прятал я её, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно.

Так начались для меня мучительные неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, **ломаая язык**, повторить вслед за ней неудобные для произношения, придуманные только для наказания слова. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки заставляла поворачиваться бедный мой язык. И почему меня одного?

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остаётся мало, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой половине дома жил сам директор.

Я шёл туда, **как на пытку**. И без того от природы робкий и стеснительный, в этой чистенькой аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе. Лидия Михайловна, **хлопоча** что-нибудь **по квартире**, расспрашивала меня или рассказывала о себе.

Забившись в угол, я слушал, **не чая дожидаться**, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, у окна стоял большой красивый радиоприёмник с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у неё дома, всё здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным.

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того, я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо и совсем чёрные, коротко остриженные волосы. Но при всём том не было видно в её лице жёсткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и мягких по натуре. Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет! Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убежал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек. Я удивился: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик! Смотрите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Тут же в школе я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и поставил ящик на подоконник.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно есть. Потом таким же образом взялся за вторую, потом за третью.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас не было. Это что же тогда получается? Горюпиво, в отчаянии и надежде, я разгрёб макароны и нашёл на дне ящика несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно,

Я втиснул гвоздики крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше никому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Тут спрашивал я, а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — Она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так? — Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. — Не злись. Я же хотела, как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны эти ты возьми...

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну, зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать, что захочу, но ведь мне одной... Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сварить себе сегодня хороший обед. Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Я уже был не тот безответный и беспомощный маль-

чишка, который боялся ступить здесь шагу, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё еще, конечно, стеснялся, забивался в угол, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной. Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарь, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось — получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну, а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонке да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

— Чего мне бояться?!

Я рассказал.

— Нет, — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристеноч». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. — Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монетку в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: замёряшки. Достанешь, — значит выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета покатила в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далек. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, — я выиграю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятого?

— Сыграем?

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы же учительница?

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли? Иногда наедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому.— Она встряхнулась и сразу повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошке. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её.

— Ну, что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — **ребром** или **плашмя**, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы мы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила её.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трехлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадорила меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик

сначала на меня тоже **ноль внимания**, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девчонка, а не учительница, мне даже хотелось порой на неё прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издала попала своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до пятидесяти. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор, позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вообще у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, — там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотянулся без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся,

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться. Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бессовестным образом, с какой-то даже радостью отперлась Лидия Михайловна ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница, называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать — двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям

выслушивала ещё раз, и мы переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «замеряшкам», разобрался во всех её секретах.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко.

Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру. Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказываться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась.

Знать бы нам, чем всё это кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— У вас тоже была «чика».

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёсся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно поднялась с колен, раскрасневшаяся и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеюсь, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— Я стучал. Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как директор...

— Играем в «пристенку», — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с этим?.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате.

— Играете с учеником?! Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — Директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Я двадцать лет работаю в школе, выдывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому:

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись. — Она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

Задание 5. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Где и в какое время происходит действие рассказа?
2. Почему мальчик-рассказчик живёт в городе без семьи?
3. Почему мальчик играет на деньги?
4. Как учительница французского языка пытается помочь мальчику?
5. Почему учительница вынуждена уехать?
6. Забыл ли ученик свою учительницу?

Задание 6. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом рассказа.

Били по очереди, приглашать за стол, отправили посылку, наступил ногой, покупал баночку молока, почувствовал вкус к языку, остался в выигрыше, не ладилось с французским, перевернул монетку, нашел три красных яблока, играем в «пристенок».

Задание 7. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 6.

Задание 8. Побеседуем.

1. Как вы считаете, почему Лидия Михайловна не объяснила директору, что заставило её играть на деньги с учеником?
2. В начале рассказа герой говорит: «Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями. И не за то, что было в школе — нет, а за то, что случилось с нами после». Разделяете ли вы его чувства?

Текст 5. День возмужания

(По одноименному рассказу П. Капицы)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

незримый — невидимый

скирдовавший что? (сено) (*прич.* от *скирдовать*) – складывать сено в скирды; скирда – большой, обычно продолговатый стог сена или снопы колосьев хлеба, сложенные по особому способу для хранения под открытым небом
фельдшерница (*прост.* от *фельдшер*) – помощник врача, лицо со средним медицинским образованием

целинный (*прил.* от *целина*) – непаханая, не подвергавшаяся обработке земля
совхоз – (*сокращ.* от *советское хозяйство*) социалистическое государственное сельскохозяйственное предприятие

полошиться/всполошиться – пугаться, волноваться

прободение – образование сквозного отверстия в стенке внутреннего органа вследствие его заболевания или травмы

перитонит – воспаление брюшины, очень опасное для жизни
в разгоне *разг.* – в отсутствии, в разъезде (о машинах, лошадях)

ГАЗ-51 – марка грузового автомобиля Горьковского автозавода

завхоз – сокращение от *заведующий хозяйством*

долговязый *разг.* – высокий, худощавый и нескладный

буркнуть – сказать сердито, негромко

препирательство (*от глаг.* *препираться*) – спорить (преимущественно по пустякам)

озираясь (*дееприч.* от *озираться*) – бросать взгляды в разные стороны

взор – взгляд

ключ зажигания – ключ, с помощью которого автомобиль приводится в движение

педаль – ножной рычаг в автомобиле (педаль тормоза, педаль газа)

сцепление – механизм в автомобиле для соединения и разъединения валов, например, двигателя и коробки передач с другими механизмами для передачи движения

акселератор – механизм в автомобиле для изменения скорости движения

заправлять/заправить – *зд.* залить бензин в автомобильный бак, приготовить автомобиль к работе

стартер – устройство в автомобиле, служащее для его пуска

содрогаясь (*дееприч.* от *содрогаться*) – вздрагивая от сильного волнения

карабкаться/вскарабкаться – подниматься, цепляясь руками и ногами

губы запеклись – губы стали сухими и покрылись тонкой плёнкой

кузов – задняя часть грузового автомобиля, предназначенная для перевозки грузов

ложе *устар.* – постель

кювет – канава (углубление) по обе стороны дороги

нестись как сумасшедший – двигаться вперёд с огромной скоростью

баранка *перен.* – руль автомобиля

промаяться (*от глаг.* *маяться*) – мучиться

второе дыхание – новые силы, новая энергия (обычно в сочетании *открылось, появилось второе дыхание*)

перекати-поле – степное растение в виде шара, переносимое ветром на большие расстояния

тыкаться/ткнуться – наталкиваться на что-то

охая (*деепр.* от *глагол. охать*) – выражать чувства (зд. чувство боли), восклицая «ох!»

саднить *разг.* – о болезненном ощущении при раздражении кожи или в горле
жнивье – поле, где сжат хлеб

самосвал – грузовой автомобиль с механически опрокидывающимся кузовом
роиться/зароиться *перен.* – появляться во множестве, непрерывной вереницей

зарев – отсвет пожара или заката на небе

саманный (*прил.* от *сущ. саман*) – строительный материал, используемый в Средней Азии

выпалить единым духом – сказать очень быстро

носилки (*сущ.* от *носить*) – предмет для переноски людей или грузов

белобрысый – с очень светлыми волосами, бровями и ресницами

ехидство – злоба, язвительность, коварство

«щенок» прост. – пренебрежительное обращение к человеку, младшему по возрасту

неловкое положение – неприятное положение, ситуация

срываться/сорваться (на крик) – терять самоконтроль, начинать кричать

санитарка, санитар – младшие медицинские работники

дотащиться *разг.* – с трудом добраться до какого-либо места

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

наткнуться на что?

на вилы

на гвоздь

управлять чем?

машиной

коллективом

вглядываться во что?

в дорогу

в даль

в горизонт

довериться кому?

мне

другу

родителям

Задание 3.

А. Подберите как можно больше однокоренных слов к слову *возмужание*.

Б. Определите, какие из перечисленных ниже слов являются синонимами к слову *мужество*, а какие антонимами.

Смелость, робость, храбрость, нерешительность, бесстрашие, несмелость, героизм, трусость, решительность.

Задание 4. Прочитайте текст «День возмужания». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

ДЕНЬ ВОЗМУЖАНИЯ

Степные травы, овеванные горячим дыханием ветра, сохранившие аромат миллионов засохших, почти незримых цветов, распространяли волны такого бодрящего запаха, что студенты, скирдовавшие сено, пьянели.

Один из них, оступаясь, как-то неловко соскользнул с высокого веза и боком нагнулся на вилы. Острые зубья пробили одежду и вонзились в тело. Крови было немного, но рослая фельдшерница целнинного совхоза, осмотревшая пострадавшего на месте, **всполошилась**.

— Ой, кажется **прободение!** — сказала она. — Теперь жди **перитонита!** Надо срочно в больницу. Идите доставать машину.

Как на беду, все легковые и грузовые машины оказались **в разгоне**, а до больницы было не менее сотни километров. На лошади не скоро доберётся.

Как быть?

Учётчица сказала, что под навесом у конторы стоит отремонтированный ГАЗ-51. Его водитель уехал за новой машиной, а ключ передал завхозу.

Студенты помчались в контору. Завхоз, прежде чем дать ключ от грузовика, спросил:

— А кто управлять будет?

Студенты стали вспоминать: кто же из ленинградцев водит машину? Но умелых ребят поблизости не было.

— Вовка на мотоцикле ездит, я видела, — чуть пришепётывая, сказала худенькая Светлана Туликова, весной перешедшая на второй курс.

— Какой Вовка?

— Казарцев. Ну, такой длинный... Его мамаша провожала и просила на остановках из вагона не выпускать.

Долговязый, юношески нескладный Казарцев, стоявший тут же позади всех, покраснел и смутился.

— Нашла характерный признак! — сердито буркнул он и передразнил: «Мамаса провозала!» А тебя кто?

— Казарцев, прекрати! — прервал его студент третьего курса. — Сейчас не до препирательств. Умеешь управлять машиной?

— Только мотоциклом «Киевлянин» и немного трактором. Водительских прав не имею.

— В степи права не потребуются. Поезжай, будь друг, а то Артюхов помрёт.

Владимиру жалко было Артюхова: он видел, как тот лежал бледный и стонал сквозь стиснутые зубы. Его зажмуренные веки мелко дрожали, а на лбу поблёскивали росинки пота. Но как поведёшь машину, на которой никогда не ездил! Да и управлять маломощным мотоциклом «Киевлянин» он научился у дачного товарища тайком от матери. Правда, в совхозе Владимир пробовал раза два выводить трактор в поле, но это было под наблюдением. А тут незнакомый ГАЗ-51, который надо вести в такую даль по неизвестным дорогам, да ещё вечером, в темноте.

Столь серьёзных и рискованных решений Казарцеву прежде не приходилось принимать. Он был обычным городским юношей, каких тысячи. Володю, как единственного ребёнка, баловали, оберегали от всякого труда. «Наработается, когда взрослым станет». Всё ему доставалось довольно легко, без особых просьб и усилий. Угнетение он чувствовал только со стороны матери, не позволявшей выходить на улицу без шарфа («Беда, когда у ребёнка не удалены гланды!»), боявшейся его увлечения греблей («Ведь лодка может опрокинуться!»), не разрешавшей с ребятами отправляться в туристские походы («Ещё заблудится или ляжет на сырую землю!»).

Все мальчишеские дела, в которых хоть как-нибудь можно было показать храбрость, ловкость и самостоятельность, делались тайком.

Он мечтал сделаться инженером-конструктором, а попал в библиотечный институт. О работе за станком она и слышать не хотела. «Как можно сейчас прожить без высшего образования?»

Только здесь, в совхозе, Володя увидел, какие усилия затрачиваются, чтобы добыть хлеб, и ощутил другое: как он вкусен, этот хлеб, если его зарабатываешь собственными руками!

И вот настала минута самостоятельно принять мужское решение. Он в первый момент растерялся.

— Я, наверное, не сумею, — сказал он, **озираясь** и ища поддержки хоть в чьём-нибудь взгляде.

Но горячие **взоры** товарищей требовали от него решительности. Если он струсит — будут презирать.

— Ты же слышал, что без операции он долго не проживёт, — напомнил **третьекурсник**. — Надо суметь.

Казарцев ничего больше не сказал. Он взял у завхоза ключ и пошёл к грузовику. Студенты двинулись за ним.

Владимир отворил дверь кабины и стал проверять: хорошо ли он помнит, где и что тут находится! Он всегда был любознательным парнишкой и обладал хорошей памятью,

«Ага, сюда **ключ зажигания**... **Левая педаль** — сцепление. Нажимом правой на **акселератор** даёшь газ. Здесь тормоз. А как включаются фары?»

Ребята помогли найти включатель фар. Казарцев с их помощью **заправил** машину бензином, сел за баранку, нажал на **стартер** и попросил всех отойти подальше от грузовика.

— Проба, — сообщил он.

Медленно отпуская сцепление, Владимир одновременно дал газ. Он, видимо, слишком сильно нажал на педаль, потому что грузовик дёрнулся козлом, и мотор заглох.

«Залило. Не волноваться!» — приказал себе Казарцев. Не спеша и сгласуя движения, он вновь дал ход машине. ГАЗ-51 плавно двинулся с места и, **содрогаясь**, покатил по широкой площадке. Он был послушен юноше.

Сделав два круга, новый водитель высунулся из кабины и сказал:

— Едем за Артюховым!

Студенты, все, кто тут был, **вскарабкались** в машину и поехали к скирде.

Раненый лежал в прежней позе и с тоской смотрел на ребят: неужели они не смогут помочь ему? Лицо его обострилось, а **губы запеклись**.

— Держись, Артюхов, в больницу сейчас отвезём.

Пока в **кузове** грузовика устраивали из сена мягкое **ложе**, Казарцев отыскал Туликову и, отведя её в сторону, строгим голосом предупредил:

— Светка, ты не вздумай написать об этом домой! Узнаю — худо будет!

— Что я, сумасшедшая какая! Вовка, — вдруг просяще заговорила она, — а можно и мне с тобой?

— Ну вот ещё! Без тебя обойдутся! Оставайся здесь, — буркнул он и отошёл к машине.

Студенты, осторожно уложив раненого в кузов на сено, выбрали в сопровождающие двух рослых парней.

В шофёрскую будку уселась Ксения Кесаревна — высокая фельдшерка с тёмными сросшимися бровями. Она единственная знала дорогу в больницу.

— А кто из девочек за Артюховым присмотрит? — спросила Светлана.

Не слыша ответа, она решительно вскочила на заднее колесо, перелезла через борт и уселась на сено рядом с пострадавшим.

ГАЗ-51 выбрался на дорогу и покатил навстречу надвигавшимся сумеркам.

Ведя машину на второй скорости, Казарцев напряжённо вглядывался в тёмно-сырую ленту дороги, бегущей среди огромных полей созревающей пшеницы, проса, скошенной травы.

«Хорошо, что здесь нет ни насыпей, ни **кюветов**, — думалось ему. — Если машина вильнет, не опрокинешься. А вдруг встречный грузовик? Они ведь по степи **несутся как сумасшедшие...**»

Владимиру вспомнилось, что когда он учился ездить на велосипеде, то всё, что двигалось навстречу и стояло на пути, словно магнитом притягивало его к себе. Чтобы не попасть под несущуюся навстречу машину, ему прихо-

дилось останавливаться и соскакивать с велосипеда. А сейчас ведь не сделаешь этого. Сейчас он отвечает за жизнь пяти человек.

«Буду брать правой», — решил он и крепче сжал руками баранку, навивно надеясь, что это заставит машину быть послушной.

— Сколько часов при таком ранении человек может прожить? — спросил Казарцев у фельдшерицы.

— Не знаю, — ответила она. — Может, сутки, а может, неделю прома-ется. Одно известно — при всяком прободении кишечника больного надо доставлять на операционный стол не позже чем через три-четыре часа.

— А сколько уже прошло?

— Да, видно, не меньше часа.

Владимир взглянул на спидометр. Стрелка колебалась между цифрами 30 и 40. Задача была несложная: он быстро произвёл подсчёт, что скорость надо удваивать.

Включив фары, перешёл на третью скорость и стал жать на газ.

Крепкая, словно асфальт, степная дорога с двумя укатанными и отполированными резиной широкими полосами с бешеной скоростью понеслась под колёса. В свете фар мелькали какие-то мятущиеся мошки и бабочки. И вдруг из тьмы возникла лиса, вышедшая на охоту. Вытянутый и распушенный хвост рыжей красавицы, казалось, вспыхнул пламенем...

«Задавлю», — встревожился юноша. Он уже собирался нажать на тормоз, но лиса, пробежав немного в полосе света, вильнула в сторону и словно погасла, растворилась в сгустившейся синеве.

От непривычного напряжения и волнения Владимиру стало жарко, на лбу и переносице выступили мелкие капельки пота. Он почему-то не мог вздохнуть полной грудью, точно по степи мчалась не автомашина, а он сам и, как бывает во время длительного бега, терял дыхание. Даже в боку у него немного покалывало. Но вместе с ощущением стеснения в груди где-то там, в глубине его существа, зарождалось чувство гордости и ликования: «Все-таки не струсил! И ребята не побоялись... Даже Светлана и фельдшерица поехали. Значит, мне можно довериться, я не мальчишка!»

И с этими мыслями словно пришло второе дыхание. В груди вдруг стало легче, и только руки, оттого, что он слишком крепко держал баранку, немели и дрожали от усталости да пот продолжал струиться по лицу.

— Скоро бурчак будет, — предупредила Ксения Кесаревна, с опаской поглядывая на спидометр.

Казарцев знал, что бурчаками здесь зовут поросшие травой сухие русла степных ручьёв и речек. Он сбавил ход и стал внимательно вглядываться в дорогу.

Фельдшерица, видя, что обильный пот заливает глаза юноше, взяла из сумки комок ваты и с материнской заботливостью вытерла Владимиру лоб.

В это время сверху постучали в кабину. Казарцев, досадуя, остановил машину и, открыв дверцу, спросил:

— Что там у вас?

— Растрясло. Надо Артюхова по-иному положить.

Пока Ксения Кесаревна и ребята возились с Артюховым, Володя выбрался из кабины и решил размяться, так как от непривычного сидения ныли плечи и поясница.

Словно на утренней зарядке, он разводил руки, двигал пальцами, вращал корпусом, приседал. Потом решил пробежаться, но сделал лишь десяток шагов и, зацепившись за перепутанные, ссохшиеся стебли **перекати-поля**, полетел в колючие заросли бурчака. Растянувшись во весь рост, он больно ударился бедром о камень и ткнулся головой в какую-то кочку, ожёгшую лицо.

Невольно выругавшись от боли, юноша, **охая**, поднялся и начал растирать бедро.

— Казарцев, куда ты пропал? — окликнула Ксения Кесаревна.

— Готово, садись!

Прихрамывая, Владимир вернулся к грузовику и, сев за руль, провёл под носом рукой, ощутив липкую влагу, взглянул на свою кисть. Она была в крови.

— Где это ты так? — встревожилась фельдшерица.

— Упал, — сказал Володя.

Ксения Кесаревна осторожно вытерла ватой его лицо и, закрыв тампоном кровоточащую ноздрю, спросила:

— Глаза не повредил? Хорошо видишь дорогу?

— Вижу, — сказал Владимир, хотя в левом глазу у него всё туманилось.

Степная ночь, с чистым небом и множеством ярких звёзд, делала темноту мягкой и прозрачной. Осторожно миновал бурчак, Казарцев повёл машину на большой скорости.

Всё тело у него ныло и саднило, а предательские слёзы сами выкатывались из глаз, и он никак не мог их сдержать.

— Кажется, встречающая идёт, — тронув за локоть, предупредила Ксения Кесаревна.

Этой её фразы было достаточно, чтобы глаза у Володи мгновенно высохли.

Впереди действительно мигнула фарами встречающая автомашина. Она была близко. Владимир так круто свернул вправо, что его ГАЗ-51 с ходу вылетел на **живнью** и, обогнув встречный **самосвал**, помчался дальше.

Больше Казарцев не думал о себе, он как бы слился с машиной и видел только дорогу да мелькавшие столбы телефонной линии. Неожиданно с обочины взлетела ослеплённая фарами сова. Она чуть не хлестнула крыльями по ветровому стеклу. Руки Владимира дрогнули, автомашина вильнула и прямая густую пшеницу.

— Чего же ты по хлебу! — укорила Ксения Кесаревна. — Много его тут, значит, ломай, дави?

— Я нечаянно, — сказал Володя.

Вскоре вдали, где-то у горизонта, **заронились** огни. Они то вспыхивали, то гасли. Над ними колыхалось чуть приметное **зарев**о.

— Теперь успеем, — произнесла фельдшерица. — Осталось немного. Как увидишь указатель и **саманный** домик на перекрёстке, сворачивай налево.

Когда они подъехали к районной больнице — белому двухэтажному зданию, — Казарцев так устал, что не имел сил выбраться из кабины. Ребята без него уложили Артюхова на носилки и понесли в приёмную. Впереди решительно шагала Ксения Кесаревна.

Расслабив мышцы и опустив гудящие, отяжелевшие руки, Владимир сидел с застывшей улыбкой. Он был счастлив, что дальше никуда не нужно ехать, что можно вот так сидеть, откинувшись на мягкую спинку, и ни о чём не думать. Впрочем, мысли, помимо его желания, возникали в голове; что же случилось с ним? Будто очень радостное. Но что? Он не сразу мог ответить себе.

На улице стало темно, светились лишь окна больницы.

Минут через десять появилась Света. Она так уверовала в Казарцева, что прибежала к нему пожаловаться на дежурного врача.

— Вовка, иди скорей! Там Пестрецов — трус презренный! Он боится делать операцию. А главный врач сегодня на конференцию уехал. «Не задерживайтесь, — говорит Пестрецов, — поезжайте в областную больницу. Всего триста километров. Я укол сделаю — довезёте». А Ксения Кесаревна сердится. «Я и без вас, — говорит, — могу уколы. Дальше поезжайте сами. Посмотрю, с какими глазами вы туда появитесь!» А хирургическая сестра нам шепнула, что она вместе с Пестрецовым ассистировала на таких операциях. Если захотят, то справятся. Он просто боится попробовать. — **Выпалив** всё это **единым духом**, Светлана потянула Казарцева за рукав. — Пошли, Вовка. Ксения Кесаревна не умеет с Пестрецовым разговаривать, она только сердится.

Владимир, морщась от боли в бедре, с трудом выбрался из кабины и, прихрамывая, зашагал за Светланой.

В приёмной студенты и сёстры стояли у дверей, а Ксения Кесаревна в дальнем углу продолжала убеждать врача. Что говорила ему раскрасневшаяся фельдшерица, разобрать было трудно; доносилось лишь непонятное гудение сдерживаемых голосов.

У стены на **носилках** лежал бледный Артюхов. Его зажмуренные веки опять дрожали. «Плачет, наверное, — подумал Казарцев. — Слёз не видно». И ему стало так жалко товарища, что он громко окликнул:

— Ксения Кесаревна, что же это Артюхов без всякой помощи лежит? — А потом Владимир сурово добавил: — Как вам не стыдно, товарищ хирург? Мы так спешили, а вы тут... о себе думаете!

— Это ещё что за личность? — возмутился дежурный врач. — Посторонних прошу удалиться!

Фамилия Пестрецов очень подходила к нему. Он был таким **белобрысым**, будто у хирурга нет ни бровей, ни ресниц. Лицо, шею и руки покрывала веснушки, мелкие, как просо.

свидание – преимущественно не случайная, условленная встреча (влюблённых)

сумерки – полутьма между заходом солнца и наступлением ночи

гроза – дождь с громом и молнией

недоуменное лицо – лицо, выражающее недоумение, непонимание, удивление

протестовать *против кого? чего?* – выразить несогласие

настежь – открыть до конца, полностью

застывать/застыть – стать неподвижным

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

сердиться/рассердиться *на кого? на что? за что?*

на отца

на дождь

за обидные слова

ненавидеть *кого? что? за что?*

друга за предательство

зиму за холод

сниться/присниться *кому?*

Старику иногда **снились** девушка и парень.

задерживаться/задержаться *где? на сколько времени? до какого времени?*

на работе до 10 часов вечера

в роще на полчаса

Задание 3. Обратите внимание на приведённые ниже причастия, которые выражают состояние человека. Определите, от каких слов они образованы, составьте с ними словосочетания.

Одряхлевший, обессиленный, растревоженный, обеспокоенный, запыхавшийся, взволнованный, уставший, испуганный.

Задание 4. В следующих предложениях замените деепричастные обороты на глагольные конструкции.

1. – Скоро умру, – говорил он, вздыхая и виновато поглядывая на свою дочь Лидию Николаевну.

2. – Что ты! Живи до ста лет, – машинально отзывалась Лидия Николаевна, стирая пыль с книжного шкафа.

3. – Как хорошо! – сказала Лидия Николаевна, в первый раз открывая окно.

4. Он сидел у окна, улыбаясь.

5. Пожимая плечами и оглядываясь, Сергей Николаевич вышел из комнаты.

Задание 5. Прочитайте текст «Последняя просьба». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Николай Николаевич Смирнов был уверен, что до следующей весны не доживёт.

— Скоро умру, — говорил он, вздыхая и виновато поглядывая на свою дочь Лидию Николаевну, которая убирала его комнату.

— Что ты! Живи до ста лет, — машинально отзывалась Лидия Николаевна, стирая пыль с книжного шкафа.

До ста лет оставалось не так уж много.

В начале осени Николай Николаевич почувствовал, что ходить уже вовсе не может.

Только крайняя беспомощность и совершенная безнадежность порождают желание умереть. Вконец одряхлевший, совсем обессиленный, Николай Николаевич имел и надежду, и жгучее, как у юноши, желание, чтобы надежда эта оправдалась. Ему хотелось дожить до весны. Хотелось ещё раз увидеть на столе цветущую сирень, услышать весенних птиц, ему хотелось в зелёный рай — в берёзовую рощу, которая начиналась почти сразу от окна его комнаты.

Но за окном берёзы прогорели бледным пламенем осеннего заката, а скоро пришёл и сразу взбесился лютый зимний месяц декабрь. Чьей-то одинокой, брошенной душой взвыли ошалелые метели, вселяя в сердце тоску по ласковым весенним дням.

Николай Николаевич и его дочь жили вдвоём. Муж Лидии Николаевны умер, а дети, которые все уже были взрослыми, жили разными семьями и в разных местах. Николай Николаевич знал, что, когда он умрёт, Лидия Николаевна уедет к своему старшему сыну.

Вечерами Лидия Николаевна садилась на край кровати и спрашивала, не хочет ли чего отец. Николай Николаевич отвечал, что ничего не надо, что надо бы давно умереть, говорил, что он замучил её, но что теперь ей осталось уже немного. Лидия Николаевна сердилась и всхлипывала. Тогда Николай Николаевич делал слабое движение своими почти обескровленными руками, Лидия Николаевна осторожно опускала голову к его груди и тихо плакала, и у Николая Николаевича разбегались по морщинам две-три пресные старческие слезы.

Бывали врачи, но Николай Николаевич был уверен, что они не лечат его, а только делают вид, что лечат. «Вы знаете, и я знаю: старость неизлечима», — говорил он им.

Раз к нему заходил сын Сергей. Сергей Николаевич был очень серьёзный и очень занятой человек. Часто приходит он не мог.

Он пришёл поздно вечером, с папкой под мышкой, не разделся, а только снял шляпу и смял её в своих сильных руках.

Перед его уходом Николай Николаевич расхрабрился на шутку, которая, в сущности, была вовсе не шуткой.

— Не хочу умирать зимой, — сказал он. — Хочется покинуть этот мир в цвету, чтобы оставить о нём хорошее впечатление.

— Ты ещё молодец. Мы с тобой ещё на уток пойдём, — улыбнувшись, сказал Сергей, но Николаю Николаевичу показалось, что говорил он это вяло и бесчувственно.

Николай Николаевич возненавидел зиму за то, что зимой хорошо только здоровым и сильным, за то, что зимой нельзя открыть окно, за то, наконец, что зима так долго тянется. Ему стало казаться, что не старость, а зима отняла у него всё и оставила одни только воспоминания, которые тоже отнимают силы, но от которых становится грустно и хорошо.

Но Николай Николаевич так и не мог привыкнуть жить одними только воспоминаниями. Он ждал весны.

И весна пришла. Николай Николаевич давно уже следил за большой основной веткой, которая заглядывала в окно его комнаты. И вот солнечным мартовским полднем ветка сбросила с себя белую, великодушную, но, правда, давно уже дырявую шапку.

Николай Николаевич попросил устраивать его в кресле и подолгу просиживал теперь у окна.

За окном зима одну за одной сдавала свои позиции.

Сначала потемнели натоптанные прохожими тропинки через **рощу**, потом стали появляться жёлтые пятна проталин, и наконец вся земля предстала перед глазами такой, какой застал её первый снег...

— Как хорошо! — сказала Лидия Николаевна, в первый раз открывая окно, когда уже **роща** чуть повеселела издалека незаметной зеленью.

Но в душе Николая Николаевича не было той радости, какую он ожидал с приходом весны. То, что он ждал, пришло, но это казалось не тем, чего он хотел. Он хотел жить.

«Пройдёт весна, — думал он, — высохнут цветы, а жизнь будет продолжаться. И она хороша всегда и везде: и в цветущем саду, и на занесённой метелью дороге, и даже у окна в кресле, с которого нельзя подняться...» У большой старой берёзы почти каждый вечер встречались девушка и молодой человек, по-видимому, влюблённые.

Николай Николаевич любил наблюдать эти встречи, привык к ним, думал о них. Почти каждый вечер он говорил Лидии Николаевне: «Лидя, посади меня к окну, я опаздываю на **свидание**», — и смотрел в **рощу** до тех пор, пока **сумерки** не съедали и **рощу**, и две фигуры у старой берёзы. Они ему даже иногда так и снились: девушка сидела, прислонившись к стволу берёзы, а молодой человек стоял, упершись головой в толстый сук и держась за него обеими руками, и смотрел на девушку.

Но как-то Николай Николаевич заметил, что молодые люди стали посещать **рощу** в разное время. По всем признакам это была ссора.

«Какие глупые и какие счастливые, — думал Николай Николаевич. — Они страдают, ходят в разное время в одну и ту же **рощу**, но они молодые, и... звёзды над ними одни и те же».

В первый душный день, перед первой **грозой**, старость и болезни обступили постель Николая Николаевича, протягивая к нему свои костлявые руки. Николай Николаевич задышался.

— Лида, — сказал он, с трудом отыскав среди тяжёлых видений бледное лицо дочери, — позови Серёжу... Сейчас же... в последний раз...

Ударил гром, и за окном началась бешеная пляска стихий. Порывы ветра гулко разбивали об оконное стекло тяжёлые струи воды. **Роща** стонала, выла, всхлипывала. У Николая Николаевича стучало в висках, но дышать стало легче.

А когда гроза закончилась, Николай Николаевич почувствовал себя так хорошо, так легко, что вдруг сел в постели и бодрым голосом потребовал:

— К окну!

Испуганная Лидия Николаевна **запротестовала**.

— В кресло! — повторил Николай Николаевич твёрдо. — И открой окно **настежь**. Я здоров, и мне кажется, что я молод.

Он сидел у окна улыбаясь, и на душе у него было так радостно и спокойно, будто ему двадцать лет и он только что помирился с любимой девушкой.

Прошедшая **гроза** — праздник всего зелёного мира. Солнце ещё не закатилось, и необсохшая **роща** ликовала в пронизывающих её лучах. Николай Николаевич видел, как у ближних деревьев вздрагивали нижние листья от падающих с мокрой листвы капель.

У старой берёзы стоял молодой человек. Николай Николаевич взглянул на часы, которые давно уже велел поставить на подоконник. Молодой человек должен был скоро уйти, а через полчаса должна прийти девушка.

Скоро вошёл запыхавшийся и растревоженный Сергей.

— Отец! Ну как ты? — спросил он, быстро приближаясь к креслу. Отец и сын поцеловались.

— Я звал тебя, Серёжа... — спокойно заговорил Николай Николаевич. — Мне кажется, я... — Николай Николаевич замолчал, повернулся к окну и несколько мгновений глядел в **рощу**.

Когда он снова посмотрел на сына, Сергея Николаевича удивил необычный, давно уже не появлявшийся живой и весёлый взгляд отца. Николай Николаевич тихо сказал:

— Серёжа, ты видишь вон там, в **роще**, парня? У большой берёзы. Иди и скажи ему, чтобы он задержался там на полчаса... — И, глядя на **недоумённое** лицо Сергея Николаевича, продолжал: — Да, да. Сходи и скажи ему, что это очень нужно. Пусть подождёт.

— Отец... — начал обеспокоенный Сергей Николаевич.

— Нет, нет... Я в своём уме, — перебил Николай Николаевич. — Сходи... я прошу тебя... иди, иди...

Пожимая плечами и оглядываясь, Сергей Николаевич вышел из комнаты.

Окно было открыто **настежь**, и комнату заполнял неповторимый запах обновлённой **грозой берёзовой рощи**.

Николай Николаевич сидел в кресле, слегка склонившись в сторону. Черты его лица **застыли** в спокойном, осмысленном движении. Вернувшийся Сергей не сразу понял, что Николай Николаевич умер.

Задание 6. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Что вы узнали о семье Николая Николаевича?
2. Почему Николай Николаевич не верил лечившим его врачам?
3. Почему Николаю Николаевичу хотелось дожить до весны?
4. За что Николай Николаевич ненавидел зиму?
5. Принёс ли приход весны Николаю Николаевичу ожидаемую радость?
6. Почему каждый весенний вечер Николай Николаевич сидел у окна?
7. О чём попросил Николай Николаевич своего сына перед смертью?

Задание 7. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом рассказа.

Хотелось дожить до весны; любил наблюдать встречи; возненавидел зиму; не лечат, а делают вид, что лечат; встречались влюблённые; не сразу понял, что отец умер; опаздываю на свидание; скажи, чтобы задержался; стали посещать рощу в разное время.

Задание 8. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 7.

Задание 9. Побеседуем.

1. В рассказе встречается много описаний природы. Как вы думаете, есть ли связь между ними и описанием душевного состояния Николая Николаевича?
2. Почему Николаю Николаевичу было так важно, чтобы сын выполнил его последнюю просьбу?

Текст 7. Судьба человека

(По одноименному рассказу М. Шолохова)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

переправляться/переправиться *через что? на чём?* – переезжать, переплывать через какое-н. пространство

казнить *кого? за что?* – наказывать
гражданская война – вооружённая борьба внутри государства
авиационный завод – завод, где производят самолёты
братъ/взять себя в руки – успокоиться
везти/повезти *кому? в чём? безл.* – об удаче в делах
открыть стрельбу – начать стрелять
приходить/прийти в себя – успокоиться, прийти в сознание
из последних сил – применяя последнюю энергию
дизентерия – острая заразная болезнь
кубометр – кубический метр (м³)
комендант – начальник лагеря
свинец – очень тяжёлый металл синевато-серого цвета
профилактика *от чего?* – предупредительные мероприятия
собираться/собраться с силами – перебарывать, побеждая в себе страх, робость, неуверенность и т.п., решаться на что-либо
русс Иван – обращение, принятое у немцев по отношению к русским
так точно – да (обычно у военных)
ни за что! – категорический отказ
упасть без памяти – потерять сознание
не дай бог! – употребляется при пожелании чего-л.
ждать не дожидаться – очень сильно ждать
демобилизовать *кого? откуда?* – уволить с военной службы
закаменеть (от горя) *перен.* – потерять способность чувствовать

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

пережить *что?*

много горя
трагедию
несчастья

быть способным *к чему?* = иметь талант *к чему?*

к математике
к рисованию
к наукам

проводить *кого? куда?*

его на фронт
отца в командировку
детей в санаторий

стрелять/выстрелить *в кого? во что?*

в меня
в цель

застрелить *кого?*

человека

птицу
расстреливать/расстрелять кого?

этих четверых
преступника

сбежать откуда?

из плена
из тюрьмы
с занятий

закусить что? чем?

водку хлебом
вино фруктами

погибнуть от чего?

от голода
от бомбёжки

видеться/увидеться с кем?

с сыном
с дочерью
с родными

Задание 3. В тексте встречается много сравнений. Попробуйте объяснить их значение (сравнения со звездочкой являются устойчивыми).

Губы, как лёд; голодный как собака; белый как мел*; голодный как волк*; смотреть, как змея; кричать, как птица; глаза, как звёздочки; дрожать, как трава под ветром; светлые, как небо, глаза; пришла радость, как солнышко из-за тучи.

Задание 4. Прочитайте текст «Судьба человека». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА

I

Была первая послевоенная весна. В конце марта подули тёплые ветры, побежали быстрые речки.

Однажды в эту пору пришлось мне **переправляться** через речку Еланку. Я переправился на маленькой лодке и ждал моего товарища, который с вещами остался на другом берегу.

Вскоре я увидел, как на дорогу вышел мужчина. Он вёл за руку маленького мальчика лет пяти-шести, не больше. Они устало шли к реке. Мужчина, подойдя ко мне, сказал:

— Здорово, браток!

— Здравствуй. — Я пожал его большую руку.

Мужчина сказал мальчику:

— Поздоровайся с дядей, сынок.

Глядя на меня светлыми, как небо, глазами, чуть-чуть улыбаясь, мальчик смело подал мне розовую холодную ручонку. Я спросил:

— Что же это у тебя, старик, рука такая холодная?

Мальчик удивился:

— Какой же я старик, дядя? Я мальчик.

Мы с мужчиной закурили и долго молчали. Я хотел его спросить, куда он идет с ребёнком, но он сам заговорил со мной:

— Ты на фронте был?

— Был.

— Ну и мне, браток, пришлось пережить много горя.

Я поглядел на него. Видели вы когда-нибудь глаза, полные такой смертной тоски, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего собеседника.

Он минуту помолчал, а потом заговорил:

— Иногда не спишь ночью, глядишь в темноту и думаешь: «За что же ты, жизнь, так меня казнила?» Нет мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке...

Мужчина ласково сказал сынишке:

— Пойди поиграй около реки.

Проводив глазами сынишку, он начал рассказ о своей жизни.

II

— Сначала жизнь моя была обыкновенная. Сам я родился в Воронеже, в тысяча девятисотом году. В гражданскую войну был в Красной Армии. А отец с матерью и сестрой дома умерли от голода. Остался один. После гражданской войны пошёл на завод. Скоро женился. Хорошая была у меня жена! Спокойная, весёлая, умная. Со стороны глядеть — не такая уж она была красивая, но не было для меня красивей и желанней её, не было и не будет!

Скоро дети у нас появились. Сначала сынишка родился, потом ещё две девочки...

В двадцать девятом году заинтересовался я машинами, стал шофёром. Зарабатывал хорошо, и жили мы не хуже людей.

И дети радовали: все трое учились на «отлично», а старший, Анатолий, оказался таким способным к математике, что про него даже в центральной газете писали. Откуда у него появился такой огромный талант к этой науке, я и сам, браток, не знаю. Только очень я гордился им!

Перед войной построили мы себе домик недалеко от авиационного завода. Если бы мой дом стоял в другом месте, может быть, и жизнь была бы у меня другой...

III

А тут вот она, война. Провожали меня на фронт все четверо: жена Ирина, сын Анатолий и дочери — Настенька и Олюшка. Ребята были молодцами, а Ирина моя... Такой я её за все семнадцать лет нашей совместной жизни ни разу не видел. Пришли на вокзал, а я на неё от жалости смотреть не могу. Другие женщины с мужьями, сыновьями разговаривают, а моя только вся дрожит и слова сказать не может. Я и говорю ей: «Возьми же себя в руки, милая моя Иринка! Скажи мне хоть слово на прощанье» Она и говорит: «Родной мой... Андрюша... не увидимся... мы с тобой... больше никогда». Я кричу ей: «Да разве так прощаются? Что ты меня раньше времени хоронишь?» Ну, обнял я её...

Он замолчал. Чужое волнение передалось и мне. Я взглянул на рассказчика, но не увидел слёз в его глазах. Он сидел, опустив голову, только большие руки дрожали, дрожали твёрдые губы...

Он долго молчал. Потом закурил и продолжал:

— Поцеловал я её, а у неё губы, как лёд. С детишками попрощался, бегу к вагону. Гляжу, мои детишки руками мне машут. А у Ирины губы белые, как мел, смотрит на меня... Такой она в памяти у меня на всю жизнь осталась: белые губы и глаза, полные слёз... Такой я её и во сне вижу...

IV

Формировали нас на Украине. Дали мне машину. На ней я и на фронт поехал. Только не пришлось мне и года повоевать... Два раза за это время я был ранен, но оба раза легко. Сначала мне везло. Везло-везло, но недолго... Попал я в плен в мае сорок второго года.

Немцы тогда сильно наступали, и наши артиллеристы оказались почти без снарядов. Я и повёз им снаряды.

Никогда так не ездил, как на этот раз! Знал, что со снарядами нужна осторожность, но какая же тут может быть осторожность, когда наши артиллеристы без снарядов. Проехал шесть километров, но тут немецкая артиллерия открыла сильную стрельбу. Мне осталось проехать километр, но добраться до своих мне не пришлось... Немецкий снаряд разорвался около моей машины. Как остался я живой тогда — не понимаю, и сколько времени пролежал без сознания — не знаю.

Когда пришёл в себя, увидел: вокруг на земле снаряды, недалеко моя машина вся разбитая, а бой уже сзади меня идёт...

Вот тут-то я и понял, что я — уже в окружении, а точнее сказать — в плену у фашистов.

Ну, вот лежу и слышу: танки идут. Четыре немецких танка прошли мимо меня туда, откуда я со снарядами выехал...

Поднял я голову и увидел, что шесть немецких солдат шагают метрах в ста от меня. «Вот, — думаю, — и смерть моя пришла». Я сел, не хотелось лёжа умирать, потом встал.

Один из них, молодой парень, снял автомат и хотел выстрелить в меня. Но тут другой солдат, постарше его, что-то крикнул, подошёл ко мне и показывает на дорогу, на запад. Иди, значит, трудись на нашу Германию.

Вышел я на дорогу и зашагал на запад, в плен! Прошёл немного и увидел наших пленных. Немецкий солдат, который шёл впереди, ударил меня автоматом по голове. Если бы я упал, он бы убил меня, но наши взяли меня под руки. А когда я пришёл в себя, один из них сказал: «Только не падай! Иди, если упадёшь — убьют». И я из последних сил, но пошёл.

Раненые наши стали отставать, и их убивали прямо на дороге. В полночь пришли мы в какое-то село. Среди ночи слышу, кто-то спрашивает: «Товарищ, ты не ранен?» Отвечаю ему: «А тебе что надо, браток?» Он и говорит: «Я врач, может быть, могу тебе чем-нибудь помочь?» Поблагодарил я его, и он дальше пошёл в темноте, потихоньку спрашивает: «Раненые есть?» Вот что значит настоящий доктор. Он и в плену своё великое дело делал.

Утром трое фашистских офицеров начали спрашивать, кто коммунисты, командиры, но только таких не оказалось. Не оказалось предателя. Коммунистов среди нас было чуть ли не половина, и командиры были. Только четверых и взяли из двухсот человек. Одного еврея и трёх русских черноволосых. Расстреляли этих четверых, а нас повели дальше.

Ещё с первого дня решил я убежать. Долго не находил удобного случая. Но вот однажды такой случай нашёлся. В лесу около лагеря хоронили мы наших умерших пленных — многие умирали тогда от дизентерии. И вот я заметил, что двое немецких солдат сели есть, а третий заснул на солнышке. Тогда я зашёл за дерево и потом — бегом в лес. Бегу на восток.

Откуда у меня, у такого худого, силы взялись, чтобы пройти за сутки почти сорок километров, — сам не знаю. Только ничего у меня не вышло: на четвёртые сутки, когда я был уже далеко от лагеря, поймали меня.

На двоих мотоциклах подъехали немцы. Сначала сами меня били, а потом отдали меня собакам. Всего в крови привезли в лагерь, но всё-таки живой... живой я остался!

Тяжело мне, браток, вспоминать, а ещё тяжелее рассказывать, сколько горя увидел я в плену. Как вспомнишь всех друзей-товарищей, какие погибли там, в лагерях, — трудно становится дышать.

За два года плена я объехал половину Германии: и в Саксонии был, на заводе работал, и в Рурской области на шахте, и где только не пришлось по немецкой земле походить. Природа там везде, браток, разная, но стреляли и били нас везде одинаково. А били так, как у нас никогда животных не бьют. И кулаками били, и ногами, и палками, и железом.

Били за то, что ты — русский, за то, что на них работаешь. Били и за то, что не так помотришь, не туда встанешь... Били для того, чтобы когда-нибудь убить до смерти.

И кормили везде одинаково: сто пятьдесят грамм хлеба и овощной суп. До войны весил я восемьдесят шесть килограмм, а к осени сорок третьего было у меня уже не больше пятидесяти.

В начале сентября сорок третьего года попал я в лагерь недалеко от Дрездена. К тому времени в этом лагере было около двух тысяч советских пленных. Все работали в каменном карьере. Норма — четыре кубометра камня в день на человека. Через два месяца от ста сорока двух человек нашей группы осталось нас пятьдесят семь.

И вот как-то вечером вернулись мы с работы. Целый день дождь шёл; все мы замёрзли, как собаки.

Снял я с себя мокрую одежду и говорю: «Норма — четыре кубометра в день на человека, а на могилу каждому из нас и одного кубометра земли хватит». Только и сказал, но оказался среди нас предатель, который передал коменданту лагеря эти мои горькие слова.

Комендантом лагеря был у нас немец Мюллер. Рука у него в перчатке, а в перчатке свинец. Он идет и бьёт каждого второго. Это он называл «профилактикой от гриппа». И так каждый день.

Так вот этот самый комендант на другой день после того, как я про кубометры сказал, вызывает меня. Вечером приходит переводчик и с ним два солдата. «Кто Соколов Андрей? Тебя сам комендант лагеря требует». Понятно, зачем требует, на расстрел.

Прощался я с товарищами, все они знали, что на смерть иду, и пошёл. Иду, на звёзды смотрю, прощаюсь с ними и думаю: «Вот и смерть пришла за тобой, Андрей Соколов». Жалко стало Иринку и детишек, а потом жалость эта кончилась, и стал я собираться с силами, чтобы бесстрашно посмотреть в лицо смерти, чтобы враги не увидели в последнюю мою минуту, что мне с жизнью расставаться всё-таки трудно...

В доме коменданта цветы на окнах, чисто, как у нас в хорошем клубе. Пять человек сидят, водку пьют. На столе у них хлеб, сало, яблоки, разные консервы. Увидел я всё это, и — не поверишь — плохо мне стало. Я же голодный как волк, а тут столько еды перед тобою...

Прямо передо мною сидит пьяный Мюллер, держит пистолет в руке, а сам смотрит на меня, как змея, и спрашивает: «Так что же, русс Иван, четыре кубометра камня в день — это много?» — «Так точно, — говорю, — много». — «А одного кубометра земли тебе на могилу хватит?» — «Так точно, хватит и даже останется».

Он встал и говорит: «Сейчас я расстреляю тебя за эти слова». Он постоял, подумал, а потом налил полный стакан водки, взял кусочек хлеба, положил на него сало и всё это подал мне и говорит: «Перед смертью выпей, русс Иван, за победу немецкого оружия».

Я сначала из его рук и стакан взял, и закуску, но как только услышал эти слова — мне как будто жарко стало. Думаю про себя: «Чтобы я, русский солдат, стал пить за победу немецкого оружия?! Ни за что!»

Поставил я стакан на стол, закуску положил и говорю: «Спасибо, но я непьющий». Он улыбается: «Не хочешь пить за нашу победу? В таком случае

выпей за свою смерть». А что мне терять? «За свою смерть я выпью», — говорю ему. Взял стакан, выпил водку, а закуску есть не стал.

Но он смотрит внимательно и говорит: «Ты закуси перед смертью». Я ему на это отвечаю: «Я после первого стакана не закусываю». Наливает он второй стакан, подаёт мне. Выпил я и второй, и опять закуску не ем. Комендант спрашивает: «Что же ты не закусываешь, русс Иван?» А я ему своё: «Извините, я и после второго стакана не привык закусывать». Он захохотал и что-то быстро говорит по-немецки, переводит мои слова друзьям. Те тоже засмеялись.

Наливает мне комендант третий стакан. Этот стакан я выпил, съел маленький кусочек хлеба, остаток положил на стол. Захотелось мне им показать, что хотя я и с голоду умираю, но брать их еду не собираюсь, что у меня есть своя русская гордость и что в животное они меня не превратили.

После этого комендант стал серьёзный, вышел из-за стола и говорит: «Вот что, Соколов, ты — настоящий русский солдат. Ты храбрый солдат. Я — тоже солдат и уважаю смелых противников. Расстреливать я тебя не буду. Я дарю тебе жизнь. А это тебе за смелость», — и даёт мне со стола хлеб и кусок сала.

Вышел я от коменданта, пришёл к своим и упал на пол без памяти. Когда меня разбудили, я рассказал товарищам, что было у коменданта. Хлеб и сало разделили на всех.

VI

Скоро оказались мы, самые крепкие, в Рурской области на шахтах. Там и пробыл я до сорок четвёртого года.

Как-то раз приехал немецкий офицер и говорит через переводчика: «Кто служил в армии или до войны работал шофёром, — шаг вперёд». Шагнуло нас семь человек.

Возил я немца-инженера из Потсдама в Берлин и обратно, а потом послали его на фронт, на строительство линии обороны, и тут я спать перестал: все ночи думал, как мне на Родину убежать.

Приехали мы в белорусский город Полоцк. Утром услышал я в первый раз за два года, как стреляет наша артиллерия, и знаешь, браток, как сердце забилося?

«Ну, — думаю, — пришёл мой час! И надо не одному бежать, а захватить с собою и моего немца, он много может рассказать нашим».

Утром двадцать девятого июня повёз я немца за город. Там он руководил строительством линии обороны. Выехали. Немец спокойно спит, а у меня сердце бьётся. Ехал я быстро. За городом остановился. Ударил немца два раза. И поехал туда, где бой идёт.

Немцы сзади открыли стрельбу по машине, а тут свои, советские, из автоматов стреляют мне навстречу. Но вот машина прошла через линию фронта, наши бегут к машине, а я упал на землю и целую её...

Вечером вызвали меня к командиру дивизии. Встал он из-за стола, пошёл мне навстречу, обнял и говорит: «Спасибо тебе, солдат. Твой немец и его портфель — дорогой подарок для нас».

VII

Отправили меня в госпиталь. Из госпиталя я сразу же написал письмо Ирине. Описал, как был в плену, как бежал вместе с немецким инженером. Две недели я спал и ел. А через две недели куска в рот взять не мог. Ответа из дома не было, и я затосковал. Есть не могу, сон от меня бежит... На третью неделю получаю письмо из Воронежа. Но пишет не Ирина, а сосед мой Иван Тимофеевич. Не дай бог никому таких писем получать!.. Сообщает он, что ещё в июне сорок второго года немцы бомбили авиационный завод, а одна тяжёлая бомба попала прямо в мой дом. Ирина и дочери были дома... Не дочитал я письмо до конца. В глазах потемнело. Лёг я на кровать, немного полежал, а потом дочитал письмо. Сосед пишет, что Анатолий во время бомбёжки был в городе. Вечером вернулся домой и ночью опять ушёл. Перед уходом сказал соседу, что будет проситься на фронт. Вот и всё.

...Была у меня семья, свой дом, всё это создавалось годами, а погибло в один момент, остался я один. Думаю: «Может быть, я увидел мою страшную жизнь во сне?» А в плену я почти каждую ночь — про себя, конечно, — и с Ириной, и с детишками разговаривал, говорил им: я вернусь, мои родные, я — сильный, я выдержу, и опять мы будем все вместе... Значит, я два года с мёртвыми разговаривал?!

Рассказчик на минуту замолчал, а потом сказал уже другим, тихим голосом:

— Давай, браток, закурим.

Мы закурили. Всё так же дул тёплый ветер, всё так же проплывали в синем небе белые облака, но уже другим мне показался в эти минуты молчания бесконечный мир, готовящийся к весне, к вечному празднику живого в жизни.

Молчать было тяжело, и я спросил:

— Что же дальше?

— Дальше? Дальше получил я месячный отпуск, через неделю уже был в Воронеже. Пешком дошёл до места, где когда-то с семьёй жил. Ох, и тяжело же было мне, браток! Постоял я и опять ушёл на вокзал. И часу оставаться там не мог, в этот же день уехал обратно на фронт.

Но месяца через три и ко мне пришла радость, как солнышко из-за тучи: нашёлся Анатолий. Прислал письмо мне с другого фронта. Адрес мой узнал от соседа, Ивана Тимофеевича. Оказывается, попал он сначала в артиллерийское училище, через год окончил его, пошёл на фронт, стал капитаном, имеет шесть орденов и медали.

И начались у меня по ночам мечтания: как война кончится, как я сына женю и сам с молодыми жить буду, внуков воспитывать. Но и тут ничего не получилось из моих мечтаний.

К концу войны, уже возле Берлина, утром послал Анатолию письмо, а на другой день получил ответ. И тут я понял, что подошли мы с сыном к германской столице разными путями, но находимся один от другого близко. Жду не дождусь, когда мы с ним увидимся. Ну, и увиделись... Девятого мая, утром, в День Победы, убил моего Анатолия немецкий солдат...

Во второй половине дня вызывает меня наш командир. Гляжу, сидит у него незнакомый мне артиллерийский командир. Подошёл он ко мне и тихо говорит: «Твой сын, капитан Соколов, убит сегодня. Поедем со мной!»

Теперь плохо помню я, как ехал на большой машине, как шли мы по разрушенным улицам. А Анатолия и сейчас вижу вот как тебя, браток.

Подошёл я к гробу. Мой сын лежит в нём и не мой. Мой — это худой мальчишка, а тут лежит молодой красивый мужчина. Только на губах осталась улыбка моего сынишки, Тольки, какого я когда-то знал... Поцеловал я его и отошёл в сторону. Командир речь сказал. Товарищи — друзья моего Анатолия — слёзы вытирают, а мои невыплаканные слёзы, наверное, на сердце остались. Может, поэтому оно так и болит?..

Похоронил я в чужой немецкой земле последнюю свою радость и надежду...

VIII

Вскоре меня демобилизовали. Куда идти? Неужели в Воронеж? Ни за что! Вспомнил, что в городе Урюпинске живёт мой друг, демобилизованный ещё зимою, — он когда-то приглашал меня к себе, — вспомнил и поехал в Урюпинск. Стал жить у друга, работал шофёром.

В это время я и познакомился с моим новым сынком, вот с этим, какой в песке играет. Один раз вижу его возле столовой, на другой день — опять вижу. Лицо всё грязное, а глазёнки — как звёздочки ночью после дождя! И до того он мне полюбился, что я уже начал скучать без него.

Однажды подъехал к столовой. Мальчишка мой там около двери сидит. Кричу я ему: «Эй, Ванюшка! Садись скорее на машину, поедем в колхоз, а оттуда вернёмся сюда, пообедаем». Он подбежал ко мне и тихо так говорит: «А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?» И глаза широко раскрыл, ждёт, что я ему отвечу. Ну, я ему говорю, что я всё знаю.

Посадил я его рядом с собой, поехали. Быстрый такой мальчишка, а тут вдруг что-то замолчал, задумался, и нет-нет да и взглянет на меня. Спрашиваю: «Где же твой отец, Ваня?» Отвечает: «Погиб на фронте». — «А мама?» — «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали». — «А откуда вы ехали?» — «Не знаю, не помню...» — «И никого у тебя тут родных нет?» — «Никого». — «Где же ты ночуешь?» — «А где найду место».

Услышал я это и сразу решил: «Возьму его к себе». И сразу у меня на душе стало легко и как-то светло. Тихонько спрашиваю его: «Ванюшка, а ты не знаешь, кто я такой?» Он и спросил: «Кто?» Я ему и говорю так тихо: «Я — твой отец».

Что тут произошло! Бросился он ко мне, целует меня, а сам, как птица, так звонко и тоненько кричит: «Папка! Я знал! Я знал, что ты меня найдёшь! Все равно найдёшь! Я так долго ждал, когда ты меня найдёшь!» Говорит он и весь дрожит, как трава под ветром. А у меня в глазах туман и тоже весь дрожу. Обнял я его и поехал обратно, на свою квартиру.

Остановил машину около дома, нового своего сынишку взял на руки, несущу в дом. А он обнял меня. Так я его и внёс. Мои друзья как раз дома были. Вошёл я и так весело говорю: «Вот я и нашёл своего Ванюшку! Принимайте нас, добрые люди!» Они оба сразу поняли, в чём дело. Вымыл я ему руки с мылом, посадил за стол. Хозяйка налила в тарелку супа, а когда увидела, как он ест, так и заплакала. Ванюшка мой увидел, что она плачет, подбежал к ней и говорит: «Зачем же вы плачете? Папа нашёл меня возле столовой, тут всем радоваться надо, а вы плачете».

Спать я лёг вместе с ним и в первый раз за долгое время заснул спокойно. Однако ночью раза четыре вставал. До того мне радостно на душе было, что и словами не скажешь!

Беспокойно с ним спать, а вот привык, скучно мне без него. Ночью посмотрю на него, и сердце становится мягче, а то ведь оно у меня **закаменело от горя...**

На реке показалась лодка моего товарища.

Чужой, но ставший мне близким человек поднялся.

— Прощай, браток, счастливо тебе!

— И тебе счастливо.

— Спасибо. Эй, сынок, пойдём к лодке.

Мальчик подбежал к отцу и пошёл рядом с ним.

Что ждёт их впереди? Хочется думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдержит, и около него вырастет сын, который сможет всё преодолеть на своём пути, если к этому позовёт его Родина.

Задание 5. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Кого случайно встретил автор у речной переправы?
2. Что рассказал А. Соколов о своей семье: о жене, о детях?
3. Какой запомнил Андрей свою жену в день прощания с ней перед уходом на фронт?
4. Как Андрей попал в плен?
5. Как относились друг к другу пленные, и как обращались с ними фашисты?
6. Что произошло с Андреем Соколовым, когда его вызвал комендант лагеря:
 - а) о чём думал Андрей Соколов, когда шёл к коменданту лагеря?
 - б) зачем он стал собираться с силами?
 - в) о чём думал Андрей, когда разговаривал с комендантом?
 - г) почему он отказался пить за победу немецкого оружия?
 - д) почему умирающий от голода солдат съел только маленький кусочек хлеба, а «остаток положил на стол»?
7. Как Андрей Соколов бежал из плена и добирался до своих?

8. Что узнал Соколов о гибели жены, дочерей, а затем и сына?
9. Почему Андрей Соколов решил взять к себе Ванюшу?
10. Как вы думаете, какова их дальнейшая судьба?

Задание 6. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом рассказа.

Пережить много горя, убит сегодня, с детишками попрощался, повёз немца, разорвался около машины, работали в каменном карьере, выпил за свою смерть, получаю письмо, бегу на восток, попал в артиллерийское училище, познакомился с новым сынком; бомбили авиационный завод.

Задание 7. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 6.

Задание 8. Побеседуем.

1. Как вы думаете, какова дальнейшая судьба Андрея Соколова и его сына?
2. Кого, по вашему мнению, можно назвать «человеком несгибаемой воли»?

Текст 8. Снег

(По одноименному рассказу К. Паустовского)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

госпиталь – военная больница

моряк – тот, кто служит на флоте

крейсер – большой быстроходный военный корабль

калитка – дверка в заборе, воротах

фронт – место военных действий

рояль – музыкальный клавишный инструмент

настраивать/настроить что? – придать звукам, производимым музыкальным инструментом определённую высоту звука

настройщик – человек, который настраивает музыкальные инструменты

подсвечник – подставка для свечи или свечей

колокольчик – металлическое изделие для звона

эвакуация – 1) вывоз людей, учреждений, имущества, из опасных местностей (во время войны, стихийных бедствий); 2) разг. место, время пребывания эвакуированных там, куда они вывезены

эвакуировать кого? что? – производить эвакуацию кого-н., чего-н.

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

привыкать/привыкнуть к кому? к чему?

к новым друзьям

к жизни в городе

проводить/проводить кого? куда?

друга на вокзал

девушку домой

разрушать/разрушить что?

дом

жизнь

Задание 3. Замените выделенные глаголы антонимичными. Обратите внимание на управление.

1. Она долго не могла **привыкнуть к** маленькому городку.
2. Потом она осторожно взяла одно из писем, распечатала его и начала читать.
3. Татьяна Петровна **исправила (починила)** колокольчик над дверью.
4. Женщина **проводила** Потапова на станцию.
5. Мимо меня прошла женщина, которая могла бы и **разрушить** всю мою **жизнь**, и дать мне огромное счастье.
6. Я никогда не была в Крыму! Но разве теперь это может иметь хоть какое-нибудь значение? И стоит ли **разуверять его**?

Задание 4. Прочитайте текст «Снег». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

СНЕГ

Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой-нянькой.

Маленький дом — всего в три комнаты — стоял на горе, над северной рекой, на самом выезде из городка. За домом, за облетевшим садом, белела берёзовая роща. В ней с утра до сумерек кричали галки, носились тучами над голыми вершинами, накликали ненастье.

Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть после Москвы к пустынному городку, к его домишкам, скрипучим калиткам, к глухим вечерам, когда было слышно, как потрескивает в керосиновой лампе огонь. «Какая я дура! — думала Татьяна Петровна. — Зачем уехала из Москвы, бросила театр, друзей! Надо было отвезти Варю к няньке в Пушкино — там не было никаких налётов, — а самой остаться в Москве. Боже мой, какая я дура!»

Но возвращаться в Москву было уже нельзя. Татьяна Петровна решила выступать в **госпиталях** — их было несколько в городке — и успокоилась. Городок начал ей даже нравиться, особенно когда пришла зима и завалила его снегом. Дни стояли мягкие, серые. Река долго не замерзала; от её зелёной воды поднимался пар.

Татьяна Петровна привыкла и к городку, и к чужому дому. Привыкла к расстроенному роялю, к пожелтевшим фотографиям на стенах, изображавшим броненосцы береговой обороны. Старик Потапов был в прошлом корабельным механиком. На его письменном столе с выпветшим зелёным сукном стояла модель **крейсера** «Громобой», на котором он плавал. Варю не позволяли трогать эту модель. И вообще не позволяли ничего трогать.

Татьяна Петровна знала, что у Потапова остался сын **моряк**, что он сейчас на Черноморском флоте. На столе рядом с моделью **крейсера** стояла его карточка. Иногда Татьяна Петровна брала её, рассматривала и, нахмутив тонкие брови, задумывалась. Ей всё казалось, что она где-то его встречала, но очень давно, ещё до своего неудачного замужества. Но где? И когда?

Моряк смотрел на неё спокойными, чуть насмешливыми глазами, будто спрашивал: «Ну что ж? Неужели вы так и не припомните, где мы встречались?»

— Нет, не помню, — тихо отвечала Татьяна Петровна.

— Мама, с кем ты разговариваешь? — кричала из соседней комнаты Варя.

— С роялем, — смеялась в ответ Татьяна Петровна.

Среди зимы начали приходиться письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой. Татьяна Петровна складывала их на письменном столе. Однажды ночью она проснулась. Снега тускло светили в окна. На диване спал серый кот Архип, оставшийся в наследство от Потапова.

Татьяна Петровна накинула халат, пошла в кабинет к Потапову, стояла у окна. С дерева беззвучно сорвалась птица, стряхнула снег. Он долго сыпал белой пылью, запылил стёкла.

Татьяна Петровна зажгла свечу на столе, села в кресло, долго смотрела на язычок огня, — он даже не вздрагивал. Потом она осторожно взяла одно из писем, распечатала и, оглянувшись, начала читать.

«Милый мой старик, — читала Татьяна Петровна, — вот уже месяц, как я лежу в госпитале. Рана не очень тяжёлая. И вообще она заживает. Ради бога, не волнуйся и не кури папиросу за папиросой. Умоляю!»

«Я часто вспоминаю тебя, папа, — читала дальше Татьяна Петровна, — и наш дом, и наш городок. Всё это страшно далеко, как будто на краю света. Я закрываю глаза и тогда вижу: вот я открываю **калитку**, вхожу в сад. Зима, снег, но дорожка к старой беседке над обрывом расчищена, а кусты сирени все в инее. В комнатах трещат печи. Пахнет берёзовым дымом. **Рояль**, наконец, настроен, и ты вставил в подсвечники витые жёлтые свечи — те, что я привёз из Ленинграда. И те же ноты лежат на рояле: увертюра к «Пиковой даме» и романс «Для берегов отчизны дальней». Звонит ли **колокольчик** у дверей? Я так и не успел его починить. Неужели я всё это увижу опять? Неу-

жели опять буду умываться с дороги нашей колодезной водой из кувшина? Помнишь? Эх, если бы ты знал, как я полюбил это отсюда, издали! Ты не удивляйся, но я говорю тебе совершенно серьезно: я вспоминал об этом в самые страшные минуты боя. Я знал, что защищаю не только свою страну, но и вот этот её маленький и самый милый для меня уголок — и тебя, и наш сад, и вихрастых наших мальчишек, и берёзовые рощи за рекой, и даже kota Архипа. Пожалуйста, не смейся и не качай головой.

Может быть, когда выпишусь из госпиталя, меня отпустят ненадолго домой. Не знаю. Но лучше не жди».

Татьяна Петровна долго сидела у стола, смотрела широко открытыми глазами за окно, где уже начинался рассвет, думала, что вот со дня на день может приехать с **фронта** в этот дом незнакомый человек и ему будет тяжело встретить здесь чужих людей и увидеть всё совсем не таким, каким он хотел бы увидеть.

Утром Татьяна Петровна сказала Варя, чтобы она взяла деревянную лопату и расчистила дорожку к беседке над обрывом. Беседка была совсем ветхая. Деревянные её колонки поседели, заросли лишаями. А сама Татьяна Петровна исправила **колокольчик** над дверью. На нём была смешная надпись: «Я вишу у дверей — звони веселей!» Татьяна Петровна тронула колокольчик. Он зазвенел высоким голосом. Кот Архип недовольно задёргал ушами, обиделся, ушёл из прихожей: весёлый звон колокольчика казался ему, очевидно, нахальным.

Днём Татьяна Петровна, румяная, шумная, с потемневшими от волнения глазами, привела из города старика **настройщика**, обрусевшего чеха, занимавшегося починкой кукол, гармоник и настройкой **роялей**. Фамилия у **настройщика** была очень смешная: Невидаль. Чех, **настроив рояль**, сказал, что **рояль** старый, но очень хороший. Татьяна Петровна и без него это знала.

Когда он ушёл, Татьяна Петровна осторожно заглянула во все ящики письменного стола и нашла пачку толстых свечей. Она вставила их в подсвечники на **рояле**. Вечером она зажгла свечи, села к **роялю**, и дом наполнился звоном.

Когда Татьяна Петровна перестала играть и погасила свечи, в комнатах запахло дымом, как бывает на ёлке.

Варя не выдержала.

— Зачем ты трогаешь чужие вещи? — сказала она Татьяне Петровне. — Мне не позволяешь, а сама трогаешь? И **колокольчик**, и свечи, и **рояль** — всё трогаешь. И чужие ноты на **рояль** положила.

— Потому что я взрослая, — ответила Татьяна Петровна.

Варя недоверчиво взглянула на неё. Сейчас Татьяна Петровна меньше всего походила на взрослую. Она вся как будто светилась и была больше похожа на ту девушку с золотыми волосами, которая потеряла хрустальную туфлю во дворце. Об этой девушке Татьяна Петровна сама рассказывала Варя.

Еще в поезде лейтенант Николай Потапов высчитал, что у отца ему придётся пробыть не больше суток. Отпуск был очень короткий, и дорога отнимала всё время.

Поезд пришёл в городок днём. Тут же, на вокзале, от знакомого начальника станции лейтенант узнал, что отец его умер месяц назад и что в их доме живёт с дочерью молодая певица из Москвы.

— Эвакуированная, — сказал начальник станции. Потапов молчал, смотрел за окно, где ходили пассажиры в ватниках и в валенках. Голова у него кружилась.

— Да, — сказал начальник станции, — хорошей души был человек. Так и не довелось ему повидать сына.

— Когда обратный поезд? — спросил Потапов.

— Ночью в пять часов, — ответил начальник станции, помолчал, потом добавил: — Вы у меня перебудьте. Старуха моя вас напоит чаем, накормит. Домой вам идти незачем.

— Спасибо, — ответил Потапов и вышел.

Начальник посмотрел ему вслед, покачал головой.

Потапов пошёл через город, к реке. Над ней висело сизое небо. Между небом и землёй наискось летел редкий снежок. По дороге ходили птицы. Темнело. Ветер дул с того берега, из лесов, выдувал из глаз слёзы.

«Ну что ж! — сказал Потапов. — Опоздал. И теперь это всё для меня будто чужое — и городок этот, и река, и дом».

Он оглянулся, посмотрел на обрыв за городом. Там стоял в инее сад, темнел дом. Из трубы его поднимался дым. Ветер уносил дым в берёзовую рощу.

Потапов медленно пошёл в сторону дома. Он решил в дом не заходить, а только пройти мимо, быть может, заглянуть в сад, постоять в старой беседке. Мысль о том, что в отцовском доме живут чужие, равнодушные люди, была невыносима. Лучше ничего не видеть, не растревлять себе сердце, уехать и забыть о прошлом!

«Ну что же, — подумал Потапов, — с каждым днём делаешься взрослее, всё строже смотришь вокруг».

Потапов подошёл к дому в сумерки. Он осторожно открыл калитку, но всё же она скрипнула. Сад как бы вздрогнул. С веток мягко падал снег. Потапов оглянулся. К беседке вела расчищенная в снегу дорожка. Потапов прошёл в беседку, положил руки на старенькие перила. Вдали, за лесом, слегка розовело небо — должно быть за облаками подымалась луна. Потапов снял фуражку, провёл рукой по волосам. Было очень тихо, только внизу, под горой, брэнчали пустыми вёдрами женщины — шли к проруби за водой.

Потапов облокотился на перила, тихо сказал:

— Как же это так?

Кто-то осторожно тронул Потапова за плечо. Он оглянулся. Позади стояла молодая женщина с бледным строгим лицом. Она молча смотрела на Потапова тёмными внимательными глазами. На её ресницах и щеках таял снег, упавший, должно быть, с веток.

— Наденьте фуражку, — тихо сказала женщина, — вы простудитесь. И пойдёте в дом. Не надо здесь стоять.

Потапов молчал. Женщина взяла его за рукав и повела по расчищенной дорожке. Около крыльца Потапов остановился. Судорога сжала ему горло, он не мог вдохнуть. Женщина так же тихо сказала:

— Это ничего. И вы, пожалуйста, меня не стесняйтесь. Сейчас это пройдёт.

Она постучала ногами, чтобы сбить снег с ботишков. На двери зазвенел колокольчик. Потапов глубоко вдохнул, перевёл дыхание.

Он вошёл в дом, что-то смущённо бормоча, снял в прихожей шинель, почувствовал слабый запах берёзового дыма и увидел Архипа. Архип сидел на диване и зевал. Около дивана стояла девочка с косичками и радостными глазами смотрела на Потапова, но не на лицо, а на золотые нашивки на рукаве.

— Пойдёмте! — сказала Татьяна Петровна и провела Потапова в кухню.

Там в кувшине стояла холодная колодезная вода, висело знакомое льняное полотенце с вышитыми дубовыми листьями.

Татьяна Петровна вышла. Девочка принесла Потапову мыло и смотрела, как он мылся. Смущение Потапова не прошло.

— Кто же твоя мама? — спросил он девочку и покраснел.

Вопрос этот он задал, лишь бы что-нибудь спросить.

— Она думает, что она взрослая, — таинственно прошептала девочка. — А она совсем не взрослая. Она хуже девочка, чем я.

— Почему? — спросил Потапов.

Но девочка не ответила, засмеялась и выбежала из кухни.

Потапов весь вечер не мог избавиться от странного ощущения, будто он живёт в лёгком, но очень прочном сне. Всё в доме было таким, каким он хотел его видеть. Те же ноты лежали на рояле, те же витые свечи горели, потрескивая, и освещали маленький отцовский кабинет. Даже на столе лежали его письма из госпиталя — лежали под тем же старым компасом, под которым отец всегда клал письма.

После чая Татьяна Петровна провела Потапова на могилу отца, за рощу. Туманная луна поднялась уже высоко. В её свете слабо светились берёзы, бросали на снег лёгкие тени.

А поздним вечером Татьяна Петровна, сидя у рояля и осторожно перебирая клавиши, обернулась к Потапову и сказала:

— Мне всё кажется, что где-то я уже видела вас.

— Да, пожалуй, — ответил Потапов.

Он посмотрел на неё. Свет свечей падал сбоку, освещал половину её лица. Потапов встал, прошёл по комнате из угла в угол, остановился.

— Нет, не могу припомнить, — сказал он глухим голосом.

Татьяна Петровна обернулась, испуганно посмотрела на Потапова, но ничего не ответила.

Потапову постелили в кабинете на диване, но он не мог уснуть. Каждая минута в этом доме казалась ему драгоценной, и он не хотел терять её.

Он лежал, прислушивался к воровским шагам Архипа, к дребезжанию часов, к шёпоту Татьяны Петровны, — она о чём-то говорила с нянькой за закрытой дверью. Потом голоса затихли, нянька ушла, но полоска света под дверью не погасла. Потапов слышал, как шелестят страницы, — Татьяна Петровна, должно быть, читала. Потапов догадывался: она не ложится, чтобы разбудить его к поезду. Ему хотелось сказать ей, что он тоже не спит, но он не решился окликнуть Татьяну Петровну.

В четыре часа Татьяна Петровна тихо открыла дверь и позвала Потапова. Он зашевелился.

— Пора, вам надо вставать, — сказала она. — Очень жалко мне вас будить!

Татьяна Петровна проводила Потапова на станцию через ночной город. После второго звонка они попрощались. Татьяна Петровна протянула Потапову обе руки, сказала:

— Пишите. Мы теперь как родственники. Правда?

Потапов ничего не ответил, только кивнул головой.

Через несколько дней Татьяна Петровна получила от Потапова письмо с дороги.

«Я вспомнил, конечно, где мы встретились, — писал Потапов, — но не хотел говорить вам об этом там, дома. Помните Крым в двадцать седьмом году? Осень. Старые платаны в Ливадийском парке. Темнеющее небо, бледное море. Я шёл тогда по тропе в Ореанду. На скамейке около тропы сидела девушка. Ей было, должно быть, лет шестнадцать. Она увидела меня, встала и пошла навстречу. Когда мы встретились, я взглянул на неё. Она прошла мимо меня быстро, легко, держа в руке какую-то книгу. Я остановился, долго смотрел ей вслед. Этой девушкой были вы. Я не мог ошибиться. Я смотрел вам вслед и почувствовал тогда, что мимо меня прошла женщина, которая могла бы и разрушить всю мою жизнь, и дать мне огромное счастье. Я понял, что могу полюбить женщину до полного отречения от себя. Тогда я уже знал, что должен найти вас, чего бы это ни стоило. Так я и думал тогда, но всё же не двинулся с места. Почему — не знаю. С тех пор я полюбил Крым и эту тропу, где я видел вас только мгновение и потерял навсегда. Но жизнь оказалась милостивой ко мне, я встретил вас. И если всё окончится хорошо и вам понадобится моя жизнь, она, конечно, будет ваша. Да, я нашёл на столе у отца своё распечатанное письмо. Я понял всё и могу только благодарить вас издали».

Татьяна Петровна отложила письмо, туманными глазами посмотрела на снежный сад за окном, сказала:

— Боже мой, я никогда не была в Крыму! Никогда! Но разве теперь это может иметь хоть какое-нибудь значение? И стоит ли разуверять его? И себя!

Она засмеялась, закрыла глаза ладонью. За окном горел, никак не мог погаснуть неяркий закат.

Задание 5. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Когда и где происходили события, о которых рассказывает писатель?
2. Как оказались Татьяна Петровна и её дочь в чужом доме чужого городка?
3. Кто был хозяином дома и что с ним произошло?
4. От кого приходили письма на имя старика Потапова?
5. Почему Татьяна Петровна распечатала чужое письмо и о чём она узнала, прочитав его?
6. Какие мысли появились у Татьяны Петровны и что она стала делать после чтения письма?
7. Откуда и куда ехал Николай Потапов?
8. О чём он узнал, когда сошёл с поезда и что решил сделать?
9. Как произошла встреча Николая Потапова с Татьяной Петровной и её дочерью?
10. Какие чувства переживал Николай, находясь в отцовском доме?
11. О чём разговаривали Николай Потапов и Татьяна Петровна?
12. Каким было их прощание?
13. О чём написал Николай Потапов в своём первом письме к Татьяне?
14. О чём думала Татьяна, читая его письмо?

Задание 6. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом рассказа.

Распечатала письмо; поселилась в доме у старика Потапова; узнал, что отец умер; привыкла к городку и к чужому дому; никогда не была в Крыму; могла бы разрушить всю жизнь и дать счастье; вспомнил, где встречались.

Задание 7. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 6.

Задание 8. Побеседуем.

1. Какова, по вашему мнению, роль мотива снега в раскрытии лирического настроения персонажей? Почему рассказ называется «Снег»?
2. Почему, на ваш взгляд, Татьяна Петровна решила не разуверять Потапова, что он встретился с ней в Крыму? Правильно ли она поступила?

Текст 9. Алые паруса

(По одноименной повести А. Грина)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

обручальное кольцо – кольцо, которое носят после свадьбы

буря – ненастье с сильным ветром

злорадствовать – испытывать злобную радость при несчастье, неудаче другого

ручѐёк – маленький ручей

храбрый = смелый, отважный

трубка – прибор для курения

табак – специальные, высушенные листья для курения

порт – специальное место для стоянки, погрузки, разгрузки, ремонта судов

трактир *устар.* – ресторан низшего разряда

сумасшедший – человек, который страдает душевным, психическим расстройством

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

предсказывать/предсказать что? кому?

Волшебник предсказал Ассоль встречу с Греем.

ухаживать за кем? за чем?

Соседка ухаживала за девочкой и за домом три месяца.

требовать/потребовать от кого? чего?

Меннерс потребовал от женщины любви за помощь.

приказывать/приказать кому? чему? + Inf.

Военный корабль приказал «Секрету» остановиться.

Задание 3. Используя конструкции *кто занимается чем, кто делает что*, дайте определение следующим словам.

Образец: учитель ... – учитель учит детей;

спортсмен ... – спортсмен занимается спортом.

Матрос ...

Капитан ...

Юнга ...

Охотник ...

Лавочник ...

Путешественник ...

Волшебник ...

Угольщик ...

Трактирщик ...

Музыкант ...

Задание 4. Чем отличаются друг от друга следующие виды морских судов: *корабль, лодка, яхта*? Какие еще названия морских судов вы знаете?

— Отдай её мне, — сказала девочка. — Ты уже на неё посмотрел. А мне нужно отнести её в город.

От неожиданности Эгль уронил кораблик. Потом он улыбнулся и спросил:

— Как тебя зовут, девочка?

— Ассоль.

— Твоё имя очень красиво. Оно звучит, как полёт птицы или шум морской раковины. А что у тебя в сумке?

— Лодочки.

— Я всё понял. Тебя послали в город, чтобы ты их продала. А ты начала играть, пустила яхту плавать, а яхта убежала от тебя. Правильно?

— Откуда ты знаешь? — спросила Ассоль. — Разве ты меня видел?

— Я знаю всё, потому что я — самый главный волшебник.

Ассоль испугалась, но Эгль заметил это и сказал:

— Не бойся! Я добрый волшебник, и хочу поговорить с тобой. Слушай меня внимательно.

Я был в той деревне, из которой ты пришла. Я люблю сказки и песни и собираю их. Но у вас в деревне не поют песен, не рассказывают сказок...

Я не знаю, сколько лет пройдёт, но в вашей деревне случится одна сказка, которую все надолго запомнят. Ты будешь уже большой. Однажды утром ты увидишь в море корабль под алыми парусами. Этот корабль подойдёт прямо к берегу под звуки прекрасной музыки. На берегу соберётся много народа, и ты будешь стоять среди них. От корабля к берегу поплывёт красивая лодка. «Кого вы ищете? К кому вы приехали?» — спросят люди на берегу. И тогда ты увидишь **храброго** и красивого молодого мужчину. Он протянет к тебе руки и скажет: «Здравствуй, Ассоль! Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы забрать тебя навсегда с собой и сделать тебя своей женой». И он увезёт тебя в страну, где всегда светит солнце, и звёзды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

— Это случится со мной? — спросила Ассоль. — Может быть, этот корабль уже приплыл?

— Нет, — ответил Эгль. — Сначала ты вырастешь и станешь взрослой. Иди, девочка, и не забудь, что рассказал тебе старый Эгль.

Лонгрэн сажал картошку в огороде, когда вернулась Ассоль. Она побежала к нему и, тяжело дыша, сказала:

— Папа, там на берегу сидит волшебник, и он сказал...

Она начала с рассказа о волшебнике и его сказке, потом про убежавшую яхту, потом про лицо волшебника... Мысли её путались, и Лонгрэну было трудно её понять, но он понимал, что в таких случаях надо быть очень серьёзным и внимательным и сказал:

— Я думаю, что это действительно был волшебник. Мне бы очень хотелось на него посмотреть. Но когда ты опять пойдёшь в город, не уходи в сторону от дороги, в лесу можно заблудиться.

Ассоль очень устала, она засыпала, но неожиданно подняла голову и тревожно спросила:

— Как ты думаешь, придёт за мной корабль с алыми парусами или нет?

— Придёт, — спокойно ответил Лонгрэн. — Раз волшебник сказал тебе об этом, значит, обязательно придёт.

Ассоль заснула на руках у отца. Лонгрэн держал её одной рукой, а другой достал из кармана трубку и закурил. Ветер перенёс запах хорошего табака под дерево, где сидел молодой парень из деревни и ел кусок пирога. Он слышал разговор отца с дочерью и очень развеселился. Он подошёл к Лонгрэну и сказал:

— Дай покурить бедному человеку. У меня нет такого хорошего табака, как у тебя.

— Я бы дал, — ответил Лонгрэн, — но мой табак в том кармане, на котором спит дочка, а будить мне её не хочется. Приходи немного позже!

Парень рассердился.

— Ты воспитываешь её как королеву! И рассказываешь ей глупые сказки!

Через полчаса парень сидел в трактире и рассказывал рыбакам, что старый Лонгрэн сошёл с ума, что он рассказывает дочери глупые сказки, а она в них верит. И все решили, что от одиночества Лонгрэн и Ассоль сошли с ума.

Через три дня, когда Ассоль шла из города, дети закричали ей:

— Эй, Ассоль! Посмотри на море! Плывёт корабль с красными парусами!

Ассоль вздрогнула, посмотрела на море, но оно было пусто. Девочка поняла, что над ней смеются, заплакала и побежала домой.

Грей

Артур Грей родился капитаном. Он хотел быть капитаном и стал им.

Он родился в огромном доме среди старого парка. Его родители были очень богаты. Они хотели, чтобы Грей жил так же, как они, и чтобы его портрет можно было повесить среди всех портретов родственников. Но Артур Грей не хотел этого. Он родился с живой душой и не хотел жить, как его родители.

Ему было двенадцать лет, когда он понял, что хочет быть капитаном. Это случилось в библиотеке. Её высокая дверь была обычно закрыта, но замок был плохой, и его можно было открыть рукой. Мальчик вошёл в библиотеку и начал рассматривать полки, наполненные книгами. Потом он повернулся к двери и увидел картину. На ней был нарисован корабль в бурном море. Он поднимался на волне, и вода текла по его бортам. Корабль шёл прямо на зрителя. На корабле был человек. Он что-то кричал, но что? Это был капитан.

Внутри себя Артур Грей услышал шум моря и звуки незнакомого ему языка. Ещё несколько раз он приходил смотреть на эту картину. Он искал на полках и находил книги о морях, кораблях, бурном или спокойном море, о

рыбах, хорошей или плохой погоде. В этом мире, который так нравился Грею, главным был капитан. Грей уже твёрдо знал, что он будет капитаном.

Когда Грею исполнилось пятнадцать лет, он убежал из дома. А через несколько дней из большого порта вышел корабль, унося с собой юнгу, похожего на девочку с нежными руками. Этим юнгой был Артур Грей.

Через год его трудно было узнать. Он стал сильным, загорелым. Его речь стала короткой и точной, и он больше не был похож на переодетую девочку. Сжав зубы, он шёл к своей цели: он хотел быть капитаном. Грея не пугали ни тяжёлый труд, ни боль в руках, ни смех опытных моряков. Он улыбался, с трудом разгибая спину, и продолжал идти к своей цели.

Через пять лет Артур Грей знал о кораблях всё. Он мог быть капитаном.

Он вернулся домой и прожил там семь дней. Потом он взял большую сумму денег, вернулся в порт и сказал капитану:

— Спасибо. Все эти пять лет вы были моим хорошим товарищем. Прощайте. Теперь я буду плавать на своём корабле.

А после этого Грей и вся команда сели в ресторане, пели и пили и съели и выпили всё, что было на кухне.

Прошло немного времени, и в порту появился новый корабль. Это был корабль Грея — белоснежный «Секрет».

Рассвет

Прошло ещё четыре года, пока Грей в первый раз приплыл в город, рядом с которым жила Ассоль. Десять дней корабль Грея стоял в порту и выгружал груз кофе, а на одиннадцатый день Грею стало очень грустно. Он не знал, почему это случилось. Тогда он решил заняться делом. И корабль был отремонтирован, снова покрашен, палуба была вымыта, но грусть Грея не проходила.

Тогда он решил поехать ловить рыбу. Он позвал одного из матросов, взял лодку, и они поплыли к берегу. Была ночь. Где-то шумел город. Им было безразлично, куда плыть, и они плыли вдоль берега. Справа появилась деревня. Слева шумело море. Лодка повернула к берегу.

— Здесь мы будем ловить рыбу, — сказал Грей матросу.

Матрос разжёг костер. Грей сел у огня.

— Лови, если хочешь, рыбу, — сказал Грей матросу. — А я пойду погуляю.

Наступило утро. Внизу тихо плескалось море. С деревьев падали капли росы. Раскрывались цветы. Грей вышел на открытое место и увидел спящую девушку. Он остановился. На траве спала Ассоль.

Грей молча смотрел на неё. Наконец, он снял с пальца старинное и дорогое кольцо и надел его на палец спящей девушки.

Матрос уже давно звал своего капитана, но Грей ничего не слышал и продолжал смотреть на Ассоль. Наконец, он вернулся к костру и сказал матросу, что они идут в соседнюю деревню.

Они подошли прямо к трактиру Меннерса. Было ещё рано, но в трактире уже сидели три человека. У окна сидел старый угольщик, а за соседним столом — два рыбака.

Грей позвал сына Меннерса.

— Вы, наверное, знаете здесь всех жителей, — спокойно сказал Грей. — Меня интересует имя молодой девушки в платье с розовыми цветочками. Ей от семнадцати до двадцати лет.

— Это Ассоль, — ответил младший Меннерс. — Она сумасшедшая.

— Правда? — спросил Грей. — Как же это случилось?

Младший Меннерс рассказал Грею, как семь лет назад Ассоль разговаривала с волшебником на берегу моря.

Грей слушал его и смотрел в окно. Неожиданно он почувствовал, что у него сильно забилось сердце. По улице шла та самая девушка, которой он надел на палец кольцо. Это была Ассоль. Грей увидел её взгляд и понял, что младший Меннерс обманывает — она не могла быть сумасшедшей!

Меннерс продолжал рассказывать:

— Еще могу вам сказать, что её отец...

Неожиданно к ним подошёл угольщик.

— Ты не сказал ни одного слова правды, — закричал он младшему Меннерсу. — Я знаю Ассоль! Когда я, продав свой уголь, еду из города, а она возвращается домой пешком, я обязательно беру её к себе в повозку. Я много раз разговаривал с ней, она умнее всех вас!

Грей повернулся и вышел из трактира.

Уже в лодке он поднял руку вверх и попытался поймать солнечный луч, как он делал в детстве.

Накануне

Накануне той ночи, когда Грей увидел спящую Ассоль, она была в городе и принесла туда игрушечные корабли, сделанные Лонгреном. Свой товар она принесла обратно. Хозяин магазина игрушек не хотел больше покупать корабли Лонгрена. Теперь у него было много других красивых игрушек. Ассоль была очень расстроена.

Лонгрэн выслушал рассказ дочери и сказал:

— Мне нужно вернуться на корабль. Ты сможешь жить одна, пока я буду в море?

— Может быть, я буду работать на корабле в буфете?

— Нет, — ответил Лонгрэн. — Пока я жив, ты не будешь работать в море — это не женская работа.

Лонгрэн ушёл, а Ассоль села перешивать старую юбку. Наступила ночь. Ассоль потушила лампу и легла спать. Но сон не приходил к ней. Она поняла, что не сможет заснуть и вышла на улицу. На небе светилась утренняя звезда. Ассоль пошла по дороге, вышла из деревни, вошла в лес. Вставало солнце. Ассоль смотрела на море и думала о корабле с алыми парусами... Она легла на траву и заснула.

Когда Ассоль проснулась, она начала поправлять волосы. Кольцо Грея мешало ей, но она думала, что это просто травинка. Потом она поднесла руку к глазам и вскочила на ноги: на её руке сверкало кольцо Грея...

Так Ассоль и Грей нашли друг друга.

Боевые приготовления

Когда Грей пришёл обратно на свой корабль, он приказал, чтобы его отвели за несколько километров от города, а сам пошёл в магазины. Он обошёл уже три из них, но в каждом ему предлагали шёлк некрасивого красного цвета. Наконец, в одном из магазинов, он нашёл красные шелка разных оттенков. Грей держал в руках светло-красный, тёмно-красный, почти оранжевый, почти чёрный шелка, но не мог найти настоящего алого цвета. Наконец, один цвет привлек его внимание. Он сел, взял в руки кусок материала и начал его рассматривать. Грей так долго смотрел на него, что к нему подошёл хозяин магазина.

— Этот шёлк мне нужен. Я покупаю его, — сказал Грей.

— Весь кусок? — с уважением спросил хозяин. — А если не весь кусок, то сколько вам нужно метров?

— Две тысячи метров, — ответил Грей. — Я думаю, что мне хватит двух тысяч метров.

Купив шёлк, Грей пошёл по городу. Неожиданно он услышал музыку. Это играли уличные музыканты.

Грей знал их, они часто играли в **портах**.

— Я предлагаю вам хорошо заработать, — сказал Грей музыкантам. — Соберите оркестр из людей, которые умеют играть так, что плачет и смеётся сердце. Возьмите эти деньги и выпейте за букву «А». А вечером приезжайте на мой корабль.

— Капитан, вы хотите жениться? — спросили музыканты.

— Да, — просто ответил Грей.

Вечером матросы спросили Грея, зачем он хочет отплыть от города.

— Всё очень просто, — ответил Грей. — Мы будем стоять вдалеке от города, пока не поменяем паруса. Вы видели, что привезли шёлк алого цвета. Из него мы сошьём новые паруса. Я еду к жене. Она ещё не жена, но обязательно будет ею. Мне нужны алые паруса, чтобы издалека она видела, что я плыву за нею. Как видите, здесь нет ничего таинственного. Всё очень просто.

Ассоль остаётся одна

Лонгрен начал работать на корабле. Ассоль осталась одна. Но ей не было грустно. Она носила с собой кольцо Грея. Она носила его так осторожно, как носят птицу. От волнения Ассоль не могла долго оставаться дома. Она пошла в город.

В этот день многие жители города видели молодую девушку, которая задумчиво ходила по улицам, проходила между людьми, но не замечала их.

На обратном пути Ассоль встретила своего друга угольщика.

— Здравствуй, Филипп, — сказала она. — Что ты здесь делаешь?

— У меня сломалось колесо, я его ремонтирую.

— Знаешь, Филипп, я хочу тебе что-то сказать. Я очень люблю тебя, и поэтому расскажу тебе один секрет. Скоро я уеду отсюда.

— Куда же ты уедешь? — удивился угольщик.

— Я ничего не знаю. Я не знаю, куда, не знаю, когда, и ничего тебе больше не скажу. Прощай.

Угольщик очень удивился. Он не понял, о чём говорила Ассоль. Он долго думал, а потом махнул рукой и поехал в город.

Алый «Секрет»

Было утро. В лесу был туман. Какой-то охотник вышел из леса на берег моря и остановился: он услышал звуки музыки. Музыкант играл чистую и красивую мелодию, потом повторил её. Звуки дрожали, как голос женщины. Охотник посмотрел вокруг. Туман рассеивался, сквозь него был виден какой-то корабль. Его свёрнутые паруса висели вниз. Неожиданно подул ветер с берега. Он надул и поднял паруса.

Охотник, стоявший на берегу, долго не верил своим глазам. Корабля уже не было видно, а он всё стоял и смотрел.

В полдень «Секрет» встретился с военным кораблём, который приказал «Секрету» остановиться.

— Не бойтесь, — сказал Грей матросам, — они не будут в нас стрелять, они просто не верят своим глазам.

С военного корабля сошёл капитан и прошёл к Грею. Через несколько минут он вышел улыбающийся, и военный корабль приветствовал «Секрет» настоящим салютом. В этот день все военные моряки разговаривали только о любви.

— Том, как ты женился? — спросил один матрос другого.

— Я поймал её за юбку, когда она хотела выпрыгнуть от меня в окно, — гордо ответил Том.

Через несколько часов все увидели берег. Грей смотрел на деревню, где жила Ассоль. Если бы он мог её видеть, он понял бы, что она сидит у окна и читает.

Ассоль читала. По странице книги полз маленький жучок. Он всё время останавливался на слове «смотри». Ассоль хотела дунуть на него, чтобы он улетел, но в эту секунду её взгляд остановился на корабле с алыми парусами.

Она вздрогнула, замерла, потом вскочила на ноги и побежала к морю.

Корабль медленно приближался к деревне. На нём звучала нежная музыка.

А в деревне все так разволновались, что бросили все свои дела и тоже побежали к морю. Никогда ещё такой большой корабль не подходил к деревне, а кроме этого, у корабля были точно такие паруса, о которых рассказывал

волшебник. Мужчины, женщины и дети бежали к морю, там была уже целая толпа народа. И в эту толпу вбежала Ассоль.

Пока её не было, все называли её имя. Некоторые со смехом, некоторые со злобой и завистью. Как только она прибежала, все замолчали и отошли от неё. Ассоль стояла на берегу, и её лицо было таким же алым, как паруса «Секрета».

От корабля отплыла лодка. Среди матросов в лодке стоял тот человек, которого она ждала всю жизнь. Ей казалось даже, что она знает его с детства. Он смотрел на неё с улыбкой, но Ассоль в последнюю минуту испугалась, что он ошибётся. Она вошла в тёплую воду и закричала, протягивая руки:

— Я здесь! Это я!

И тогда музыканты снова заиграли. Грей нагнулся к ней из лодки и поднял её наверх.

Ассоль открыла глаза, смело улыбнулась и сказала:

— Ты совершенно такой, каким я тебя представляла.

— И ты тоже, — ответил Грей.

— А ты возьмёшь к нам моего Лонгрена?

— Да, — ответил он и так крепко поцеловал её, что она засмеялась.

На следующий день корабль был уже далеко. Часть матросов спала на палубе. Не спали только дежурный матрос и музыкант. Он сидел, смотрел на море, играл на скрипке, которая пела волшебным, неземным голосом, и думал о счастье...

Задание 6. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Кто такой Лонгрэн?
2. О чём он узнал, когда приехал домой в отпуск?
3. Как он решил жить дальше?
4. Почему он не помог лавочнику Меннерсу, лодку которого унесло в море?
5. Как относились к нему люди после этого случая, понимали ли они его?
6. Кого встретила Ассоль, когда она относила в город игрушки, сделанные отцом на продажу?
7. Что предсказал девочке добрый волшебник Эгль?
8. Почему жители деревни, узнав о мечте Ассоль, зло смеялись над ней?
9. Кто такой Артур Грей и почему в 15 лет он убежал из дома?
10. Кем он стал через 5 лет?
11. Когда Грей впервые увидел Ассоль?
12. Что он узнал о ней от жителей деревни?
13. Почему отец Ассоль решил вернуться на корабль?
14. Когда и где Ассоль обнаружила подарок Грея?
15. Для чего Грей приобрёл шёлк алого цвета и пригласил на свой корабль музыкантов?
16. Какое предчувствие возникло у Ассоль с появлением кольца?
17. Осуществилась ли мечта Ассоль?

Задание 7. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом повести.

Начал растить Ассоль; никто не разговаривал с Лонгреном; рассказала о волшебнике; увидел спящую девушку; опустила кораблик на воду; потребовал любви; решил плавать на своем корабле; не хотел жить, как его родители; заболела, и через неделю умерла; сидел на камне и держал в руках яхту; надел кольцо на палец спящей девушки; не хотели играть с Ассоль; стоял на берегу и молча смотрел на Меннерса; купил шёлк алого цвета.

Задание 8. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 7.

Задание 9. Побеседуем.

1. Как вы думаете, символом чего в русской культуре стали алые паруса?
2. Верите ли вы в то, что в жизни каждого человека может случиться сказка?

Текст 10. Голубое и зелёное
(По одноименной повести Ю. Казакова)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

грудной (голос) – густой, глубокий

(быть) во власти кого/чего? – находиться под чьим-либо воздействием
собираться/собраться с силами – привести себя в такое состояние, при котором физические или духовные возможности, способности активно проявляются

арбатский (прил. от Арбат) – московская улица, центр старой Москвы, где собирались художники, музыканты, поэты.

кибернетика – наука о системах и методах управления; эта наука стала базой для развития компьютерных технологий

(как бы) между прочим – (как бы) не уделяя особого внимания

из века в век – всегда, во все времена

бой курантов – бой (сущ. от глаг. бить) – громкий звук, который обозначает время; **куранты** – часы на башне с музыкой, эд. часы на Спасской башне Кремля в Москве на Красной площади.

дыхание перехватывается – дыхание задерживается (от волнения, от страха и т.д.)

сбитые ботинки (сущ. от глаг. сбить) – стоптать, скривить; старые, поношенные ботинки

голос садится – голос становится хриплым

сила воли – способность осуществлять свои желания, цели (= сильный характер)

ерошить/взъерошить (волосы) *разг.* – рукой приводить в беспорядок волосы

кроль – стиль в плавании

трест – в СССР объединение нескольких предприятий одного типа

главк (сокращ. от *главный комитет*) – название главных управлений, подразделений министерств и т.п.

Третьяковка *разг.* – сокращение от *Третьяковская галерея*, крупнейший в мире московский музей русского искусства

трогать/тронуть до слёз – вызывать в ком-то сочувствие, приводить в умиление; сильно волновать кого-то

катиться под гору – резко ухудшаться

уйти в себя – быть внутри своих чувств и мыслей, не обращать внимания на окружающий мир

полыхать/полыхнуть – пылать, ярко гореть вспышками

за тысячу вёрст – *зд.* очень далеко; *верста* – старая русская мера длины, равная 1,06 км

верзила *разг.* – высокий и нескладный человек

гогот *прост.* – резкий грубый хохот

деревенеть/задеревенеть – становиться твёрдым, онемелым, утрачивать способность двигаться

газировщица – продавец газированной воды

профком (сокращ. от *профсоюзный комитет*) – комитет, занимающийся делами профессиональных союзов (профсоюзов); *профсоюзы* – добровольные организации, объединяющие трудящихся в производственных и внепроизводственных сферах для защиты социально-экономических прав и интересов своих членов.

комсомольский (*прил.* от *комсомол*, т.е. *комитет ленинской молодёжи*) – молодёжная организация в СССР

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

подать руку кому? = пожать руку кому?

другу

Лиле

товарищам

знакомить/познакомить кого? с кем?

друга с девушкой

невесту с родителями

студентов с преподавателем

сдерживать/сдержать что?

смех

ярость
эмоции

пересказывать с чего? на что?

с предмета на предмет
с темы на тему

мечтать о ком? о чём?

о любви
о подвиге
о каникулах

отвыкать/отвыкнуть от кого? от чего?

от однокурсников
от людей
от шума
от запахов

беспокоиться о ком? о чём?

о близком человеке
о сестре
о пациентах
о здоровье
о будущем
об экзаменах

наслаждаться/насладиться чем?

музыкой
общением
концертом
красивыми видами

овладевать/овладеть чем?

кролем
ездой на велосипеде
правильной интонацией

влюбляться/влюбиться в кого?

в девушку
в парня

выступать/выступить где? с чем?

на комсомольском собрании с сообщением
на конференции с докладом
на собрании с презентацией

Задание 3.А. В тексте часто встречаются слова, называющие чувства. Найдите как можно больше однокоренных слов.

Радость, любовь, нежность, ужас, отчаяние, злоба, сожаление, горе, бессилие, испуг, удивление, жалость.

Задание 3.Б. Проанализируйте следующие словосочетания. Как они построены?

Думать с восторгом, гулять с удовольствием, чувствовать с болью, говорить с улыбкой, говорить с упрёком.

По примеру указанных выше словосочетаний составьте свои. Используйте слова из задания 3А.

Задание 4. Прочитайте текст «Голубое и зелёное». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

ГОЛУБОЕ И ЗЕЛЁНОЕ

I

— Лиля, — говорит она глубоким, **грудным голосом** и подаёт мне горячую маленькую руку.

Я осторожно беру её руку, пожимаю и отпускаю. Я бормочу при этом своё имя. Кажется, я не сразу даже сообразил, что нужно назвать своё имя. Рука, которую я только что отпустил, нежно белеет в темноте. «Какая необыкновенная, нежная рука!» — с восторгом думаю я.

Мы стоим на дне глубокого двора. Как много окон в этом квадратном тёмном дворе: есть окна голубые, и зелёные, и розовые, и просто белые. Из голубого окна на втором этаже доносится музыка: там включили приёмник. Я очень люблю джаз, нет, не танцевать — танцевать я не умею, — я люблю слушать хороший джаз. Не знаю, может быть, это плохо. Я стою и слушаю джазовую музыку со второго этажа, из голубого окна.

После того как она назвала своё имя, наступает долгое молчание. Может быть, она думает, что я скажу что-нибудь весёлое, что-нибудь такое, что всегда говорят в подобных случаях, может, ждёт вопроса какого-нибудь, чтобы заговорить самой. Но я молчу, я весь **во власти** необыкновенного ритма и серебряного звука трубы. Как хорошо, что играет музыка и я могу молчать!

Наконец мы трогаемся. Мы выходим на светлую улицу. Нас четверо: мой приятель с девушкой, Лилия и я. Мы идём в кино. Первый раз я иду в кино с девушкой. Меня познакомили с ней, и она подала мне руку и сказала своё имя. И вот мы идём рядом, совсем чужие друг другу и в то же время странно знакомые.

Музыки больше нет. Мне не за что спрятаться. Мой приятель отстаёт со своей девушкой. В страхе я замедляю шаги, но те двое идут ещё медленнее. Я знаю, он делает это нарочно. Это очень плохо с его стороны — оставить нас наедине. Никогда не ожидал я от него такого предательства!

Что бы такое сказать ей? Что она любит? Осторожно сбоку смотрю на неё: блестящие глаза, в которых отражаются огни, тёмные, наверное, очень жёсткие волосы, сдвинутые густые брови, придающие ей самый решительный вид... Но щёки у неё почему-то напряжены, как будто она сдерживает смех. Что бы ей всё-таки сказать?

— Вы любите Москву? — вдруг спрашивает она и смотрит на меня очень строго.

Я вздрагиваю. Есть ли ещё у кого-нибудь такой голос!

Некоторое время я молчу, **собираясь с силами**. Да, конечно, я люблю Москву. Особенно я люблю **арбатские** переулки и бульвары. Но и другие улицы тоже люблю...

Потом я снова надолго умолкаю. Мы выходим на Арбатскую площадь. Я принимаюсь насвистывать и сую руки в карманы. Пусть думает, что знакомство с ней мне не так уж интересно. Подумаешь! В сто раз лучше шпаться вечерами с ребятами. В конце концов я тут рядом живу, я могу уйти домой, и вовсе не обязательно мне идти в кино и мучиться, видя, как напряжены её щёки.

Но мы всё-таки приходим в кино. До начала сеанса ещё минут пятнадцать.

Лиля смотрит на меня блестящими серыми глазами. Странно, я совсем почти не гляжу на неё, но почему-то всё время вижу её лицо. Какая она красивая! Впрочем, она не красивая, просто у неё блестящие глаза и розовые щёки. Когда она улыбается, на щеках появляются ямочки, а брови расходятся и не кажутся уже такими строгими. У неё высокий чистый лоб. Только иногда на нём появляется морщинка. Лиля размышляет.

Нет, я всё-таки дурак. Другие так легко знакомятся, разговаривают, острят. Другие, я знаю, говорят о футболе и о чём угодно. Спорят о **кибернетике**. Я бы ни за что не заговорил с девушкой о кибернетике.

А Лиля всё-таки жестокая. У неё жёсткие волосы. У меня волосы мягкие. Наверное, по мягкости характера я сижу и курю, хотя мне совсем не хочется курить.

Наконец звонок. Не глядя друг на друга, мы идём в зрительный зал и садимся. Потом гаснет свет, и начинается кинокартина.

Когда мы выходим из кино, приятель мой совсем исчезает. Это так действует на меня, что я вообще перестаю думать. Просто иду и молчу. На улицах уже малоллюдно. Быстро проносятся автомашины. Наши шаги гулко отдаются от стен и далеко слышны.

Так мы доходим до её дома. Останавливаемся опять во дворе. Поздно, и не во всех окнах уже горит свет, и во дворе темнее, чем было два часа назад. Много белых и розовых окон погасло, но зелёные ещё светятся. Светится и голубое окно на втором этаже, только музыки там больше не слышно. Некоторое время мы стоим совсем молча. Лиля странно ведёт себя: поднимает лицо, смотрит на окна, будто считает их; почти отворачивается от меня, потом начинает поправлять волосы. Наконец я очень небрежно, **как бы между**

прочим, говорю, что нам не мешало бы встретиться завтра. Я рад, что во дворе темно и она не видит моего пылающего лица.

Лиля согласна встретиться. Я могу прийти к ней, её окна выходят на улицу. У неё каникулы, родные уехали на дачу, и ей немного скучно. Она с удовольствием погуляет.

Я размышляю, прилично ли будет пожать ей руку на прощание. Она сама протягивает мне узкую руку, белеющую в темноте, и я снова чувствую её теплоту и доверчивость.

II

На другой день я прихожу к Лиле засветло.

Мы идём на Тверской бульвар. Сколько влюблённых из века в век ходило по Тверскому бульвару! Теперь идём мы. Правда мы ещё не влюблённые. Впрочем, может быть, мы тоже влюблённые, я не знаю. Мы идём примерно в метре друг от друга. Липы уже отцвели. Зато очень много цветов на клумбах. Они совсем не пахнут, и названий их никто, наверное, не знает.

Мы очень много говорим. Никак нельзя установить последовательности в нашем разговоре и в наших мыслях. Мы говорим о себе и о наших знакомых, перескакиваем с предмета на предмет и забываем то, о чём говорили минуту назад. Но нас это не смущает, у нас ещё много времени, впереди длинный, длинный вечер, и можно ещё вспомнить забытое. А ещё лучше вспоминать всё потом, ночью, одному.

Наконец мы расстаёмся в её тихом гулком дворе. Все спят, не светится ни одно окно. Мы понижаем голоса почти до шёпота, но слова всё равно звучат громко, и мне кажется, нас кто-то подслушивает.

Домой я прихожу в три часа. Только сейчас я начинаю чувствовать, как гудят ноги. Как же в таком случае устала она! Я зажигаю настольную лампу и читаю «Замок Бруды», который дала мне Лиля. Это замечательная книга. Читаю и почему-то всё время вижу лицо Лили. Иногда я закрываю глаза и слышу её нежный грудной голос.

Совсем рассвело, и я не могу больше читать. Я ложусь и смотрю в окно. Мы живём очень высоко, на седьмом этаже. Из окна видны крыши домов. А вдаль, там, откуда летом встаёт солнце, видна звезда кремлёвской башни. Одна только звезда видна. Я люблю подолгу смотреть на эту звезду. Ночью, когда в Москве тихо, я слышу бой курантов. Ночью всё очень хорошо слышно.

Я лежу, смотрю на звезду и думаю о Лиле.

III

А через неделю мы с матерью уехали на север. Я давно мечтал об этой поездке — с самой весны. Но теперь жизнь в деревне для меня полна особенного значения и смысла.

Я впервые попал в леса, в настоящие дикие леса и весь переполнен радостью первооткрывателя. У меня есть ружьё, мне купили его, когда я окончил девять классов. Я брожу совсем один и не скучаю. Я люблю людей, люблю веселье, смех, но теперь я рад почему-то своему одиночеству. Иногда я устаю. Тогда я сажусь и смотрю на широкую реку, на бледное осеннее небо.

Уже август, и на севере часто стоит плохая погода. Но и в плохую погоду, и в солнце рано утром выхожу я из дому и иду в лес. Там я охочусь и собираю грибы или просто перехожу с поляны на поляну и смотрю на белые ромашки, которых здесь множество.

Мало ли что можно делать в лесу! Можно просто лежать, слушать гул сосен и думать о Лиле. Можно даже говорить с ней. И я рассказываю ей об охоте, об озёрах и лесах, о прекрасном запахе ружейного дыма, и она понимает меня, хотя женщины вообще не любят и не понимают охоты.

Через месяц я возвращаюсь в Москву. Прямо с вокзала, едва поставив дома чемоданы, я иду к Лиле. Вечер, её окна светятся — значит, она дома. Я подхожу к окну, пробираясь через леса — её дом ремонтируют, и смотрю сквозь занавеску.

Лиля сидит за столом одна у настольной лампы и читает. Лицо её задумчиво и печально. Она перевёртывает страницу, облокачивается, поднимает глаза и смотрит на лампу, наматывая на палец прядь волос. Какие у неё тёмные глаза! Почему я раньше думал, что они серые? Они совсем тёмные, почти чёрные. Я стою под лесами, пахнет штукагуркой и сосной. Этот сосновый запах доносится ко мне, как далёкий отзвук моих охот, как воспоминание обо всём, что я оставил на севере. За моей спиной слышны шаги прохожих. Люди идут куда-то, спешат, чётко шагая по асфальту, у них свои мысли и своя любовь, они живут каждый своей жизнью. Москва оглушила меня своим шумом, огнями, запахами, ... от которых я отвык за месяц. И я с робкой радостью думаю: как хорошо, что в этом огромном городе и у меня есть любимая!

— Лиля! — зову я негромко.

Она вздрагивает, брови её поднимаются. Потом она встаёт, подходит к окну, отодвигает занавеску, наклоняется ко мне, и я близко вижу её тёмные радостные глаза.

— Алёша! Алёша! — говорит она медленно. На щеках её появляются едва заметные ямочки. — Алёша! Это ты? Это правда ты? Я сейчас выйду.

Я перехожу на другую сторону и смотрю на её окна. Вот гаснет свет, проходит короткая минута, и в чёрной дыре ворот показывается фигура Лили. Она сразу замечает меня и бежит через улицу. Она хватается мои руки и долго держит их в своих руках. Мне кажется, она загорела и немного похудела. Глаза её стали ещё больше. Я слышу, как **перехватывается её дыхание.**

— Пойдём гулять! — говорит она. И тут я обращаю внимание, что она говорит мне «ты».

Но мне неудобно идти с ней. Я только на минутку зашёл повидать её. Я так плохо одет. Я прямо с дороги, на мне **сбитые ботинки.** Костюм прожжён

в нескольких местах. Когда спишь у костра, очень часто прожигает куртку и брюки. Нет, я никак не могу идти с ней.

— Какая чепуха! — беспечно говорит Лиля и тянет меня за руку. Ей нужно со мной поговорить. Она совсем одна, подруги ещё не приехали, родители на даче, она страшно скучает и всё время ждала меня. При чём здесь костюм? И потом, почему я не писал? Мне, наверно, приятно, когда другие мучаются? Нет, нет, не мучаются — просто беспокоятся обо мне.

И вот мы опять идём по Москве. Очень странный, сумасшедший какой-то вечер. Начинается дождь, мы прячемся в гулкий подъезд и, задыхаясь после быстрого бега, смотрим на улицу.

— Ты вспоминал обо мне? — спрашивает Лиля. — Я почти всё время думала о тебе, хоть и не хотела. Сама не знаю почему. Просто думаю и думаю. Ведь мы знакомы так мало. Правда? Я читала книгу и вдруг подумала, понравилась бы она тебе. Ах, какая я глупая!.. У тебя уши не краснели? Говорят, если думаешь долго о ком-нибудь, у него обязательно краснеют уши. Я даже в Большой не пошла. Как бы я сидела и наслаждалась музыкой, а ты в это время где-то... на каком-то севере, один. Ты мне всё расскажешь о севере, да? Я тоже хочу туда поехать, где ты был. Ты любишь оперу?

— Ещё бы. Я, может, скоро стану певцом. Все говорят, что у меня хороший бас.

— Алёша! У тебя бас? Спой, пожалуйста! Ты потихоньку спой, никто не услышит, одна я.

Сначала я отказываюсь. Потом я всё-таки пою. Голос у меня дрожит, садится, я пою и не замечаю, что дождь уже кончился, по тротуару идут прохожие и оглядываются на нас. Лиля тоже не замечает ничего. Она смотрит мне в лицо, и глаза её нестерпимо блестят, сияют.

IV

Молодым быть очень плохо. Жизнь проходит быстро, тебе уже семнадцать или восемнадцать лет, а ты ещё ничего не сделал, ты только собираешься что-то делать. Неизвестно даже, есть ли у тебя какие-нибудь таланты. А хочется большой, напряжённой жизни! Хочется писать стихи, чтобы вся страна знала их наизусть. Или совершить множество подвигов. Или полететь в ракете в космическое пространство. Что же мне делать? Что сделать, чтобы жизнь не прошла даром, чтобы каждый день был днём борьбы и побед? Я живу в постоянной тоске, меня мучит мысль, что я не герой, не открыватель, не мыслитель. Способен ли я на подвиг? Есть ли у меня **сила воли**?

А способен ли я на тяжёлый ежедневный труд, хватит ли у меня сил вытерпеть, выдержать долгие трудные годы? Хуже всего то, что никто не понимает моей муки. Все смотрят на меня, как на мальчишку, даже **ерошат** мне **волосы**, будто мне ещё десять лет! И только Лиля, одна Лиля понимает меня, только с ней я могу быть до конца откровенным.

Мы давно уже занимаемся в школе: она — в девятом, я — в десятом. Я решил заняться плаванием и стать чемпионом СССР, а потом и мира. Уже

три месяца хожу я в бассейн. Кроль — самый лучший стиль. Это самый стремительный стиль. Он мне очень нравится. А по вечерам я люблю мечтать.

Есть зимой короткая минута, когда снег на крышах и небо делаются тёмно-голубыми, даже лиловыми. Я стою у окна, смотрю в открытую форточку на лиловый снег, дышу морозным воздухом, и мне почему-то грезятся далёкие путешествия, неизвестные страны, горы... Я голодаю, обрастаю рыжей бородой, меня печёт солнце или до костей прохватывает мороз, я даже гибну, но открываю ещё одну тайну природы. Вот жизнь! Если бы мне попасть в экспедицию.

Я начинаю ходить по трестам и главкам. Их много в Москве, и все они со звучными загадочными названиями. Да, экспедиции отправляются. В Среднюю Азию, и на Урал, и на север. Да, работники нужны. Какая у меня специальность? Ах, у меня нет специальности... Очень жаль, но мне ничем не могут помочь. Мне необходимо учиться. Рабочим? Рабочих они нанимают на месте. Всего доброго!

И снова я хожу в школу, готовлю уроки... Хорошо, я кончу десять классов и поступлю в институт. Мне теперь всё безразлично. Я поступлю в институт и стану потом инженером или учителем. Но в моём лице люди потеряют великого путешественника.

Наступил декабрь. Всё свободное время провожу я с Лилей. Я люблю её ещё больше. Я не знал, что любовь может быть бесконечной. Но это так. С каждым месяцем Лиля делается мне всё дороже, и уже нет жертвы, на которую я бы не пошёл ради неё. Она часто звонит мне по телефону. Мы подолгу разговариваем, и я воображаю её лицо, а после разговора никак не могу взяться за учебники, не могу успокоить сладко падающего куда-то сердца.

В воскресенье утром я выхожу из дому... Я захожу к Лиле. Мы идём с ней на каток, потом... в Третьяковку. В Третьяковке зимой очень тепло, уютно, там есть стулья, и на стульях можно посидеть и потихоньку поговорить. Мы бродим по залам и рассматриваем картины. Особенно я люблю «Девочку с персиками» Серова. Эта девочка очень похожа на Лилю. Лиля краснеет и смеётся, когда я говорю ей об этом. Иногда мы совсем забываем о картинах, разговариваем шёпотом и смотрим друг на друга или на свои руки.

V

Наверное, никогда нельзя с точностью указать минуту, когда пришла к тебе любовь. И я никак не могу решить, когда я полюбил Лилю. Может быть, когда я, одинокий, бродил по северу? Или тогда, когда я смотрел на неё вечером в окно и у неё было такое грустное лицо? ... Или тогда, когда она впервые подала мне руку и нежно сказала своё имя: Лиля? Не знаю. Я только одно знаю, что теперь уже не могу без неё. Вся моя жизнь теперь делится на две части: до неё и при ней. Как бы я жил и что значил без неё? Я даже думать об этом не хочу, как не хочу думать о возможной смерти моих близких.

Зима наша прошла чудесно. Всё было наше, всё было общее: прошлое и будущее, радость и вся жизнь до последнего дыхания. Какое счастливое время, какие дни, какое головокружение!

Но весной я начинаю кое-что замечать. Нет, я ничего не замечаю, я только чувствую с болью, что наступает что-то новое. Это даже трудно выразить. Просто у нас обнаруживается разница в характерах. Ей не нравятся мои взгляды, она смеётся над моими мечтами, смеётся жестоко, и мы несколько раз ссоримся. Потом... Потом всё **катится под гору**, всё быстрее, всё ужаснее. Всё чаще Лили не бывает дома, всё чаще разговоры наши делаются неестественно весёлыми и пустыми. Я чувствую, как уходит она от меня с каждым разом всё дальше, всё дальше...

Сколько в мире юных девушек! Но ты знаешь одну, только одной ты смотришь в глаза, видишь их блеск, и глубину, и влажность, только её голос **трогает тебя до слёз**, только её руки ты боишься даже поцеловать. Она говорит с тобой, слушает тебя, смеётся, молчит, и ты видишь, что ты единственный ей нужен, что только тобой она живёт и для тебя, что тебя одного она любит, так же как ты её.

Но вот с ужасом ты замечаешь, что глаза её, прежде отдававшие тебе всю теплоту, свой блеск, свою жизнь, глаза её теперь равнодушны, **ушли в себя** и что вся она ушла от тебя в такую дальнюю даль, где тебе её уже не достать, откуда не вернуть. Это как смерть. Самые священные твои порывы, затаённые и гордые мысли не для неё, и сам ты со всей сложностью и красотой своей души не для неё. Ты гонишься за нею, ты напрягаешься, но всё мимо, мимо, всё не то и не так. Она ускользнула, ушла, она где-то у себя, в своём чудесном неповторимом мире, а тебе нет туда доступа, ты грешник — и рай не для тебя. Какие же отчаяние, злоба, сожаление и горе охватывают тебя! Ты опустошён, обманут, уничтожен и несчастен! Всё ушло и ты стоишь с пустыми руками, и в пору тебе упасть и кричать о своей боли и бессилии. И ты упадёшь и закричишь, она взглянет на тебя, в глазах её появятся испуг, удивление, жалость — всё, но того, что тебе надо, не появится, и единственного взгляда ты не получишь, её любовь, её жизнь не для тебя. Ты даже можешь стать героем, гением, человеком, которым гордится страна, но единственного взгляда ты никогда не получишь.

И вот уже весна... Много солнца и света, голубое небо, липы на бульварах начинают клейко пахнуть. Все бодро оживлены, все собираются встречать май. И я, как и все, тоже собираюсь. И у меня впереди целых три свободных дня. Три дня, которые я проведу с Лилей, — не станет же она и в эти дни уходить в библиотеку готовиться к экзаменам! Нет, я не пойду никуда, никакие компании мне не нужны, я буду эти дни вместе с ней. Мы так давно не были вместе... Но я ещё верю, верю и надеюсь на счастье.

Нет, она не может быть со мной. Ей нужно ехать на дачу... Прекрасно! Очень хорошо встретить май на даче. Но мне так хочется побыть с ней... Может быть, второго мая? Второго? Она раздумывает, наморщив лоб, и слегка краснеет. Да, может быть, она вырвется... конечно, она очень хочет!

Мы ведь так давно не были вместе! Итак, второго вечером, у телеграфа на улице Горького.

В назначенный час я стою у телеграфа. Как много здесь народу! Над моей головой глобус. Ещё сумерки, но он уже светится — голубой, с жёлтыми материками — и тихонько крутится. **Полыхает** иллюминация: золотые колосья, голубые и зелёные искры. От света иллюминации лица у всех очень красивые.

По улице, прямо посередине, идут толпы людей. Как много девушек и ребят, и все поют, кричат что-то, играют на аккордеонах. На всех домах флаги, лозунги, огни. Поют песни, и я бы мог тоже запеть: ведь у меня хороший голос. У меня бас. Я когда-то мечтал стать певцом.

Вдруг я вижу Лилю. Она пробирается ко мне, поднимается по ступенькам, и на неё все оглядываются — так она красива. Я никогда не видел её такой красивой. Сердце моё начинает колотиться. Она быстро оглядывает всех, глаза её перебегают по лицам, ищут кого-то. Они ищут меня.

Я делаю шаг ей навстречу, один только шаг, и вдруг острая боль ударяет меня в сердце, и во рту становится сухо. Она не одна! Рядом с ней стоит парень в берете и смотрит на меня. Он красивый, этот парень, и он держит её под руку. Да, он держит её под руку, тогда как я только на второй месяц осмелился взять её под руку.

— Здравствуй, Алёша! — говорит Лиля. Голос её немного дрожит, а в глазах смущение. Только небольшое смущение, совсем маленькое. — Ты давно ждёшь? Мы, кажется, опоздали...

Она смотрит на большие часы под глобусом и чуть хмурится. Потом поворачивает голову и смотрит на парня. У неё очень нежное лицо, когда она на него смотрит. Смотрела ли она так на меня?

— Познакомьтесь, пожалуйста!

Мы знакомимся. Парень крепко жмёт мне руку. В его пожатии уверенность и превосходство.

— Ты знаешь, Алёша, сегодня у нас с тобой ничего не выйдет. Мы идём сейчас в Большой театр... Ты не обижасься?

— Нет, я не обижаюсь.

— Ты проводишь нас немножко? Тебе ведь всё равно сейчас нечего делать.

— Провожу. — Мне действительно нечего делать... Мы вливаемся в поток и вместе с потоком движемся вниз, к Охотному ряду. Зачем я иду? Что со мной делается? Кругом поют. Играют аккордеоны, на крышах домов гремят репродукторы. Но зачем я иду, куда я иду?

Мы заворачиваем к Большому театру. Теперь не я держу её под руку. Её руку держит этот красивый парень. И она уже не со мной, она с ним. Она сейчас за тысячу вёрст от меня. Почему у меня першит в горле? И щиплет глаза? Заболел я, что ли? Мы доходим до Большого театра, останавливаемся, молчим... Совершенно не о чем говорить. Я вижу, как парень легонько сжимает её локоть.

— Ну, мы пойдём. До свидания! — говорит Лиля и улыбается мне. Какая у неё отсутствующая улыбка.

VI

Прошёл год. И я почти забыл о Лиле. Конечно, я забыл о ней. Вернее, я старался не думать о ней. Зачем думать? Один раз я встретился с ней на улице. Я побледнел, и у меня похолодела спина, но я держался ровно. Я старался не смотреть на неё, я сжал зубы. Ведь я совсем потерял интерес к её жизни. Я не спрашивал, как она живёт, а она не спросила, как живу я. Хотя много-много произошло у меня за это время. Год — это ведь очень много!

Я учусь в институте. Я очень хорошо учусь, никто не отвлекает меня от учёбы, никто не зовёт гулять. У меня много общественной работы. Я занимаюсь плаванием и уже выполнил норму первого разряда. Наконец-то я овладел кролем. Кроль — самый стремительный стиль. Впрочем, это неважно. При чём тут кроль?

Однажды я получаю от Лили письмо. Опять весна, и у меня очень легко на душе. Я люблю весну. Я сдаю экзамены за первый курс. И вот я получаю письмо от Лили. Она пишет, что вышла замуж. И мне вдруг вспомнилось, как я тонул в детстве. На меня налетел в воде верзила, дурак, и начал с гоготом топить меня. Я кусался, пытался вздохнуть, извивался, и только что-то гулко-зелёное было по сторонам, я задыхался, глотал воду и не мог даже кричать... О чём это я? Ах, она вышла замуж. Ещё она пишет, что уезжает с мужем на север и очень просит прийти проводить её. Она называет меня «милый» и подписывается: «Твоя старая, старая знакомая Лилька».

Я долго сижу и смотрю на обои. У нас красивые обои с замысловатыми рисунками. Я люблю смотреть на эти рисунки. Конечно, я провожу её, раз она хочет. Почему бы нет? Она не враг мой, она не сделала мне ничего плохого. Я провожу её, тем более что давно-давно всё забыл: мало ли чего не бывает в жизни! Разве всё запомнишь, что случилось с тобой год назад?

И я еду на вокзал в тот день и час, которые указала она мне в письме. Это тот же вокзал, с которого и я когда-то уезжал, и запахи те же, и то же томительное предчувствие дальней дороги.

Я увидел её внезапно и даже вздрогнул. Странно, почему я вздрогнул, — ведь всё, всё кончено. Она стоит в светлом платье с открытыми руками, и первый загар уже тронул её руки и лицо. У неё по-прежнему нежные руки. Но лицо изменилось, оно стало лицом женщины. Она уже не девочка, нет, не девочка... С ней стоят родные и муж — тот самый парень. Они все громко, торопливо говорят и смеются, но я замечаю, как Лиля нетерпеливо оглядывается: она ждёт меня.

Я подхожу. Она тотчас берёт меня под руку.

— Я на одну минуту, — говорит она мужу с нежной улыбкой.

Муж кивает и приветливо смотрит на меня. Да, он меня помнит. Он великодушно протягивает мне руку. Потом мы с Лилей отходим.

— Ну, вот я и дама, и уезжаю, и прощай Москва! — говорит Лиля и грустно смотрит на башни вокзала. — Я рада, что ты приехал. Мне вдруг захотелось повидать тебя. Странно как-то всё... Ты очень вырос. Как ты живёшь?

— Хорошо, — отвечаю я и пытаюсь улыбнуться. Но улыбка у меня не получается, почему-то **деревенеет** лицо.

Лиля внимательно смотрит на меня, лоб её перерезают морщинки. Это у неё всегда, когда она думает.

— Что с тобой? — спрашивает она.

— Ничего. Я просто рад за тебя. Давно вы поженились?

— Всего неделю. Это такое счастье!

— Да, конечно...

Лиля смеётся.

— Откуда тебе знать? Но постой, у тебя очень странное лицо!

— Это кажется. Это от солнца. Потом я немного устал, у меня ведь экзамены. Немецкий...

— Помнишь, я тебе помогала? — смеётся она.

— Да, я помню... — Я раздвигаю губы и улыбаюсь.

— Слушай, Алёша, в чём дело? — тревожно спрашивает Лиля, придвигаясь ко мне.

И я опять близко вижу её прекрасное лицо, из которого уже ушло что-то. Да, оно переменялось, оно теперь почти чужое мне. Лучше ли оно стало, я не могу решить.

— Ты скрываешь что-то, — с упрёком говорит она. — Раньше ты был не такой!

— Нет, нет, ты ошибаешься, — убеждённо говорю я. — Просто я не спал ночь.

Лиля смотрит на часы. Потом оглядывается. Муж кивает ей.

— Сейчас! — кричит она ему и снова берёт меня за руку. — Ты знаешь, как я счастлива! Порадуйся же за меня. Мы едем на север, на работу... Помнишь, как ты рассказывал мне о севере? Вот... ты рад за меня?

Зачем, зачем она спрашивает у меня об этом! Вдруг она начинает смеяться.

Лиля смеётся. Потом смотрит на меня весёлыми серыми глазами. Днём глаза у неё серые. Только вечером они кажутся тёмными. На щеках у неё дрожат ямочки.

— Какие мы дураки были! — беспечно говорит она и оглядывается на мужа. Во взгляде её нежность. Когда она опять поворачивается ко мне, я вижу эту не относящуюся ко мне нежность и что-то ещё, что-то тайное...

— Да, мы были дураками, — соглашаюсь я.

— Нет, дураки — не так, не то... Мы были просто глупые дети. Правда?

— Да, мы были глупые дети.

Впереди загорелся зелёный огонёк светофора.

Лиля идёт к вагону.

— Ну, прощай! — говорит она. — Нет, до свидания! Я тебе напишу, обязательно!

— Хорошо.

Я знаю, что она не напишет. Зачем? И она знает это. Она искоса взглядывает на меня и немного краснеет.

— Я всё-таки рада, что ты приехал проводить. И конечно, без цветов! Ты никогда не подарил мне ни одного цветка!

Она оставляет мою руку, берёт под руку мужа, и они поднимаются на площадку вагона.

Поезд уходит. Я закуриваю, засовываю руки в карманы и с потоком провожающих иду к выходу на площадь. Я сжимаю папиросу в зубах и смотрю на серебристые фонарные столбы. Они очень блестят от солнца, даже глазам больно. И я опускаю глаза. Теперь можно признаться: весь год во мне всё-таки жила надежда. И вот всё кончено. Ну что ж, я рад за Лию, честное слово, рад! Только почему-то очень болит сердце.

Обычное дело — девушка вышла замуж, это ведь всегда так случается. Девушки выходят замуж, это очень хорошо. Плохо только, что я не могу плакать. Последний раз я плакал пятнадцати лет. Теперь мне двадцатый. И сердце стоит в горле и поднимается всё выше, а я не могу плакать.

Я выхожу на площадь, и в глаза мне бросается циферблат часов на Казанском вокзале. Странные фигуры вместо цифр, я никогда не мог в них разобраться. Мне хочется пить, и я подхожу к газировщице. Сначала я хочу с сиропом, но потом раздумываю и прошу чистой воды. Неловко пить с сиропом, когда сердце подступает к горлу. Я беру холодный мокрый стакан и набираю в рот воды, но не могу проглотить. Кое-как делаю, наконец, глоток, всего один глоток. Кажется, стало легче.

VII

Ничто не вечно в этом мире, даже горе. А жизнь не останавливается. Нет, никогда не останавливается жизнь, властно входит в твою душу, и все твои печали развеиваются, как дым, маленькие человеческие печали, совсем маленькие по сравнению с жизнью. Так прекрасно устроен мир.

Теперь я кончаю институт. Кончилась моя юность, отошла далеко-далеко, навсегда. И это хорошо: я взрослый человек и всё могу, и мне не ерошат волосы, как ребёнку. Скоро и я поеду на север. Не знаю, почему-то меня всё тянет на север. Наверное, потому, что я там охотился и был счастлив когда-то.

Лию я совсем забыл: ведь столько лет прошло! Было бы очень трудно жить, если бы ничто не забывалось. Но, к счастью, многое забывается. Конечно, она так и не написала мне с севера. Где она, я не знаю, да и не хочу знать. Я о ней совсем не думаю. Жизнь у меня хороша. Правда, не стал я ни поэтом, ни певцом. Ну что ж, не всем быть поэтами! Спортивные соревнования, конференции, практика, экзамены — всё это очень занимает меня, ни одной минуты нет свободной. Кроме того, я научился танцевать, познако-

мился со многими красивыми и умными девушками, встречаюсь с ними, в некоторых влюбляюсь, и они влюбляются в меня.

Но иногда мне снится Лилия. Она приходит ко мне во сне, и я вновь слышу её голос, её нежный смех, трогаю её руки, говорю с ней — о чём, я не помню. Иногда она печальна и темна, иногда радостна, на щеках её дрожат ямочки, очень маленькие, совсем незаметные для чужого взгляда, и влажно сияют её тёмные глаза. И я тогда вновь оживаю, и тоже смеюсь, и чувствую себя юным и застенчивым, будто мне по-прежнему семнадцать лет, будто я счастлив и люблю впервые в жизни...

Я просыпаюсь утром и долго лежу, закрыв глаза, и совсем не занимаюсь гимнастикой. Потом я еду в институт на лекции, дежурю в профкоме или выступаю на комсомольском собрании. Но мне почему-то тяжело в этот день и хочется побыть одному.

Но это бывает редко. И потом это всё сны. Сны, сны... Непрошенные сны! Говорят, если спать на правом боку, то снов не будет. Теперь я буду спать на правом боку.

Ах, как не любило я снов!

СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СЕРОВ ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ (1865–1911) — русский живописец и график; автор портретов «Девочка с персиками», «Девушка, освещённая солнцем», «М.Н. Ермолова», «Ида Рубинштейн» и др.

ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ (ТРЕТЬЯКОВКА *разг.*) — один из ведущих научно-художественных и культурно-просветительских центров России, музей русского искусства. Основана в 1856 году П.М. Третьяковым как частное собрание, в 1892 году передана им в дар Москве.

Задание 5. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Кто главные герои повести и как они познакомились?
2. Как держался Алёша в первый вечер знакомства с Лилей?
3. Встретились ли они на следующий день?
4. Почему Алёше не спалось после прогулки?
5. Где и как он провёл лето?
6. Как встретились Алёша и Лилия после каникул, о чём они говорили?
7. Какие сомнения тревожили Алёшу, о чём он мечтал?
8. Как Алёша относился к Лиле?
9. Когда он заметил отчуждение Лили и в чём оно проявлялось?
10. Какие чувства переживал Алёша, поняв, что потерял свою первую любовь?
11. Что он узнал из письма Лили?
12. Почему Алёша так переживал расставание с ней?
13. Как он вспоминает студенческие годы?

14. Забыл ли Алёша свою первую любовь и почему он с тех пор не любит снов?

Задание 6. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом повести.

Идем в кино; оставить нас наедине; перескакиваем с предмета на предмет; не мешало бы встретиться завтра; уехали на север; стану певцом; попасть в экспедицию; закрываю глаза и слышу её грудной голос; люблю «Девочку с персиками» Серова; обнаруживается разница в характере; не могу без нее; не может быть со мной; забыл о Лиле; держит её под руку; захотелось повидать тебя; спать на правом боку; влюбляются в меня.

Задание 7. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 6.

Задание 8. Побеседуем.

1. Почему повесть называется «Голубое и зеленое»?
2. Можно ли забыть первую любовь? Знаете ли вы случаи, когда первая любовь не заканчивалась?

Текст 11. Шинель

(По одноименной повести Н. Гоголя)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

ибо устар. – потому что

титularный советник – в России до революции 9-ый служебный разряд

вицмундир – одежда гражданских чиновников

столонaчальник – начальник стола; *стол* – *зд.* отделение в учреждении

статский советник – в России до революции гражданский чин 5-го служебного класса

заглавный титул – название книги или первая страница, на которой написано название, *зд.* название документа

хлебать *прост.* – есть жидкое, черпать ложкой

жалованье – заработная плата

припекать – *зд.* сильно морозить

сукно – шерстяная плотная ткань

худой – *зд.* плохой

грош – старинная монета, ценностью в полкопейки

чаяние – надежда, ожидание

швейцарская – помещение для швейцара; *швейцар* – сторож при подъездах домов

вспрыснуть что? перен. – отпраздновать что-н., выпив вина, устроив угощение

неучтиво – неуважительно

стыд и срам – позор

квартировать – проживать где-н. в квартире

панталоны устар. – брюки

присутствие устар. – учреждение

капот устар. – домашняя одежда вроде халата

складчина – внесение денег участниками какого-л. дела, чтобы собрать нужную сумму

фамилярное обхождение – слишком непринуждённое, развязное обращение

милостивый государь устар. – вежливое обращение

ваше превосходительство (устар.) – обращение к высшим чинам

буйство – буйное поведение; *буйный* – непослушный, непокорный, шумный

обмирать/обмереть – стать неподвижным от сильного испуга, переживания

шлёпаться/шлёпнуться – упасть с шумом, всем телом

распечённый прич. от *глагол. распечь кого? за что?* – отругать

жаба – *зд.* болезнь горла, ангина

горячка устар. – болезненное состояние, сопровождающееся высокой температурой и ознобом

бред – бессвязная речь больного, находящегося в бессознательном состоянии

жар – высокая температура

сквернохульничать – ругаться плохими словами

сошедший в могилу – умерший

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

переписывать/переписать что?

документ

справку

бумаги

привыкать/привыкнуть к чему?

к новой жизни

к такому положению дел

к таким ограничениям

снимать/снять с кого? с чего? что?

с него шинель

с полки книги

с головы шляпу

грабить/ограбить кого?

человека
старушку
людей

переносить/перенести что?

горе
войну
насмешки

Задание 3.А. В тексте вы встретите несколько устойчивых словосочетаний. Познакомьтесь с их значениями.

поникнуть духом = расстроиться, огорчиться

пойти на лад = улучшиться, исправиться

в праздничном (весёлом, счастливом) расположении духа = в праздничном (счастливом, весёлом) настроении

жить на большую ногу = жить богато

хоть из рук вон = очень плохой

испустить дух = умереть

Задание 3.Б. Замените выделенные слова синонимическими устойчивыми выражениями.

1. Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и совершенно **расстроился**.
2. Сначала ему трудно было привыкать к таким ограничениям, но потом как-то попривыкло, **улучшилось**.
3. Акакий Акакиевич шел в самом праздничном **настроении**.
4. Помощник столоначальника **жил богато**.
5. Но как только случалось ему быть в обществе, где люди были хоть одним чином ниже его, там он был просто **очень плохим**.
6. Наконец бедный Акакий Акакиевич **умер**.

Задание 4. Прочитайте текст «Шинель». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

ШИНЕЛЬ

В одном департаменте служил один чиновник. Чиновник нельзя сказать чтобы очень замечательный: низенького роста, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшой лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щёк. Что касается до чина (**ибо** у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный **титularный советник**. Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака, но когда, в какое время и каким образом

произошла от башмака, ничего этого неизвестно. И отец, и дед, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только три раза в год подмётки.

Когда и в какое время он поступил в департамент, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его видели всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма; так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в **вицмундире** и с лысиной на голове. В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не вставали с мест, когда он проходил, даже не глядели на него, как будто бы через приёмную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощник **столоначальника** прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже: «Перепишите». И он брал. Он брал и тут же пристраивался писать её. Молодые чиновники подсмеивались над ним, рассказывали тут же перед ним разные составленные про него истории, про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьёт его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?». И что-то странное заключалось в словах и в голосе, которым они были произнесены. В нём слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, который, по примеру других, позволил себе посмеяться над ним, вдруг остановился как будто пронзённый, и с тех пор как будто всё переменялось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей. И долго потом, среди весёлых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукой бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своём, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости даже в том человеке, которого свет признаёт благородным и честным.

Вряд ли где можно найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, нет, он служил с любовью. Там в этом переписывании ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты. Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал бы в **статские советники**; но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу, да нажил геморрой в поясницу. Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания. Один директор, будучи добрым человеком и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписывание; дело состояло только в том, чтобы переменить **заглавный титул**, да переменить кое-где глаголы из первого лица в

третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тёр лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписывания для него, казалось, ничего не существовало. Приходя домой, он садился в тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком вовсе не замечая их вкуса, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесённые на дом. Если же таких не случилось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя.

Есть в Петербурге сильный враг всех получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз. Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало **припекать** в спину и плечо. Он подумал, наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев хорошенько её у себя дома, он открыл, что **сукно** истёрлось. Шинель Акакия Акакиевича служила тоже предметом насмешек чиновников; от неё отнимали даже благородное имя шинели и называли её капотом. Увидевши, в чём дело, Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, — портному. Петрович взял капот, разложил его сначала на столе, рассматривал долго и, наконец, сказал:

— Нет, нельзя поправить: **худой** гардероб!

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же в самом деле, на что, на какие деньги её сделать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уже распределены вперёд. Хотя, конечно, он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмётся сделать; однако всё же откуда взять эти восемьдесят рублей? Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по **грошу**. В продолжение нескольких лет оказалось накопившейся суммы более чем на сорок рублей. Итак, половина была в руках; но где же взять другую половину? Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя бы в продолжение одного года: изгнать употребление чая по вечерам, не зажигать по вечерам свечи; ходя по улицам, ступать как можно легче, почти на цыпочках, чтобы не истереть подметок; как можно реже отдавать прачке мыть бельё, а приходя домой, скидать его и оставаться в одном халате. Сначала ему было трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то попривыклось и пошло на лад; даже он совершенно привык голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С тех пор как будто самое существование его сделалось полнее, как будто он женился, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель. Он сделался даже твёрже характером. С лица и поступков его исчезло сомнение, нерешительность. Против всякого **чаяния** директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Это было... трудно сказать в какой именно день, но,

вероятно, в день самый торжественный в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принёс, наконец, шинель. Он принёс её перед самым тем временем, как нужно было идти в департамент. Он расплатился с ним, поблагодарил и вышел тут же в новой шинели в департамент. Акакий Акакиевич шёл в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякий миг, что на плечах его новая шинель. Дороги он не заметил вовсе и очутился вдруг в департаменте. Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель. Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель. Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все стали говорить, что нужно **вспрыснуть** новую шинель, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть. Наконец, один из чиновников, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя сказал: «Так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник». Чиновники тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотою предложение. Акакий Акакиевич начал было отговариваться, но все стали говорить, что **неучтиво**, что просто **стыд и срам**, и он уж никак не мог отказаться. Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа. Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, пока не потемнело. Потом оделся и вышел на улицу.

Наконец достигнул он дома, в котором **квартировал** помощник столоначальника. Помощник столоначальника жил на большую ногу, Акакий Акакиевич, повесивши шинель свою, вошёл в комнату. Он остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сделать. Но его уже заметили, приняли с криком и пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель. Потом все бросили и его и шинель, и обратились к столам, назначенным для виста. Всё это: шум, говор, и толпа людей, всё это было как-то чудно Акакию Акакиевичу. Он просто не знал, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою. Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить. Акакия Акакиевича заставили выпить подряд два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однако ж никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель и спустился по лестнице на улицу.

Акакий Акакиевич шёл в весёлом расположении духа, даже побежал вдруг, неизвестно почему, за какою-то дамой, которая, как молния, прошла мимо. Но он тут же остановился и скоро потянулись перед ним пустынные улицы.

Весёлость Акакия Акакиевича как-то здесь значительно уменьшилась. Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. «Нет, лучше и не глядеть», — подумал и шёл, закрыв глаза, и когда открыл их, увидел, что перед ним стоят какие-то люди с усами. «А ведь шинель-то моя!» — сказал один из них, схва-

тивши его за воротник. Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель и ничего уж больше не чувствовал. Через несколько минут он опомнился, но уж никого не было. Он чувствовал, что холодно, и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Не уставая кричать, пустился он бежать через площадь прямо к будке, возле которой стоял будочник. Акакий Акакиевич, прибежав к нему, начал кричать, что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека. Будочник отвечал, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели. Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы растрепались; бок и грудь и все **панталоны** были в снегу. Старуха, хозяйка квартиры его, сказала, что нужно идти прямо к частному.

Поутру рано отправился он к частному. Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не был ли он в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели, или нет. Весь этот день он не был в **присутствии** (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом **капоте** своём, который сделался ещё плачевнее. Повествование о грабеже шинели многих тронуло. Решились тут же сделать для него **складчину**, но собрали самую безделицу. Один кто-то, движимый состраданием, решился по крайней мере помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтобы он обратился к одному значительному лицу.

Нечего делать, Акакий Акакиевич решился идти к значительному лицу. Какая именно и в чём состояла должность значительного лица, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что одно значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими ещё значительнейшими. Впрочем он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завёл, чтобы низшие чиновники встречали его на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел. Главным основанием его системы была строгость. «Строгость, строгость — и строгость», говаривал он обыкновенно, и при последнем слове смотрел очень значительно в лицо тому, кому говорил. Обыкновенный разговор его с низшими состоял почти из трех фраз: «Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?» Впрочем, он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив; но генеральский чин совершенно сбил его с толку. Получивши генеральский чин, он сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть. Если ему случилось быть с равным себе, он был ещё человек, как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случилось ему быть в обществе, где люди были хоть одним чином ниже его, там он был просто хоть из рук вон. К такому-то значительному лицу явился наш Акакий Акакиевич и явился во время самое неблагоприятное, весьма не-

кстати для себя, хотя впрочем кстати для значительного лица. Значительное лицо находился в своём кабинете и разговорился очень-очень весело с одним старинным знакомым и товарищем детства. В это время доложили ему, что пришёл какой-то Башмачкин. «А! может подождать, теперь не время», — сказал значительный человек.

Наконец наговорившись, он, наконец, как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю: «Да, ведь там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти». Увидев смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенький вицмундир, он обратился к нему и вдруг сказал: «Что вам угодно!» — голосом отрывистым и твёрдым, которому нарочно учился заранее у себя в кабинете перед зеркалом, ещё за неделю до получения генеральского чина. Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился и, как мог, изъяснил, что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он отыскал шинель. Генералу, неизвестно почему, показалось такое **обхождение фамильярным**. «Что вы, милостивый государь, — продолжал он отрывисто, — не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела? Об этом вы бы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы её уже мне...»

«Но, **ваше превосходительство**», — сказал Акакий Акакиевич: «Я, ваше превосходительство, осмелился утрудить вас потому, что секретари того... ненадёжный народ...»

«Что, что, что? — сказал значительное лицо: откуда вы набрались такого духу? Откуда вы мыслей таких набрались? что за **буйство** такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!» Значительное лицо, кажется, не заметил, что Акакию Акакиевичу уже за пятьдесят лет. «Знаете ли вы, кому вы это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это? я вас спрашиваю?» — Тут он топнул ногою, возвыся голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно. Акакий Акакиевич так и **обмер**, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддерживать его, он бы **шлёпнулся** на пол; его вынесли почти без движения. А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошёл даже ожидание и совершенно упоённый мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека.

Как сошёл с лестницы, как вышел на улицу, ничего уж этого не помнил Акакий Акакиевич. В жизнь свою он не был ещё так сильно **распечён** генералом, да ещё чужим. Он шёл по выюге разинув рот, ветер дул на него со всех четырёх сторон. Вмиг надуло ему в горло **жабу**, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слёг в постель. Так сильно иногда бывает надлежащее распеканье. На другой день обнаружилась у него сильная **горячка**.

Он находился все время в **бреду** и в **жару**. Чудилось ему, что он стоит перед генералом, выслушивая надлежащее распеканье, и приговаривает: «Ви-

новат, ваше превосходительство», то, наконец, даже **сквернохульничал**, произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, от роду не слыхав от него ничего подобного, тем более, что слова эти следовали непосредственно за словом «ваше превосходительство». Далес он говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять.

Наконец, бедный Акакий Акакиевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не печатаывали, потому что, во-первых, не было наследников, а вторых, оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, три пары носков, две-три пуговицы, и уже известный читателю капот. Кому все это досталось, бог знает. Акакия Акакиевича свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нём его никогда и не было. Исчезло и скрылось существо никем не защищённое, никому не дорогое, ни для кого не интересное; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела **сошедшее в могилу**, но для которого, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь.

Задание 5. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Кто является главным героем повести?
2. Где и кем он служит?
3. Как он относится к своей работе?
4. Чем он занимается после работы?
5. Как к нему относились сослуживцы?
6. Какая цель появилась в жизни Башмачкина?
7. Какой день был самым счастливым в его жизни?
8. Что произошло ночью, когда Башмачкин возвращался домой?
9. Как отнеслись к жалобе главного героя различные должностные лица, к которым он обращался за помощью?
10. Чем закончилась встреча Башмачкина со «значительным лицом»?

Задание 6. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом повести.

Сняли с него шинель, откладывая по грошу, сделался значительным лицом, переписывал бумаги, шлёпнулся на пол, много раз содрогался, обнаружилась сильная горячка, подсмеивались над ним, испустил дух, вспрыснуть новую шинель.

Задание 7. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 6.

Задание 8. Побеседуем.

1. В повести «Шинель» в образе Башмачкина Н.В. Гоголь раскрывает тему «маленького человека». Как вы думаете, кто такие «маленькие люди»?

2. Как, на ваш взгляд, автор относится к своему герою? Какова главная мысль повести «Шинель»?

Текст 12. Солнце, старик и девушка
(По одноименному рассказу В. Шукшина)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

древний – очень старый

стремительный – очень быстрый и резкий в движении, в развитии

коряга – суковатое затонувшее или лежащее на земле дерево или часть его

морщинистый – с глубокими или многими морщинами

хворый *прост.* = больной

всматриваться/всмотреться *во что? на кого? на что?* = смотреть/посмотреть внимательно

здешний – тот, кто живёт здесь; местный житель

усмехаться/усмехнуться – слегка засмеяться (обычно насмешливо, недоверчиво)

горница *устар.* – комната; чистая половина крестьянского дома

плотничать – работать плотником

плотник – рабочий, занимающийся простой обработкой лесных материалов, постройкой деревянных домов

шибко *прост.* = очень

пристально = внимательно

домовина = гроб

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

рисовать/нарисовать *кого? что?* = **писать/написать** *кого? что?*

старика

море

догадываться/догадаться *о чём?*

об обмане

о результате

сердиться/рассердиться *на кого? на что? за что?*

на сына за плохое поведение

на друга за опоздание

на дождь

гладить/погладить *кого? что? по чему? чем?*

ребёнка по голове

его руку своей ладонью

Задание 3.А. В тексте вы встретите несколько конструкций, характерных для разговорной речи.

Не бог весть как = не очень

Справно = хорошо

Нельзя пожаловаться = грех жаловаться

Побило = убило

По городам = живут в городах

Ломает (кого) = болит тело (у кого)

Задание 3.Б. Замените выделенные слова и словосочетания

Девушка знала, что она **не бог весть как даровита**.

Жили мы всегда **справно, грех жаловаться**.

Побило их на войне много – четырёх.

По городам все теперь.

Ломает меня всего.

Задание 4. Прочитайте текст «Солнце, старик и девушка». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

СОЛНЦЕ, СТАРИК И ДЕВУШКА

Дни горели белым огнём. Земля была горячая, деревья тоже были горячие. Сухая трава шуршала под ногами.

Только вечерами наступала прохлада.

И тогда на берег **стремительной** реки Катунь выходил **древний старик**, садился всегда на одно место — у **коряги** — и смотрел на солнце.

Солнце садилось за горы. Вечером оно было огромное, красное.

Старик сидел неподвижно. Руки лежали на коленях — **коричневые, сухие**, в ужасных морщинах. Лицо тоже **морщинистое**, глаза влажные, тусклые. Шея тонкая, голова маленькая, седая. Под синей ситцевой рубахой торчат острые лопатки.

Однажды старик, когда он сидел так, услышал сзади себя голос:

— Здравствуйте, дедушка!

Старик кивнул головой.

С ним рядом села девушка с плоским чемоданчиком в руках.

— Отдыхаете?

Старик опять кивнул головой. Сказал:

— Отдыхаю.

На девушку не посмотрел.

— Можно, я вас буду писать? — спросила девушка.

— Как это? — не понял старик.

— Рисовать вас.

Старик некоторое время молчал, смотрел на солнце, моргал красными веками без ресниц.

— Я ж некрасивый теперь, — сказал он.

— Почему? — Девушка несколько растерялась. — Нет, вы красивый, дедушка.

— Вдобавок, **хворый**.

Девушка долго смотрела на старика. Потом погладила мягкой ладошкой его сухую коричневую руку и сказала:

— Вы очень красивый, дедушка. Правда.

Старик слабо **усмехнулся**.

— Рисуй, раз такое дело.

Девушка раскрыла свой чемодан.

Старик покашлял в ладонь.

— Городская, наверно? — спросил он.

— Городская.

— Платят, видно, за это?

— Когда как вообще-то. Хорошо сделаю, заплатят.

— Надо стараться.

— Я стараюсь.

Замолчали.

Старик всё смотрел на солнце.

Девушка рисовала, **всматриваясь** в лицо старика сбоку.

— Вы **здешний**, дедушка?

— **Здешний**.

— И родились здесь?

— Здесь, здесь.

— Вам сколько сейчас?

— Годков-то? Восемьдесят.

— Ого!

— Много, — согласился старик и опять слабо **усмехнулся**. — А тебе?

— Двадцать пять.

Опять помолчали.

— Солнце-то какое! — негромко воскликнул старик.

— Какое? — не поняла девушка.

— Большое.

— А-а... Да. Вообще красиво здесь.

— А вода вон, видишь, какая... У того берега-то...

— Да, да.

— Будто крови подбавили.

— Да. — Девушка посмотрела на тот берег. — Да.

Солнце коснулось вершин Алтая и стало медленно погружаться в далёкий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчётливее рисовались горы. Они как будто придвинулись. А в долине — между рекой и горами — тихо угасал красноватый сумрак. И надвигалась от гор задумчивая мягкая тень.

Потом солнце совсем скрылось за острым хребтом Бубурхана, и тотчас оттуда вылетели ярко-рыжие лучи. Они удержались недолго — тоже тихо угасли. А в небе в той стороне начала полыхать заря.

— Ушло солнышко, — вздохнул старик.

Девушка сложила листы в ящик.

Некоторое время сидели просто так — слушали, как плещут у берега маленькие торопливые волны.

В долине большими ключьями пополз туман.

В лесочке, неподалёку, робко вскрикнула какая-то ночная птица. Ей громко откликнулись с берега, с той стороны.

— Хорошо, — сказал негромко старик.

А девушка думала о том, как она вернётся скоро в далёкий милый город, привезёт много рисунков. Будет портрет и этого старика. А её друг, талантливый, настоящий художник, непременно будет сердиться: «Опять морщины!.. А для чего? Всем известно, что в Сибири суровый климат и люди там много работают. А что дальше? Что?..»

Девушка знала, что она не бог весть как даровита. Но ведь думает она о том, какую трудную жизнь прожил этот старик. Вон у него какие руки... Опять морщины! «Надо работать, работать, работать...»

— Вы завтра придёте сюда, дедушка? — спросила она старика.

— Приду, — откликнулся тот.

Девушка поднялась и пошла в деревню.

Старик посидел ещё немножко и тоже пошёл.

Он пришёл домой, сел в своём уголке, возле печки и тихо сидел — ждал, когда придёт с работы сын и сядут ужинать.

Сын приходил всегда усталый, всем недовольный. Невестка тоже всегда была чем-то недовольна. Внуки выросли и уехали в город. Без них в доме было тоскливо.

Садись ужинать.

Старику крошили в молоко хлеб, он хлебал, сидя с краешку стола. Осторожно звякал ложкой о тарелку — старался не шуметь. Молчали.

Потом укладывались спать.

Старик лез на печку, а сын с невесткой уходили в **горницу**. Молчали. А о чём говорить? Все слова давно сказаны.

На другой вечер старик и девушка опять сидели на берегу, у коряги. Девушка торопливо рисовала, а старик смотрел на солнце и рассказывал:

— Жили мы всегда справно, грех жаловаться. Я **плотничал**, работы всегда хватало. И сыны у меня все **плотники**. Побило их на войне много — четырёх. Два осталось. Ну вот с одним-то я теперь и живу, со Степаном. А Ванька в городе живёт, в Бийске. Прорабом на новостройке. Пишет: ничего, справно живут. Приезжали сюда, гостили. Внуков у меня много. Любят меня. По городам все теперь...

Девушка рисовала руки старика, торопилась, нервничала, часто стирала.

— Трудно было жить? — невпопад спрашивала она.

— Чего же трудно? — удивлялся старик. — Я ж тебе рассказываю: хорошо жили.

— Сыновей жалко?

— А как же? — опять удивился старик. — Четырёх таких положить — шутка ли?

Девушка не понимала: то ли ей жаль старика, то ли она больше удивлена его странным спокойствием и умиротворённостью.

А солнце опять садилось за горы. Опять тихо горела заря.

— Ненастье завтра будет, — сказал старик.

Девушка посмотрела на ясное небо.

— Почему?

— Ломает меня всего.

— А небо совсем чистое.

Старик промолчал.

— Вы придёте завтра, дедушка?

— Не знаю, — не сразу откликнулся старик. — Ломает чего-то всего.

— Дедушка, как у вас называется вот такой камень? — Девушка вынула из кармана жакета белый, с золотистым отливом камешек.

— Какой? — спросил старик, продолжая смотреть на горы.

Девушка протянула ему камень. Старик, не поворачиваясь, подставил ладонь.

— Такой? — спросил он, мельком глянув на камешек, и повертел его в сухих пальцах. — Кремешок это. Это в войну, когда серянок не было, огонь из него добывали.

Девушку поразила странная догадка: ей показалось, что старик слепой. Она не нашлась сразу, о чём говорить, молчала, смотрела сбоку на старика. А он смотрел туда, где село солнце. Спокойно, задумчиво смотрел.

— На... камешек-то, — сказал он и протянул девушке. — Они ещё не такие бывают. Бывают: весь белый, аж просвечивает, а внутри какие-то пятнышки. А бывают: яичко и яичко — не отличишь. Бывают: на сорочье яичко похож — с крапинками по бокам, а бывают, как у скворцов — синенькие, тоже с рябинкой с такой.

Девушка всё смотрела на старика. Не решалась спросить: правда ли, что он слепой.

— Вы где живёте, дедушка?

— А тут не **шибко** далеко. Это Ивана Колокольникова дом, — старик показал дом на берегу, — дальше — Бедаревы, потом Волокитины, потом Зиновьевы, а там уж, в переулочке, — наш. Заходи, если чего надо. Внуки-то были, так у нас **шибко** весело было.

— Спасибо.

— Я пошёл. Ломает меня.

Старик поднялся и пошёл тропинкой в гору.

Девушка смотрела вслед ему до тех пор, пока он не свернул в переулок. Ни разу старик не споткнулся, ни разу не замешкался. Шёл медленно и смотрел под ноги.

«Нет, не слепой, — поняла девушка. — Просто слабое зрение».

На другой день старик не пришёл на берег. Девушка сидела одна, думала о старике. Что-то было в его жизни, такой простой, такой обычной, что-то непростое, что-то большое, значительное. «Солнце — оно тоже просто встаёт и просто заходит, — думала девушка. — А разве это просто!» И она пристально посмотрела на свои рисунки. Ей было грустно.

Не пришёл старик и на третий день и на четвёртый.

Девушка пошла искать его дом.

Нашла.

В ограде большого деревянного дома под железной крышей, в углу, под навесом, рослый мужик лет пятидесяти обстругивал на верстаке сосновую доску.

— Здравствуйте, — сказала девушка.

Мужик выпрямился, посмотрел на девушку, провёл большим пальцем по вспотевшему лбу, кивнул.

— Здорово.

— Скажите, пожалуйста, здесь живёт дедушка...

Мужик внимательно и как-то странно посмотрел на девушку. Та замолчала.

— Жил, — сказал мужик. — Вот домовину ему делаю.

Девушка приоткрыла рот.

— Он умер, да?

— Помер, — мужик опять склонился к доске, потом посмотрел на девушку. — А тебе чего надо было?

— Так... я рисовала его.

— А-а... — Мужик резко зашаркал рубанком.

— Скажите, он слепой был? — спросила девушка после долгого молчания.

— Слепой.

— И давно?

— Лет десять уж. А что?

— Так...

Девушка пошла из ограды.

На улице прислонилась к плетню и заплакала. Ей было жалко дедушку. И жалко было, что она никак не сумела рассказать о нём. Но она чувствовала сейчас какой-то более глубокий смысл и тайну человеческой жизни и подвига и, сама об этом не догадываясь, становилась намного взрослей.

Задание 5. Ответьте на вопросы к тексту.

1. В какое время года и где происходит описываемое событие?
2. Как произошло знакомство старика с девушкой-художницей?
3. Почему девушке захотелось нарисовать портрет старика?
4. Что узнала девушка о старике?
5. Когда девушка стала догадываться, что старик слепой?

6. Что думала девушка о жизни старика?
7. Почему девушка не смогла закончить портрет старика?

Задание 6. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом рассказа.

Смотрел на солнце; рисовала, всматриваясь в лицо старика сбоку; выросли и уехали в город; поразила странная догадка; сиделся всегда на одно место; пошла искать дом; приходил усталый, всем недовольный; обстругивал сосновую доску; чувствовала смысл и тайну человеческой жизни; не пришёл на берег.

Задание 7. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 6.

Задание 8. Побеседуем.

1. Почему, на ваш взгляд, рассказ называется «Солнце, старик и девушка»?
2. Как вы думаете, в чём смысл искусства: создавать идеальных героев или находить доброе, человеческое, прекрасное в простом человеке?

Текст 13. Барышня-крестьянка
(По одноименной повести А. Пушкина)

Задание 1. Познакомьтесь со словами и словосочетаниями, которые вы встретите в тексте. Понятны ли вам их значения? Обратитесь в случае необходимости к словарю.

барышня – *устар.* девушка из барской семьи; *прост.* молодая незамужняя девушка

губерния – основная административная территориальная единица в России с XVIII века до 1923–1929 гг.

имение – земельное владение с помещичьим хозяйством, поместье

суконный (*прил.* от *сукно*) – плотная ткань; обычно сукном накрывали столы чиновников, столы для игры в карты

почитать кого? кем? *устар.* = считать *кого? кем?*

околоток *устар.* = соседняя местность; окрестность; место вокруг, около

ладить с кем? = жить в согласии, не ссориться

промотать что? – бесцельно, бесполезно потратить деньги, состояние

мадам *фр.* – *зд.* женщина, нанятая для воспитания и обучения ребёнка

англоманья – увлечение всем английским

покамест *устар.* = пока

право *устар.*, *вводн. слово* = правда – *устар.* действительно, в самом деле

стан *устар.* = туловище

рисоваться перед кем? – стараться показать себя с лучшей, более выгодной стороны

заглядываться на кого? на что? = засматриваться **на кого? на что?**– увлечься рассмотриванием кого-либо, чего-либо

мёртвая голова – изображение черепа со скрещенными костями под ним
проказа = шалость

белиться устар. – пользоваться белилами: косметическим средством для лица, пудрой

сурьмить (брови) устар. – красить брови сурьмой, чёрной краской

ходить за кем? устар. = ухаживать **за кем?** прислуживать **кому?**

извольте-с устар. = пожалуйста; -с в конце слова = **сударь** или **сударыня**:
обычное обращение слуг к хозяевам

горелки устар. – русская народная игра, в которой один из участников ловит других, убегающих от него поочерёдно парами

воля твоя устар. = как хочешь

верста устар. – русская единица длины, равная 1,06 км

ручаться устар. = обещать, клясться

прозевать кого? что? перен. = пропустить, не заметить

небось разг. = наверное, возможно

ради Христа устар. = пожалуйста

коли устар. = если

побожиться устар., разг. = поклясться, пообещать

наречие = зд. язык

пылкий = страстный, эмоциональный

малый разг. = мужчина, человек

неразрывные узы книжн. = брак, женитьба

закусить губы перен., разг. = сразу замолчать

щеголиха – ж.р. от **щёголь**: любящий наряжаться, нарядно одетый человек

сокрушаться = очень печалиться, тосковать

гусар – военный в царской армии (XVIII–XIX вв.)

предлагать свою руку кому? – предлагать выйти замуж **кому?**

слажено что? прост. от **глагол. сладить** что? – хорошо устроить, упорядочить

Задание 2. Обратите внимание на сочетаемость данных глаголов. Составьте с ними предложения, измените, если необходимо, форму глагола.

критиковать кого? что?

соседа

нововведения

быть в споре с кем?

с соседом

с сестрой

открывать/открыть тайны кому?

другу

родителям
раскаиваться/раскаяться в чём?
в проступке
в ошибках
держаться/сдержаться что?
слово
клятву
обещания
объясняться/объясниться с кем?
с Лизой
с отцом

Задание 3.А. В тексте вы встретите несколько устойчивых словосочетаний. Познакомьтесь с их значениями.

сходить с ума (*по кому? по чему?*) = быть сильно увлечённым (*кем?*), влюблённым (*в кого?*)
открывать тайны (*кому?*) = рассказывать (*кому?*) о своих тайнах
гоняться за девушками = слишком увлекаться девушками, добиваться их внимания
прозевать (*кого? что?*) = пропустить, не заметить (*кого? что?*)
сдержаться слово = выполнить обещание
перейти в руки (*кому?*) = стать собственностью (*кого?*)
предлагать (*кому?*) свою руку = предлагать (*кому?*) выйти замуж

Задание 3.Б. Замените выделенные слова синонимическими устойчивыми выражениями.

1. Барышни были **сильно влюблены** в Алексея.
2. Лиза очень любила Настю, **рассказывала** ей о всех своих тайнах.
3. Одно нехорошо: **девушками** слишком увлекается.
4. Наденьте толстую рубашку, сарафан, да и идите смело в Тугилово; Берестов уж вас заметит.
5. Но мысль **не выполнить** своего обещания не пришла даже ему в голову.
6. Муромский нередко думал о том, что после смерти Ивана Петровича **всё** его имение **станет собственностью** Алексея Ивановича.
7. Он написал Акулине письмо самым чётким почерком, где предлагал ей **выйти замуж**.

Задание 4. Прочитайте текст «Барышня-крестьянка». Будьте готовы отвечать на вопросы по содержанию текста.

БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА

Во всех ты, Душенька, нарядах хороша
Богданович

В одной из отдалённых наших губерний находилось имение Ивана Петровича Берестова. Он был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах. Хозяйственные упражнения скоро его утешили. Он выстроил дом по собственному плану, завёл у себя **суконную** фабрику, утроил доходы и стал **почитать** себя умнейшим человеком во всем **околотке**, в чем и не прекословили ему соседи, приезжавшие к нему гостить со своими семействами и собаками. Вообще его любили, хотя и почитали гордым. **Не** ладил с ним один Григорий Иванович Муромский, ближайший его сосед. Этот был настоящий русский барин. **Промотав** в Москве большую часть имения своего и на ту пору овдовев, уехал он в последнюю свою деревню. Развел он английский сад, на который тратил почти все остальные доходы. У дочери его была **мадам** англичанка. Поля свои обрабатывал он по английской методе,

Но на чужой манер хлеб русский не родится,

и несмотря на значительное уменьшение расходов, доходы Григория Ивановича не прибавлялись; он и в деревне находил способ входить в новые долги; со всем тем почитался человеком неглупым. Из людей, осуждавших его, Берестов отзывался о нём строже всех. Ненависть к нововведениям была отличительная черта его характера. Он не мог равнодушно говорить об **англоманнии** своего соседа, и поминутно находил случай его критиковать. Это, по усердию соседей, доводимо было до сведения Григория Ивановича с дополнением и объяснениями. Англоман выносил критику нетерпеливо. Он бесил и прозвал своего врага медведем и провинциалом.

Таковы были отношения между этими двумя владельцами, как сын Берестова приехал к нему в деревню. Он был воспитан в *** университете и намеревался вступить в военную службу, но отец на то не соглашался. Они друг другу не уступали, и молодой Алексей стал жить **покамест** баринном.

Алексей был в самом деле молодец. **Право**, было бы жаль, если бы его стройного **стана** никогда не стягивал военный мундир, и если бы он, вместо того, чтоб **рисоваться** на коне, провёл свою молодость, согнувшись над канцелярскими бумагами. Барышни поглядывали на него, а иные и **заглядывались**; но Алексей мало ими занимался, а они причиной его нечувствительности полагали любовную связь.

Легко вообразить, какое впечатление Алексей должен был произвести в кругу наших барышень. Он явился перед ними мрачным и разочарованным, говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; более того носил он чёрное кольцо с изображением **мёртвой** головы. Всё это было чрезвычайно ново в той губернии. Барышни сходили по нему с ума.

Но всех более интересовалась им дочь англомана моего, Лиза. Отцы друг к другу не ездили, она Алексея еще не видала, между тем как все молодые соседки только о нём и говорили. Ей было семнадцать лет. Чёрные глаза оживляли её смуглое и очень приятное лицо. Она была единственное и, следовательно, балованное дитя. Её резвость и поминутные проказы восхищали отца и приводили в отчаяние её мадам мисс Жаксон, сорокалетнюю чопорную девицу, которая белилась и сурьмила себе брови и умирала со скуки в этой варварской России.

За Лизою ходила Настя; она была постарше, но столь же ветрена, как и её барышня. Лиза очень любила её, открывала ей все свои тайны, вместе с ней обдумывала свои затеи.

Однажды Настя попросила у Лизы разрешения сходить в гости в деревню Берестовых. Лиза отпустила её с условием, что Настя подробно расскажет ей, что за человек Алексей Берестов.

Настя обещалась, а Лиза с нетерпением ожидала целый день её возвращения. Вечером Настя явилась. «Ну, Лизавета Григорьевна, — сказала она, входя в комнату, — видела молодого Берестова; нагляделась довольно; целый день были вместе».

— Как это? Расскажи, расскажи по порядку.

— **Извольте-с.** Вот вышли мы из-за стола и пошли в сад играть в горелки, а молодой барин тут и явился.

— Ну что ж? правда ли, что он так хорош собой?

— Удивительно хорош, красавец, можно сказать. Стройный, высокий, румянец во всю щёку...

— **Право?** А я так думала, что у него лицо бледное. Что же? Каков он тебе показался? Печален, задумчив?

— Что вы! Да такого бешеного я и сроду не видывала. Вздумал он с нами в горелки бегать.

— С вами в горелки бегать! Невозможно!

— Очень возможно! Да что ещё выдумал! Поймает, и ну целовать!

— **Воля твоя,** Настя, ты врешь.

— Воля ваша, не вру. Я насилу от него отделалась. Целый день с нами так и провозился.

— Да как же, говорят, он влюблён и ни на кого не смотрит?

— Не знаю-с, а на меня так уж слишком смотрел, да и на Таню тоже; да и на Пашу — никого не обидел, такой баловник!

— Это удивительно! А что в доме про него слышно?

— Барин, говорят, прекрасный: такой добрый, такой весёлый. Одно нехорошо: за девушками слишком любит гоняться. Да, по мне, это ещё не беда: со временем остепенится.

— Как бы мне хотелось его видеть! — сказала Лиза со вздохом.

— Да что же тут мудрёного? Тугилово от нас недалеко, всего три версты: подите гулять в ту сторону или поезжайте верхом; вы точно встретите его. Он же всякий день, рано поутру, ходит с ружьём на охоту.

— Да нет, нехорошо. Он может подумать, что я за ним гоняюсь. К тому же отцы наши в ссоре, так и мне всё же нельзя будет с ним познакомиться... Ах, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!

— И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и идите смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает.

— А по-здешнему я говорить умею прекрасно. Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка! — И Лиза легла спать с намерением непременно исполнить весёлое свое предположение.

Лиза одевается крестьянкой и рано утром отправляется в лес, где каждый день охотится Берестов. Она встречает Алексея. Они начинают разговаривать.

Лиза час от часу более нравилась Алексею. Привыкнув не церемониться с хорошенькими крестьянками, он хотел обнять её; но Лиза отпрыгнула от него и приняла вдруг на себя такой строгий и холодный вид, что хотя это и рассмешило Алексея, но удержало его от дальнейших покушений. «Если вы хотите, чтобы мы и дальше были приятелями, — сказала она с важностью, — то не извольте забываться». — «Кто тебя научил этой премудрости? — спросил Алексей, расхохотавшись. — Уж не Настенька ли, моя знакомая, не девушка ли барышни вашей? Вот какими путями распространяется просвещение!» Лиза почувствовала, что вышла из своей роли, и тотчас поправилась. «А что думаешь? — сказала она, — разве я и на барском дворе никогда не бываю? небось: всего наслышалась и нагладелась. Однако, — продолжала она, — болтая с тобою, грибов не наберёшь. Иди-ка ты, барин, в сторону, а я в другую. Прощения просим...» Лиза хотела удалиться, Алексей удержал её за руку. «Как тебя зовут, душа моя?» — «Акулиной, — отвечала Лиза, стараясь освободить свои пальцы от руки Алексеевой; — да пусти ж, барин; мне и домой пора». — «Ну, мой друг Акулина, непременно буду в гости к твоему батюшке, к Василию-кузнецу». — «Что ты? — возразила с живостью Лиза, — ради Христа, не приходи. Коли дома узнают, что я с барином в роще болтала наедине, то мне беда будет; отец мой, Василий-кузнец, прибёт меня до смерти». — «Да я непременно хочу с тобою опять видеться». — «Ну, я когда-нибудь опять сюда приду за грибами». — «Когда же?» — «Да хоть завтра». — «Милая Акулина, расцеловал бы тебя, да не смею. Так завтра, в это время, не правда ли?» — «Да, да». — «И ты не обманешь меня?» — «Не обману». — «Побожись». — «Клянусь, приду».

Молодые люди расстались. Лиза вышла из лесу, перебралась через поле, прокралась в сад и опрометью побежала в ферму, где Настя ожидала её. Там она переоделась и явилась в гостиную. Стол был накрыт, завтрак готов. Отец похвалил её за раннюю прогулку. «Нет ничего здоровее, — сказал он, — как просыпаться на заре». Тут он привёл несколько примеров челове-

ского долголетия, почерпнутых из английских журналов, замечая, что все люди, жившие более ста лет, не употребляли водки и вставали на заре зимой и летом. Лиза его не слушала. Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и совесть начинала её мучить. Обещание, данное ею на завтрашний день, всего более беспокоило её: она совсем было решила не сдерживать своей торжественной клятвы. Но Алексей, прождав её напрасно, мог идти отыскивать в селе дочь Василия-кузнеца, настоящую Акулину, толстую, рябую девку, и таким образом догадаться о её легкомысленной проказе. Мысль эта ужаснула Лизу, и она решила на другое утро опять явиться в рощу Акулиной.

Со своей стороны Алексей был в восхищении, целый день думал он о новой своей знакомой. Заря едва начиналась, как он уже был одет. Он вышел в поле с верным своим псом и побежал к месту обещанного свидания. Наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан и бросился навстречу милой Акулине. Она улыбнулась восторгу его благодарности; но Алексей тотчас же заметил на её лице следы уныния и беспокойства. Он хотел узнать тому причину. Лиза призналась, что поступок её казался ей легкомысленным, что она в нём раскаивалась, что на этот раз не хотела она не сдерживать данного слова, но что это свидание будет уже последним и что она просит его прекратить знакомство, которое ни к чему доброму не может их привести. Всё это, разумеется, было сказано на крестьянском наречии; но мысли и чувства, необыкновенные в простой девушке, поразили Алексея. Он употребил всё свое красноречие, чтобы отговорить Акулину от её намерения. Он говорил языком истинной страсти и в эту минуту был точно влюблён. Лиза слушала его молча. «Дай мне слово, — сказала она наконец, — что ты никогда не будешь искать меня в деревне или расспрашивать обо мне. Дай мне слово не искать других со мной свиданий, кроме тех, которые я сама назначу». Алексей поклялся ей, но она с улыбкой остановила его. «Мне не нужно клятвы, — сказала Лиза, — довольно одного твоего обещания». После того они дружески разговаривали, гуляя вместе по лесу, до тех пор, пока Лиза не сказала ему: пора. Они расстались, и Алексей, оставшись один, не мог понять, каким образом простая деревенская девочка в два свидания успела взять над ним истинную власть. Его отношения с Акулиной имели для него прелесть новизны, и хотя предписания странной крестьянки казались ему тягостными, но мысль не сдерживать своего слова не пришла даже ему в голову. Дело в том, что Алексей был добрый и пылкий малый и имел сердце чистое.

Не прошло еще и двух месяцев, а Алексей был уже влюблён без памяти, и Лиза была не равнодушнее, хотя и молчаливее его. Оба они были счастливы настоящим и мало думали о будущем.

Мысль о неразрывных узах довольно часто мелькала в их уме, но никогда они о том друг с другом не говорили. Причина ясная: Алексей, как ни привязан был к милой своей Акулине, помнил расстояние, существующее между ним и бедной крестьянкою; а Лиза знала, какая ненависть существовала между их отцами, и не смела надеяться на взаимное примирение. К тому

же самолюбие её было втайне подстрекаемо романическою надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца. Вдруг важное происшествие чуть было не переменяло их взаимных отношений.

Неожиданно произошло так, что отцы Лизы и Алексея помирились. Муромский пригласил к себе на обед старшего Берестова с сыном. Лиза пришла в ужас от этой новости. Как она могла показаться на глаза Алексею, который считал её крестьянкой Акулиной? Но Лиза нашла выход из трудного положения: она решила измениться так, чтобы Алексей её не узнал. Берестовы приехали в гости к Муромским.

Дверь отворилась, и вошла Лиза. Все встали; отец начал представление гостей, но вдруг остановился и поспешно закусил себе губы... Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурьмлена сильнее самой мисс Жаксон; и все бриллианты её матери сияли на её пальцах, шее и ушах. Алексей не мог узнать свою Акулину в этой смешной и блестящей барышне. Отец его подошёл к её ручке, и он с досадою ему последовал; когда прикоснулся он к её беленьким пальчикам, ему показалось, что они дрожали.

Читатель догадается, что на другой день утром Лиза не замедлила явиться в роще свиданий. «Ты был, барин, вчера у наших господ? — сказала она тотчас Алексею, — какова показалась тебе барышня?» Алексей отвечал, что он её не заметил. «Жаль», — возразила Лиза. «А почему же?» — спросил Алексей. «А потому, что я хотела бы спросить у тебя, правда ли, говорят...» — «Что же говорят?» — «Правда ли, говорят, будто бы я на барышню похожа?» — «Какой вздор! Она перед тобой урод уродом». — «Ах, барин, грех тебе это говорить; барышня наша такая беленькая, такая щеголиха! Куда мне с нею равняться!» Алексей божился ей, что она лучше всевозможных беленьких барышень, и, чтоб успокоить её совсем, начал описывать её госпожу такими смешными чертами, что Лиза хохотала от души. «Однако ж, — сказала она со вздохом, — хоть барышня, может, и смешна, всё же я перед нею дура безграмотная». — «И! — сказал Алексей, — есть о чём сокрушаться! Да коли хочешь, я тотчас выучу тебя грамоте». — «А правда, — сказала Лиза, — не попытаться ли и в самом деле?» — «Изволь, милая; начнём хоть сейчас». Они сели. Алексей вынул из кармана карандаш и записную книжку, и Акулина выучилась азбуке удивительно скоро. Алексей не мог надивиться её понятливости. На следующее утро она захотела попробовать и писать. Сначала карандаш не слушался её, но через несколько минут она и вырисовывать буквы стала довольно хорошо. «Что за чудо!» — говорил Алексей

Между тем недавнее знакомство между Иваном Петровичем Берестовым и Григорием Ивановичем Муромским более и более укреплялось и вскоре превратилось в дружбу, вот по каким обстоятельствам: Муромский нередко думал о том, что после смерти Ивана Петровича всё его имение перейдёт в руки Алексею Ивановичу; что в таком случае Алексей Иванович будет один из самых богатых помещиков той губернии, и что нет ему никакой

причины не жениться на Лизе. Старый же Берестов, со своей стороны, думал, что Иван Петрович, вероятно, обрадуется случаю выдать свою дочь выгодным образом.

Муромский думал, как ему уговорить Лизу познакомиться ближе с Алексеем, которого она видела только один раз. Казалось, они друг другу не очень понравились. Но если Алексей будет приезжать к ним каждый день, то Лиза должна будет в него влюбиться. «Время всё уладит», — думал Григорий Иванович Муромский.

Иван Петрович Берестов в тот же вечер позвал сына в свой кабинет, закурил трубку и, немного помолчав, сказал: «Что же ты, Алёша, давно про военную службу не говоришь? Или уже не нравится тебе гусарский мундир?» — «Нет, батюшка, — отвечал почтительно Алексей, — я вижу, что вы не хотите, чтобы я шёл в гусары; мой долг вам повиноваться». — «Хорошо, — отвечал Иван Петрович, — вижу, что ты послушный сын; не хочу и я, чтобы ты отказывался от военной службы... Ну, а пока я хочу тебя женить».

— На ком, батюшка? — спросил удивлённый Алексей.

— На Лизавете Григорьевне Муромской, — отвечал Иван Петрович.

— Батюшка, я о женитьбе ещё не думаю.

— Ты не думаешь, так я за тебя думаю.

— Но Лиза Муромская мне вовсе не нравится.

— После понравится.

— Как вам угодно, батюшка, я не хочу жениться и не женюсь.

— Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение продам, и тебе ни копейки не оставлю. Даю тебе три дня, а пока не показывайся мне на глаза.

Алексей знал, что отец не изменял своих решений, но Алексей был похож на отца, и его тоже было трудно переспорить. Он ушёл в свою комнату и стал думать о родительской власти, о Лизавете Григорьевне, об обещании отца сделать его нищим, и наконец об Акулине. В первый раз видел он ясно, что он в неё страстно влюблён; романтическая мысль жениться на крестьянке и жить своими трудами пришла ему в голову, и чем более он думал о своём решительном поступке, тем более находил его правильным. С некоторого времени свидания в роще были прекращены из-за дождливой погоды. Он написал Акулине письмо самым чётким почерком, объявил о грозящей им гибели и предлагал ей свою руку. Сейчас же отнёс он письмо на почту, в дупло, и лёг спать весьма довольный собою.

На другой день Алексей рано утром поехал к Муромскому, чтобы откровенно с ним объяснить. «Дома ли Григорий Иванович?» — спросил он. — «Нет, — отвечал слуга. — Григорий Иванович уехал с утра». — «Дома ли Лизавета Григорьевна?» — «Дома». И Алексей спрыгнул с лошади и пошёл без доклада.

«Всё будет решено, — думал он, подходя к гостиной, — объяснюсь с нею самою». Он вошёл и остолбенел! Лиза... нет, Акулина, милая, смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платье, сидела перед окном и читала его письмо; она так была занята, что не слыхала, как он вошёл. Алексей вскрикнул от радости. Лиза вздрогнула, подняла голову, закричала и хо-

тела убежать. «Акулина, Акулина! Друг мой, Акулина!» — повторял он, целуя её руки. В эту минуту дверь открылась, и Григорий Иванович вошёл.

«Ага! — сказал Муромский, — да у вас, кажется, дело совсем уже слажено...»

Читатели избавят меня от излишней обязанности описывать развязку.

Задание 5. Ответьте на вопросы к тексту.

1. Что вы узнали об Иване Петровиче Берестове и Григории Ивановиче Муромском? Почему они были в ссоре?
2. Каким был Алексей Берестов?
3. Какой план придумали Лиза и Настя?
4. Как Алексей отнёсся к Акулине?
5. Почему Алексей так быстро влюбился в Акулину?
6. Как выглядела Лиза, когда Алексей приехал в гости? Почему она не появилась в своём обычном виде?
7. Какая мысль одновременно пришла в голову старшему Берестову и Муромскому?
8. Какое условие поставил Иван Петрович сыну?
9. Какое решение принял Алексей? Почему?
10. Как он сообщил Акулине о своём решении?
11. С какой целью Алексей на следующий день поехал к Муромским?
12. Как была раскрыта тайна Лизы?

Задание 6. Расположите данные словосочетания в соответствии с сюжетом повести.

Предлагал ей свою руку, ни копейки не оставлю, наряжусь крестьянкой, выносил критику нетерпеливо, пошли играть в горелки, не мог узнать Акулину в смешной и блестящей барышне, выучилась азбуке, был влюблён без памяти.

Задание 7. Перескажите текст, используя словосочетания из задания 6.

Задание 8. Побеседуем.

1. Почему повесть называется «Барышня-крестьянка»?
2. Как вы думаете, мог ли в наше время происходить между отцом и сыном разговор, подобный тому, что происходил между Иваном Петровичем Берестовым и Алексеем?
3. Какой была развязка, о которой Пушкин не захотел писать?

Учебное издание

**Баландина Людмила Васильевна
Жизневская Ольга Николаевна
Каминская Ирина Сергеевна
Полищук Зоя Николаевна**

ЧИТАЕМ И ГОВОРИМ ПО-РУССКИ

Книга для чтения

В двух частях

Часть 2

2-е издание, переработанное и дополненное

Редактор *Л.М. Малинина*

Ответственный за выпуск
Л.В. Баландина

Компьютерный набор
Ю.Б. Исаенко

Подписано в печать *31.08.09*. Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 9,70. Уч.-изд. л. 7,79. Тираж *150* экз. Заказ *52*.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет».

ЛИ № 02330/0548503 от 16.06.2009 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.